

A woman with long, wavy brown hair is shown in profile, looking upwards and to the left. Her hair is blowing through a blue mesh screen, creating a dynamic, ethereal effect. The background is a soft, light blue gradient.

ЛУИЗА
РОЗЕТТ

Можно ли спасти
любимого человека,
если даже не можешь
спасти себя?

больше никаких

ПРИЗНАНИЙ

Роуз Царелли перестала делать признания, потому что они для тех, кто сделал что-то плохое. А я не делала ничего плохого. И я это докажу.1) После того, как моей маме позвонили, я «одолжила» ее машину (ведь нельзя же угнать машину своей мамы, правда?). Я совсем не помню, как ехала через центр города, зато помню...2)...как прошла мимо вышибалы в Dizzy's (вообще-то их работа заключается в том, чтобы распознавать фальшивые удостоверения, так что я тут ни при чём)...3)...а потом сказала маме правду про бар, но соврала о том, как туда попала (правда полностью отменяет ложь, ведь так?)И все же какая ирония судьбы: неужели отыскать Джейми Форты — единственное, что не даст тебе потерять остатки разума? Видите? Отличное начало одиннадцатого класса!

Оглавление

ОСЕНЬ

Глава 1

Передо мной абсолютно пьяная девочка с розовыми тенями на веках. Черные от туши слезы каплют ей на лицо и на белый кружевной топ на бретельках. А она умоляет самодовольного охранника пропустить ее в «Dizzy's», потому что там ее парень с какой-то другой девчонкой, а ей просто нужно увидеть его и сделать так, чтобы он узнал, какая та девчонка шлюха.

Как мило девочки отзываются друг о друге.

— Мне нужно его увидеть, мне нужен... он! — вопит она.

Подруга не дает ей упасть, держа ее за загорелые плечи, а она настолько пьяна, что ее ноги в белых босоножках на пробковой платформе трясутся, как желе.

Я отвожу взгляд с отвращением и стыдом за всех девочек в мире.

Возможно, эта вопящая девчонка из Нью-Хейвена и учится в чертовом Йеле, а значит, у нее неслабые мозги в голове. Ей следовало бы знать, что девочкам не нужны парни. Романтическая индустрия твердит, что они нам нужны, чтобы направить нас в лапы индустрии красоты, где мы растрачиваем наши умственные и денежные ресурсы на губную помаду и джинсы скинни. Если мы будем помешаны на всей этой дряни, мы не будем задумываться о том, чего мы хотим, кем хотим быть и в чем хотим участвовать.

Ох, ладно, летом я вычитала это в книге, написанной маминим мозгоправом, и постоянно к этому возвращаюсь. Она называется «Убить Золушку: как исправить урон, который мы нанесли нашим девочкам». Так что я немного одурманена тендерной теорией, и делайте со мной, что хотите.

Я громко усмехаюсь над вопящей девчонкой, и ее подруга оглядывается на меня с обвиняющим видом, словно говорит: «Можно подумать, ты здесь не для того, чтобы увидаться с парнем, который бросил твою жалкую задницу, Провинциалка-недоросток».

Я вас умоляю. У меня совсем другая ситуация, и вот почему. Во-первых, я не устраиваю сцены с криками и упрашиванием. Во-вторых, готова поспорить, Пьянчужка уж точно не обнаружила, что в интернете есть видео, настоящее долбаное видео о том, как ее отца убили в Ираке два года назад.

Так что да, если я здесь, чтобы увидеть парня, который «бросил мою жалкую задницу» — а, похоже, технически так и есть — я, скорее всего, пройду проверку. Я здесь не для того, чтобы сделать его своим парнем, потому что мне не нужен парень. Но он единственный

человек из всех, кого я знаю — кроме моей мамы и брата — кто может хотя бы представить, на что похоже это чувство. Он единственный человек, с которым я хочу быть рядом, смотря это видео, и мне нужно знать, сделает ли он это со мной.

Подруга Пьянчужки — назовем ее Обвинялка — разворачивается обратно как раз в тот момент, когда Пьянчужку рвет прямо на кружевной топ. Судя по всему, этим вечером она пила коктейли розового цвета.

— Идите, проспите, девушки, — рывкает охранник, отодвигая их движением мясистой руки. Я постукиваю по тротуару пяткой своего ботинка Doc Martens без тени сочувствия, с раздражением и тревогой за мое появление у двери. Охранник позволяет себе насладиться окончанием шоу Пьянчужки и Обвинялки, прежде чем переводит взгляд на меня.

Он разглядывает мое лицо, затем его пристальный взор спускается к моей груди, а потом переходит к губам, оценивая мой внешний вид, а я чувствую себя так, будто он до меня дотрагивается. Наконец, его глаза встречаются с моими. Он поднимает одну бровь и манит меня к себе, скрючив палец, как злодей из мультика. Делаю шаг вперед и протягиваю ему поддельные документы. Я никогда раньше }ими не пользовалась, поэтому заставляю себя дышать ровно, пока он косится на них, а } затем на меня. Я позволяю своей длинной челке упасть и закрыть пол-лица и смотрю на него так жестко, как только могу.

}— Я здесь, чтобы увидеть Джейми.

}Слышу в своем голосе вопросительную интонацию, но ничего не могу с этим поделать. Я, вообще-то, только что объявила, что мне шестнадцать, а не двадцать один, и мои документы не настоящие, но я выдерживаю его долгий взгляд, не мигая. Он оглядывается, делая в уме какие-то вычисления, которые мне непонятны. И как раз, когда я думаю, что он собирается отправить меня домой, он хмыкает и бормочет:

}— Форта заставит нас закрыться со своими несовершеннолетними телками, — после этого он выдавливает из себя снисходительную улыбку и протягивает мне документы. — Проходи. Удачи, детка.

}Очевидно, не только девочки говорят о девочках не вполне уважительно.

}Мысленно я плюю в него. В реальном мире я захожу в бар, стараясь быть максимально спокойной, не хочу его радовать никоим образом. Как только я оказываюсь внутри, у меня начинают трястись руки, но теперь это ничего не значит — я здесь, я сделала это. Я первый, раз в баре, всего спустя полчаса как я узнала, что мое личное взрывное устройство тикает в интернете и собирается взорвать мою жизнь, когда я буду готова.

У меня пищит телефон и я смотрю на экран и вижу сообщение от Холли: *«Твоя мама мне звонила. Ты где?»*

Не могу ей сейчас ответить. Мне нужно разобраться, как... быть в баре.

Я озираюсь, как будто предполагаю, что могу кого-то встретить. Я даже не выбирала наряд перед тем, как сюда поехать. В лучшем случае я ношу нечто неопишное; в худшем — то, что может носить одиннадцатиклассница, поющая в группе: рваные джинсы, дырявая футболка с Неко Кейс и Мартинсы. В баре тесно, шумно и жарко — у нас аномальная жара в середине сентября, и, похоже, мистер Диззи, скорее позволит влаге проникать через открытые окна, чем заплатит за установку кондиционеров.

Это место — или катастрофа, или свидетельство долговечности. Все зависит от вашей точки зрения. Люди вырезали и царапали свои инициалы на всех доступных поверхностях, начиная с темных панелей на стенах и заканчивая дубовыми скамейками и столами. На потолке таинственные грязные разводы, а напольное покрытие истерто практически в ноль.

Сюда часто заходят все типы людей — от взрослых парней с длинными неаккуратными волосами и мото-экипировкой на одном конце барной стойки до студентов колледжа на другой. Это круто, но атмосфера здесь странная.

Хотя я понятия не имею, какая атмосфера должна быть в баре.

мои поддельные документы прилипли к вспотевшей ладони. Мне дала их моя лучшая подруга Трейси, которая провела лето у своей тети в Нью-Йорке, где проходила стажировку в журнале «Marlien». Трейси ни с кем не подружилась в редакции этого модного журнала. Как единственный стажер-старшеклассник, большую часть времени она делала всем кофе, и никого — за исключением самой Марлин — не волновало, что ее блог однажды упоминался в «Times». Ее ни разу не пригласили на тусовку после работы, зато ей выдали поддельные документы «на всякий случай», а она сделала такие же для меня.

Вот и настал мой «всякий случай».

Если бы кто-нибудь полчаса назад сказал мне, что я использую свою подделку, чтобы сегодня попасть в «Dizzy's» и увидеть Джейми, я бы просто расхохоталась. И, конечно же, на тот момент я еще ни разу не слышала панику в голосе Вики.

Она позвонила после ужина и даже не поздоровалась, когда я ответила на звонок, просто сказала:

— Дай-ка мамаше трубку.

До этого Вики и моя мама ни разу не общались, мама — не самая большая фанатка женщины, с которой я подружилась в интернете, когда обнаружила, что ее сын и мой отец погибли при одном и том же взрыве. Но по одной интонации Вики я поняла: спрашивать ни о чем не стоит. Я лишь протянула трубку маме и наблюдала, как она бледнеет.

Я уже стояла на пороге с ее ключами от машины, когда она закончила рассказывать, почему звонила Викки. Я услышала «видео» и «онлайн» в контексте панического звонка от Вики, и мне этого хватило, чтобы представить всю картину.

Бросаю быстрый взгляд на себя в зеркале над барной стойкой — последние сантиметры моих длинных каштановых волос ярко-синего цвета, а челка падает на глаза — и в этот момент понимаю, что Джейми не убирает здесь со столов, как я слышала. Он стоит за барной стойкой и наполняет стаканы пивом из-под крана. В нем есть что-то новое — нечто строгое. Не знаю, что именно.

Интересно, заговорит ли он со мной.

Джейми не из тех людей, которые будут кричать прилюдно, поэтому худшее, что может случиться, он меня проигнорирует. Тем не менее, я не двигаюсь с места, надеюсь, что он меня заметит, и мне не придется специально привлекать его внимание. Он занят и работает быстро, чтобы всех обслужить. Он сгребает деньги с барной стойки и заталкивает их в коробку для чаевых, которая уже полна, хотя еще довольно рано для вечера четверга в студенческом городе.

Грубоватый голос позади меня бормочет что-то мерзкое о девочках-подростках. Быстро занимаю место рядом с йельцами, а мамины ключи в заднем кармане вонзаются в меня, напоминая, что я взяла машину без разрешения.

Я жду. Это длится всего лишь минуту.

До того, как его взгляд мрачнеет при виде меня, в нем мелькает огонь, переворачивающий все у меня внутри. Я прекрасно помню, каково ощущать руки Джейми Форта на своей обнаженной коже, хотя я все лето старалась не позволять себе об этом думать. После того, как он заткнул меня, не дав мне ничего объяснить. Дословно помню, что

он мне сказал на парковке после драки с Энтони Паррина:

— Знать тебя не хочу.

Ему же хуже.

Джейми тянет время, наливая пиво студенткам, сидящим рядом со мной. Он улыбается, протягивая им стаканы. Джейми, которого я знала, не улыбался без веской причины — люди должны были это заслужить. Но сейчас он свободно дарит свою улыбку этим девушкам.

Одна из них улыбается в ответ, прежде чем повернуться к своим друзьям, которые даже не замечают Джейми. Да и с чего бы им его замечать? В их представлении Джейми — провинциал. А они учатся в Йеле.

И? И что? Это делает их особенными? Они получили высокий балл на экзаменах и много занимались в старших классах. Подумаешь.

Подходит еще одна студентка, и Улыбающаяся Девушка ее обнимает.

— Джейми, еще пива для Скай, — кричит она через плечо подруги.

Она только что...

Почему эта чертова девка знает, как его зовут?

Джейми нашивает еще пива и на этот раз подмигивает ей, отдавая стакан. Она смеется, берет пиво и бросает доллар в коробку для чаевых. Стоит мне подумать, что он собрался меня игнорировать, как он наклоняется над барной стойкой и скрещивает руки.

— Как ты сюда попала?

Он поднимает брови, ожидая ответа. Я показываю свои потные документы. Он мельком смотрит на них.

— Диззи тебя с этим впустил?

— Так это был Диззи? — спрашиваю я.

— Несовершеннолетних сюда не пускают.

Мое лицо моментально вспыхивает от гнева.

— А как насчет несовершеннолетних барменов?

— Чего ты хочешь? — требовательно спрашивает он.

Улыбающаяся Девушка чувствует какой-то шум и оборачивается посмотреть, что происходит. Я вызываю у нее интерес, а значит он ей нравится. Я тоже смотрю на нее, пока она не возвращается к общению с друзьями.

У нее ярко-зеленые глаза, длинные каштановые волосы, широкие штаны с большими карманами, футболка с идеальными дырками и тонкая золотая цепочка на шее, которая выглядывает изпод ХУ-образного выреза. Она рассказывает об арт-объекте, над которым сейчас работает. Она с легкостью привлекает всеобщее внимание и жестикулирует изящными, но крепкими руками. Всегда таким завидую, когда вижу у других. Ее предплечье слегка измазано краской.

} Она сексуальна.

} Ну, что ж, повезло.

} Снова переключаю внимание на Джейми.

} — Можно с тобой поговорить?

} — У меня нет времени.

} Я игнорирую колкость его слов.

} — А сможешь найти время?

} — А похоже, что смогу?

} Часть меня хочет рассказать ему о видео просто, чтобы шокировать и заставить его

чувствовать вину за свое поведение. Но я достаточно долго ходила на психотерапию, чтобы понимать, в конце концов, я не буду довольна таким поступком. К тому же, если я заговорю об этом, он начнет задавать вопросы, а потом догадается, что я сразу примчалась к нему, даже не посмотрев видео.

} Хотя, как можно меня винить? Что, если мне нужно время, чтобы набраться смелости и посмотреть видео о том, как взрывают моего папу?

В какой-то мере удивительно, что на обнаружение этого видео ушло два года. Сейчас же каждый — оператор — постановщик. Но еще сильнее меня удивляет, что человек, с которым я тотчас же захотела поговорить, когда все узнала — даром, что мы еще одно лето не общались — это Джейми.

Теперь я вижу, насколько это тупо. Мы оба потеряли родителя, но этого недостаточно, чтобы вместе преодолевать все остальное.

Ну и хрен с ним. Мне он не нужен.

Я отодвигаюсь от барной стойки и соскальзываю с табурета. Когда я оглядываюсь на мисс Широкие Штаны, у меня стремительно пролетают три мысли (именно в такой последовательности): она фальшивка; хотела бы я быть такой же крутой, как она; не хочу быть девушкой, которая считает другую девушку фальшивкой только из-за ревности.

Пока я думаю над этим, Джейми, не говоря ни слова, возвращается к работе.

Еще пару секунд стою на месте, наблюдая, как он опять входит в роль горячего молодого бармена, смысл жизни которого — наливать будущим руководителям то, что они хотят. А потом ухожу из бара так уверенно, как только может человек, которого столь бесповоротно отшили. Я иду настолько быстро, что чуть не падаю назад, когда мясистая рука Диззи опускается мне на плечо. — Как там наш товарищ?

Я оборачиваюсь, изо всех сил стараясь незаметно освободиться от его маслянистой лапы.

— Занят.

— Как всегда, милашка, как всегда. Девушки любят Джейми. И некоторые парни тоже. Хе-хе, — усмехается он.

Он еще раз смотрит на мою грудь — многовато для приличного человека — затем протягивает руку.

— Документы, пожалуйста.

Я в замешательстве показываю их еще раз.

— Спасибо, девчуля, — говорит он, забирая их и сминая в кулаке. — А теперь иди и не возвращайся.

Глава 2

— Роуз, ты не можешь брать мою машину без разрешения.

Мама пытается не показывать мне, что она плакала. Она все еще в мозгоправской одежде природных тонов, хотя я знаю, что она виделась со своим последним подростком с отклонениями больше двух часов назад. Мы стоим на кухне у раковины перед большим панорамным окном, обрамленным крошечными белыми лампочками. Здесь они с папой всегда вместе пили кофе по утрам и смотрели на наш задний дворик.

Мама наклоняется, включает уличное освещение, и я вижу, что наши большие красивые клены начали осыпаться. Через неделю или две наш газон будет покрыт листьями огненных оттенков. Ей придется дважды меня просить сгрести их граблями обожаю, как они выглядят.

— Машина не твоя, чтобы делать с ней, что хочешь, — говорит она.

Мы пристально смотрим прямо перед собой, не в состоянии взглянуть друг на друга. Мы обе знаем, что на самом деле ссоримся не из-за машины. Так проще, чем ссориться из-за видео.

Она его смотрела? Пытаюсь примирить свой разум с мыслью о том, что мама видит, как мой отец — мужчина, которого она полюбила, вышла за него замуж и родила двоих детей — погибает на видео, снятом на смартфон какого-то придурка. На смартфон.

Наконец, я смотрю на нее и словно вижу себя в ее лице: в линиях скул и подбородка, в покрасневших глазах. Я сделала эту ситуацию для нее еще хуже, когда исчезла на несколько часов. Интересно, чувствует ли она, что люди ее покидают: папа, мой брат Питер, ее парень Дирк, а теперь я?

Когда я прикасаюсь к ее руке, она удивляется — не уверена, что именно ее удивляет: мое прикосновение или то, что я до сих пор здесь стою.

— Извини, что я так уехала. Не знаю, что это было.

— Где ты была, Роуз?

Вопрос, на который я пытаюсь не отвечать. Я могу соврать, потому что теперь мне стало проще лгать, даже когда я стараюсь быть искренней и настоящей — определенно, этим стоит гордиться. Но я догадываюсь, что она уже знает ответ.

После инцидента на парковке мама ясно дала мне понять, что на ближайшее время Джейми — «запретная территория». Какую-то часть меня это устроило — Джейми не дал мне возможности объяснить мою роль во всем этом, а значит, он и не достоин объяснений. Я ему не звонила, и он мне не звонил. В общем, прошлое лето повторилось. С одним исключением: прошлым летом я знала, что увижу его, когда начнется учебный год. Теперь все по-другому. Поэтому однажды я поддалась искушению и спросила Энджело — лучшего друга Джейми и моего товарища по группе — как дела у Джейми. Так я и обнаружила, что он работает в «Dizzy's».

Не знаю, как мама это выяснила, но думаю, она следит за жизнью Джейми — как для его блага, так и для моего. Он был маминым пациентом после смерти его матери, и он ей нравится. Осмелюсь даже сказать, что она к нему привязалась. Она знает, что у него золотое сердце, но на его долю выпало немало тяжелых моментов. По ее мнению, сейчас ему достается слишком много ударов судьбы, и далеко не последний из них — быть исключенным из школы за «хулиганство» и работать в баре.

Ее не волнует, что его признали хулиганом в то время, как он защищал человека, о котором заботится. Не волнует ее и то, что у меня тоже были проблемы с драками — она предпочитает упускать это из виду. Не могу ее винить. Какая мать захочет признавать, что у ее дочери есть безобразные наклонности?

Когда я не отвечаю на вопрос, мама идет к нашему расшатанному пластиковому столу с металлическими ножками, на котором еще стоят тарелки после ужина, и опускается на винтажный красный стул из винила. Она поднимает очки на лоб и закрывает ладонями глаза. Она всегда забывает, что у нее накрашены глаза, а я обычно напоминаю ей об этом, но не сейчас.

Просто скажи, куда ты ездила на моей машине без разрешения.

Я сажусь напротив, а виниловый стул скрипит в знак протеста или предупреждения, чтобы я не делала того, что собираюсь. И все же я делаю это.

— Я ездила к Джейми.

Она убирает руки от глаз, чтобы посмотреть на меня.

— К нему домой? — спрашивает она.

Качаю головой.

— Ты была в «Dizzy's»? И тебя туда пустили?

— Я сказала парню у входа, что мне нужен Джейми на пару минут. Не думаю, что они меня пустили, чтобы я там выпивала, логически обосновываю я свое решение умолчать о поддельных документах.

Все равно у меня их больше нет. Так зачем ее тревожить еще сильнее?

Она ошарашенно качает головой.

— Тебе шестнадцать, Роуз. Нет таких обстоятельств — ни одного — при которых ты можешь находиться в баре. Никакой машины на две недели. И если я узнаю, что твоя нога еще раз ступила в это место, или что ты виделась с Джейми, ты будешь сидеть под домашним арестом, пока не окончишь школу.

Я легко отделалась, но я впиваюсь взглядом в стол и молчу, потому что не хочу, чтобы она узнала всю правду.

— Я думала, мы решили, что ты будешь держаться на расстоянии от Джейми.

Не очень хорошо помню, что происходило между моментом, когда мама рассказала мне про видео, и когда я оказалась в очереди перед «Dizzy's». Но точно знаю, что разговор с Джейми за один миг стал для меня вопросом жизни и смерти.

— Мне казалось, он знает, как поступить. С просмотром.

— И что он сделал?

— Выяснилось, что он не заинтересован в разговорах со мной.

Когда она снова заговаривает, в ее голосе звучит сомнение.

— Так ты его еще не смотрела?

— Нет. А ты? — вопрос вырывается прежде, чем я успела его обдумать.

Она разглядывает свои руки, прижатые к столу, как будто не узнает их.

Она смотрела его. Моя мама смотрела. Одна.

Может, если я спрошу ее о нем, у меня не будет искушения зайти в интернет и свести на нет весь мой двухлетний прогресс в области управления гневом, паническими атаками и неконтролируемым воображением. Но когда ее руки медленно поднимаются со стола, чтобы прикрыть рот, словно она боится, что происходящее внутри нее выйдет наружу, я понимаю — спрашивать ничего не буду.

Я мягко беру ее запястья и держу их в своих руках.

— Дыши, мам, — шепчу я.

Ее голубые глаза встречаются с моими, и я вижу, как ей тяжело от того, что я ее утешаю, а не наоборот. Но ведь именно она посмотрела видео этого придурка, а не я, и, к несчастью для нее, не существует правил и книг по самопомощи для таких ситуаций. Не успеваю я об этом подумать, как у меня в голове совершенно неуместно выскакивает название: «Что делать, когда кто-то снимает гибель твоего мужа на смартфон: руководство».

Думаю, наш мозгоправ Кэрон имела в виду именно это, когда говорила, что скорбь не линейна — она просто окружает тебя со всех сторон. А еще, как говорила Кэрон, иногда все, что ты можешь сделать — дышать и существовать, и этого достаточно. Так мы с мамой и делаем. Сидим, вдыхаем и выдыхаем.

Открывается входная дверь, и мама поднимает взгляд на часы. Мы с ней слышим, как Холли бросает ключи на подставку, снимает стучащие туфли — сабо и направляется на кухню под аккомпанемент своих звенящих серебряных браслетов. Мы обе привыкли к этому

звучу за последние несколько месяцев, он успокаивает.

В прошлом году подозрительно милая Холли Тейлор и ее папа Дирк переехали в Юнион из Лос-Анджелеса, чтобы он в течение года преподавал драматическое искусство в Иеле. Холли из той редкой породы девочек, которые приятны в общении настолько же, насколько красивы. Мы с Холли подружились, а потом моя мама начала встречаться с Дирком. Я не была фанаткой Дирка. Несмотря на то, что он известный киноактер (или как раз поэтому), он вел себя как полный дебил. Плюс еще один его маленький недостаток — он не был моим отцом. Но он сделал маму счастливой. Я давно не видела ее счастливой поэтому я переступила через себя и постаралась ее поддержать. Когда закончился учебный год в Иеле, он уехал в ЛосАнджелес на съемки телешоу, но Холли не захотела покидать Юнион. Мама сказала Дирку, что она может жить с нами, и он согласился, хоть и не был в восторге от этой идеи.

Холли идет по жизни с верой в то, что все хорошее находится буквально в паре шагов от каждого человека. Я в это не верю, но мне нравится быть рядом с тем, кто верит. Допустим, я не верю в Бога, но мне приятно знать, что каждую неделю в Техасе за меня молится Вики. Ну, она говорит, что каждую неделю, а я думаю, она делает это каждый день просто не хочет мне рассказывать, чтобы не шокировать.

Мне очень нравится, что Холли живет у нас, особенно теперь, когда Трейси проводит почти все лето в городе, а мой брат Питер рано вернулся в Тафте. Маме тоже нравится с ней жить, даже несмотря на определенные сложности. Холли встречается с парнем из колледжа, мне бы мама стопроцентно такого никогда не позволила. Не думаю, что Дирк бы позволил это Холли, если бы Кэл не учился в его группе в прошлом году и не нравился Дирку. Я понятия не имею, каково быть родителем, но догадываюсь, что Дирк осознает, насколько бесполезно удерживать парней на расстоянии от его красивой дочери. Поэтому, если она хочет гулять с парнем, которого он знает и доверяет ему, возможно, в интересах Дирка ей это разрешить.

Холли останавливается в дверях и прислоняется к косяку.

— Извините, что опоздала, — говорит она, взволнованно глядя то на маму, то на меня.

— Как спектакль?

Мамин голос немного дрожит, но она старается говорить спокойно. Она отодвигает стул для Холли и похлопывает по сиденью.

— Папа был бы в восторге от их игры, но не в экстазе, — Холли идет к столу, позвякивая браслетами, и садится, поджав под себя ногу.

— У вас все — она быстро сдерживается, чтобы не спросить, все ли у нас нормально. — Как дела?

Тишину нарушает только тиканье часов над плитой. Они все тикают. И тикают.

— Думаю, мы в шоке, — наконец отвечает мама, — как будто это снова случилось. Хоть это и невозможно.

Ее голос надламывается, и это звучит так, словно она пытается убедить саму себя. Она прокаитивается, собирает тарелки, которые я не потрудились помыть после ужина в своем жгучем желании немедленно свалить из дома, и несет их в раковину.

— Девочки, я уверена, что вам любопытно, но если вы это увидите, стереть из памяти уже не сможете.

— Я скачаю его, мам. Сейчас моя очередь.

Кажется, она меня не слышит.

— Я не могу запретить тебе его смотреть, — продолжает она, открывая посудомоечную машину. Ставит туда тарелки, не ополаскивая, чего никогда в жизни не делала. — Могу только сказать, что не хотела бы, чтобы ты смотрела.

Она закрывает посудомойку и выключает свет, забыв об оставшихся на столе стаканах и салатнице, забыв о том, что мы с Холли еще сидим на кухне.

— Роуз, я отправила Питеру сообщение — просто написала, что мне нужно с ним поговорить. Дай мне знать, если он с тобой свяжется. И не ложись поздно — завтра в школу.

Оставляя нас сидеть в темноте, она добавляет: — И никакой машины на неделю, Роуз.

Я хочу указать на то, что раньше она говорила «на две недели», но не решаюсь. А может, я просто пользуюсь случаем. Мы с Холли слышим, как она поднимается в свою комнату и закрывает дверь спальни.

— Она мне звонила, рассказала, что случилось. Мне кажется, она подумала, что ты пошла искать меня, — шепчет Холли, как будто мама может нас услышать. — Ты получила мое сообщение?

Я киваю.

— И где ты была?

— В «Dizzy's».

— Роуз! А как же твой план держаться от него подальше? Постой, а как тебя туда пустили?

— Взяла поддельные документы, которые мне дала Трейси.

Холли восхищенно ахает.

— И это сработало?

— Вроде бы. Меня впустили, но тот парень понял, что это фейк и забрал их на выходе.

— Ого. Трейси это не понравится, — говорит она, перебирая свои браслеты.

— Ну, судя по всему, это были не очень хорошие фальшивые документы.

— Само собой. Так что случилось с избеганием Джейми?

Я вздыхаю, жалея, что не поступила сегодня по другому.

— Я туда ездила не для того, чтобы его вернуть. Мне просто нужно было с ним поговорить. Хотела попросить его посмотреть со мной видео, но ничего не вышло, потому что он был слишком занят работой за баром.

— Как его туда взяли? — спрашивает она.

— Похоже, его поддельные документы лучше, чем мои, — говорю я, понимая, что Джейми никогда и ни для чего не нужны поддельные документы. — Он получает много чаевых и очень популярен.

Я думаю о мисс Широкие Штаны с ее каштановыми волосами, зелеными глазами и неповторимой улыбкой, предназначенной Джейми. Резко срываю со стола салатниц, со стуком отправляя большую ложку из нее на пол.

— Там была девушка. Из Йеля, — презрительно добавляю я, а потом вспоминаю, что Холли встречается со студентом Йеля.

— Извини.

Она отмахивается от моих слов, подбирает ложку и забирает у меня из рук салатницу.

— Он с ней? — спрашивает она, ополаскивая ее и ставя в посудомойку.

— Не знаю. Они явно флиртовали. Ну и ладно, меня это не волнует.

— Ой, прекрати, Роуз, конечно, волнует, — она достает тарелки, которые поставила в посудомойку мама, и ополаскивает их тоже.

— Нет. Он не тот парень, и вообще парни только отвлекают внимание...

Раньше Холли уже слышала мою критику господства романтической индустрии в стиле «Убить Золушку». Она перебивает меня:

— Все эти вещи не меняют того, что ты любишь Джейми.

Я захопываю посудомойку чуть сильнее, чем следует, заставляя стаканы внутри биться друг о друга, и меняю тему.

— Мне нравится, что ты сегодня ходила на спектакль, а я — в дешевый бар с поддельными документами. «Кого из этих девочек ждет серьезное будущее?»

— Поверь мне, в баре было намного интереснее, чем на этом спектакле, — Холли берет меня под руку и уводит из кухни.

Мы выключаем свет, горящий на первом этаже, и еще раз проверяем, что входная дверь закрыта. Когда в доме гаснет весь свет, кроме отблеска уличных фонарей, Холли говорит:

— Я посмотрю его с тобой, если хочешь.

Обожаю Холли за то, что она это предложила, однако качаю головой.

— Мама права. Ты никогда не сможешь стереть это из памяти.

— Это нормально.

— Чтобы то ни было, твоей памяти это не нужно.

— Если ты соберешься его смотреть, ты должна сделать это с кем — то. Не важно, со мной, Джейми, твоей мамой или Питером. Обещаешь?

Могу ли я представить, как смотрю видео с мамой или братом? Придется довольно жестко справляться со своими чувствами — не уверена, что смогу справиться и с их чувствами тоже. Возможно, именно поэтому я и поехала к Джейми. Но у Джейми все руки заняты его Йельцами. На самом деле, в этот самый миг его руки и правда могут быть заняты одной студенткой Йеля.

Словно читая мои мысли, Холли говорит:

— Он будет рядом. Он всегда так делает, когда это касается тебя.

}Глава 3}

}

}Я наверху, роюсь в куче скомканной одежды и простыней на своей кровати. И тут мои пальцы касаются холодного металла ноутбука. Вытаскиваю его и открываю — экран возвращается к жизни со старой фотографией родителей, сделанной еще до того, как мы с братом родились. Питер сканирует семейные фото из старых альбомов, чтобы у нас бЫШИ цифровые версии, а я поменяла настройки компьютера — теперь каждый раз, когда я его открываю, появляется новое фото. Иногда это невыносимо, но я не меняю заставку.}

}Поднимаю глаза на старую гитару Энджелло, стоящую в углу комнаты. Последние несколько дней я к ней не прикасалась. Планировала попрактиковаться сегодня вечером, чтобы Энджелло не прибил меня на завтрашней репетиции. Энджелло уже задолби, хочет натренировать меня играть на гитаре, а он бы тогда играл на басу, но предельно ясно, что теперь этого не случится.}

}Как только я захожу в интернет, мои пальцы зависают над клавиатурой. Я знаю, что если я это посмотрю, то, возможно, получу ответы на вопросы, накопившиеся за последние два года. Например, что делал папа прямо перед смертью? Были ли с ним хорошие, добрые люди, когда это случилось? Все было быстро и безболезненно?}

}А когда все закончилось, его не разорвало на части?}

}На последнем вопросе я просто зациклена, хотя ответ очевиден.}

Он погиб от взрыва бомбы. «Не разорвало на части» — не вариант для такой ситуации. Я беру свой телефон и быстро набираю номер.

Пока идут гудки, я удерживаю его плечом у уха и накручиваю свою отросшую челку на палец. Тянусь к прикроватной тумбочке за своими фестонными ножницами, которые держу неподалеку как раз для этого.

Иногда единственное, что ты можешь контролировать в жизни, это твои волосы.

Мне не хочется избавляться от синих концов моей челки — пару недель назад Трейси помогла мне их сделать, и они реально круто смотрятся — но слишком уж она, черт возьми, длинная. Надо было подстричь ее до того, как мы покрасили концы. Но не всегда все происходит в том порядке, как ты хочешь.

Вики берет трубку со словами:

— Сладкая, если ты посмотрела видео, Богом клянусь...

Хотя я никогда не встречалась с Вики лично, я видела достаточно ее фотографий, чтобы представить, как она сидит за кухонным столом и обмахивается чем-нибудь, говоря по домашнему телефону с тридцатилетним, крученым проводом, возможно, липким от кухонного жира. Я воображаю ее вспотевшей от тexasской жары и промокающей лицо «сопливчиком», как она выражается.

— Ты только что упомянула имя Господа всуе? — поддразниваю я.

— Я тexasская христианка, дорогая — мы поминаем имя Господа всуе в некоторых ситуациях. А сейчас как раз «некоторая» ситуация.

Я свешиваюсь с кровати, и волосы закрывают мое лицо, как шторка.

— Вик, у тебя все нормально?

— Нет, конфетка. Могу сказать, что и у тебя тоже.

— Если мы его посмотрим, — говорю я, — мы, по крайней мере, узнаем, каково им там было.

Вики долго молчит, и я даже проверяю телефон, чтобы убедиться, что мы еще на связи. Наконец, она произносит:

— Мы никогда не узнаем, каково им было, милэш. И они бы этого не хотели. Не смотри его, моя хорошая.

Я подвожу ножницы под свою волосяную шторку, чтобы достать до челки. Чик. Синие пряди падают на пол.

— Это видео вообще не должно было увидеть свет, — продолжает Вики. — Вот что я тебе скажу: если бы я знала, где был Гейб, я бы с него живьем шкуру содрала.

Я застываю, а ножницы уже готовы нанести еще больший ущерб.

— Кто такой Гейб? — спрашиваю я.

После долгой паузы Вики говорит:

— Твоя мама не зашла так далеко, да?

Тяжело слушать, как она объясняет, что солдата, который опубликовал видео, зовут Габриэль Орtiz, и он был лучшим другом Тревиса. В Ираке он пользовался своим смартфоном, хотя солдатам это не разрешается. Они с Тревисом были в автоколонне, которая сопровождала папу и группу других инженеров. Габриэль пострадал от взрыва, но восстановился, отслужил свой срок и снова пошел служить по контракту, прежде чем в армии поняли — или просто признали — что у него посттравматический синдром, и он нестабилен.

— Так что они отослали его домой. А теперь, только Господь Бог знает, зачем он

выкладывает все эти чертовы видео, которые там наснимал. И вот что я тебе скажу, Розалита, если бы Тревис был здесь, он бы надрал этому идиоту задницу. Гейбу всегда приходилось помогать, чтоб он был в норме.

Я слышу дрожь в ее голосе, а затем она меняет тему так быстро, что я вздрагиваю.

— Ну и как одиннадцатый класс? — спрашивает она с огромным, но поддельным воодушевлением.

Одиннадцатый класс. Иногда я чувствую себя так, будто была в девятом еще пару секунд назад. А сегодня ощущаю себя на все двадцать лет.

— Роуз, ты тут?

— Да... извини.

Я не могу так быстро переключиться на другую тему — все еще пытаюсь смириться с тем, что Вики, как ни странно, знает парня, которого я называю «придурком со смартфоном».

Переворачиваюсь на спину и поднимаю челку двумя пальцами. Чик. Прядь падает мне на лицо, щекочет нос, прилипает к губам.

— Я только что слышала звук ножниц? — строго спрашивает Вики. — Ты же знаешь, что не должна сама себя стричь. Мы же говорили об этом!

Вики — парикмахер, и ей не нравится, когда я беру все в свои руки.

— Просто челку подравниваю, — говорю я.

— Есть профессионалы, которые будут счастливы это сделать, она вздыхает. — Только не стриги слишком коротко, а то твой лоб будет похож на большое футбольное поле в пятницу вечером, только без болельщиков.

— Не буду, Вик, обещаю.

— Отлично, слушай, я собираюсь найти этого мальчика, пока он не довел себя до суда, всеобщего позора или подвешивания за лодыжки.

Я сажусь с растопыренными ножницами в руке.

— Ты за него переживаешь? После того, что он нам сделал? Что за хрень?

Несмотря на то, что я в бешенстве, я съеживаюсь от своего выбора слов и интонации — я никогда раньше так не говорила с Вики. Но ее это не останавливает.

— Розалита, этот мальчик ел за моим столом почти каждый вечер своей жизни, пока не пошел служить. Сейчас ему немного подрезали крылья, но Тревис хотел бы, чтобы я ему помогла, это я и собираюсь сделать. А теперь перестань издеваться над своими волосами и ложись спать. И не — повторяю — не смотри это видео.

Я слышу, как она отключается, ставя свою старомодную трубку на держатель. А потом — мертвая тишина. Такое ощущение, словно я лечу в пропасть, и ничто меня не остановит.

Первый раз за два года дела пошли практически нормально, а сейчас... придурок со Смартфоном. Что он о себе возомнил? Кто дал ему право выкладывать такое видео онлайн, чтобы каждый мог его посмотреть?

Но пусть и проклиная имя Габриэля Ортиза, я знаю, что я — одна из тех, кто собирается посмотреть это видео. Вопрос лишь в том — когда, и согласится ли Джейми смотреть его со мной.

Снаружи дом Джейми выглядит уныло хлопья краски, облупившейся со ставень, валяются на жухлой траве. Ни разу не была внутри, но готова поспорить, что там не намного лучше.

Сейчас ночь, и я сижу в маминой машине. Ей пришлось принять целый арсенал снотворных, поэтому она вряд ли проснется, поймет, что я снова взяла машину, и исполнит свое обещание посадить меня под домашний арест на ближайшие пару лет. Учитывая ее сегодняшнее состояние, брать машину — это эгоистично и рискованно, а возможно, даже бессмысленно, потому что машины Джейми здесь нет. Тем не менее, я иду на этот риск. Не могу избавиться от ощущения, что он может мне помочь.

Не знаю, во сколько закрывается «Dizzy's», но уже почти два часа ночи. Скорее всего, он скоро придет домой. Если вообще придет. Напоминаю себе, что это его дело, не мое.

Я смотрю на дом, где Джейми жил со своим отцом последние несколько лет после того, как его мама умерла в лечебном учреждении. У нее была шизофрения, и мы с Джейми обсуждали это целых два раза общей продолжительностью три минуты. Пока я стараюсь не представлять его в комнате общежития мисс Широкие Штаны, переднее КРЫЛЬЦО дома освещается фарами. Он слишком быстро заезжает на подъездную дорожку, залетает на обочину, и шины сминают чахлую высохшую траву. Он глушит двигатель, но не выходит из машины.

Через минуту я иду к нему, чтобы заглянуть в открытое окно с пассажирской стороны. Джейми прислонился к двери, а его глаза закрыты.

— Джейми.

— Что? — говорит он, не открывая глаза.

Или он не узнал мой голос, или его не волнует, кто к нему обращается. Вероятнее всего, последнее.

— Ты собрался спать на дорожке?

— А чем плохое место? — невнятно произносит он.

— Ты пьян? — спрашиваю я.

Он открывает глаза, и ему требуется пара секунд, чтобы сфокусировать взгляд.

— Я работаю в баре, — говорит он.

Он сильным толчком открывает дверь, выходит из машины, удерживает равновесие, хватаясь за капот, а потом направляется к крыльцу. Крутит в руках ключи и роняет их. Когда открывает дверь и оглядывается, он с трудом находит меня, хотя я стою в полутора метрах от него.

Никогда не видела Джейми пьяным. И это неприятное зрелище.

— Мне нужно поговорить...

Он перебивает меня:

— Ага, избавь меня от своей слезки.

Он не только пьян, но и в дерьмовом настроении. Но он прав: я заявила к нему на работу без приглашения, а сейчас — к нему домой в два часа ночи, тоже без приглашения.

— Извини.

— Не можешь ко мне не лезть, да?

— Ой, да пошел ты, — отвечаю я.

Звучит грубо, но я странно себя чувствую — если бы он был трезвым, он бы услышал неуверенность в моем голосе.

— Зачем ты сюда приехала?

Я подхожу ближе, от него тяжелой волной исходит запах пива и чего-то еще. Не думала, что Джейми может быть непривлекательным, но как выяснилось, все-таки может. Из чего-то здесь можно извлечь жизненный урок, но я слишком взбешена, чтобы сейчас анализировать

ситуацию. Наклоняюсь к нему, чтобы убедиться, что до него дойдет каждое мое слово:

— Это экстренный случай. Понял? Или тебе нужно по буквам произнести, раз ты сейчас не в состоянии понять английский?

Мои резкие слова на него действуют, и за пьяным туманом мелькает тот Джейми, которого я знаю, причем обеспокоенный. Интересно, возможно ли, что только мы с Джейми знаем, как вести себя друг с другом, когда мне нужна помощь? Фигово, если так — согласно «Убить Золушку», хуже веры в Миф «Блеск для губ привлекает парней» может быть только вера в Миф «Девушка в беде». Значит, я гонюсь за ним всю ночь, так как некая часть меня знает, что я могу вернуть его таким способом?

Но я не хочу его возвращать. Ведь так?

Джейми придерживает для меня дверь, и, входя в дом, я чувствую, что мы переходим границу. Это доступ в святую святых семейства Форта. Все когда-то случается в первый раз.

В доме спертый воздух. Он ведет меня на кухню через темную гостиную с перекосившейся мебелью. Включает свет, и взглящ открывается катастрофа. Здесь не просто высокая гора тарелок с присохшей пищей в раковине, здесь все покрыто глубоко въевшейся грязью, как будто никто уже давно не делал уборку. По-настоящему давно.

— Много работаю, — ворчит он.

Я достаточно знаю о его папе, чтобы не спрашивать, почему забота о доме — дело одного Джейми.}

— Пить будешь?}

Он держится за стену, доставая чистые стаканы из посудомоечной машины.}

— Воду, — говорю я с надеждой, что он тоже попьет.}

Он наполняет стаканы, протягивает один мне и открывает раздвижную дверь. Она ведет на террасу, где гораздо чище, чем на кухне. Под навесом стоят блестящий гриль для барбекю и комплект уличной мебели, которая выглядит как новая. На столе лежит альбом. Джейми закрывает его и бросает на стул — я даже не успеваю увидеть, что он рисует. Он садится, откидывается назад и закрывает глаза. Я беру инициативу в свои руки.}

— Извини... еще раз... за то, что приперлась к тебе на работу.}

— Твой брат знает об этих документах?}

— Мне их дала его девушка.}

— Дерьмовые.}

— Зато сработали.}

— Диззи многое позволяет симпатичным девупжам.}

В его словах сто процентов осуждения и ноль процентов комплимента.}

— Не стоило надеяться, что у тебя будет время. Ты выглядел очень... занятым.}

Эта уловка на него не действует. Мой стакан с водой запотеваает } от ночной сырости, и с него стекает струйка на стол. Пока он сидит с закрытыми глазами, я разглядываю, во что он одет — как всегда, это футболка и джинсы, но теперь в улучшенной версии, на ступеньку выше по сравнению с тем, что я привыкла на нем видеть. Темно зеленая футболка обтягивает его тело — уверена, это помогает коробке для чаевых наполняться быстрее.}

} — Поговорим о прошлой весне? — наконец спрашиваю я.}

} Он пожимает плечами.}

} — Она просила меня тебе не рассказывать.}

} Он открывает глаза и пытается пристально на меня посмотреть, что в пьяном виде получается у него не совсем удачно.}

}— Паррина ее бил. Я знал, что она тебе устраивала всякую хрень, но ты должна была мне сказать.}

}— Регина просила меня не рассказывать тебе — она знала, что ты на него наедешь, и тебя исключат. Так я и сделала. Сделала выбор в твою пользу, а не в ее.}

}— Я никогда не просил тебя об одолжениях.}

}— Ты должен защищать всех, но никто не должен защищать тебя?}

}На это у него нет ответа.

— Я сказала ей, чтобы она сама тебе рассказала. Я бы ни за что тебя специально не подставила. После всего, что ты для меня сделал.

Он выпивает оставшуюся воду одним глотком.

— Пойду спать. Работаю каждую ночь, пока не отрублюсь.

Ни разу не слышала, чтобы Джейми жалел себя — раньше никогда такого не было.

— Почему ты так много работаешь? — спрашиваю я.

На его лице отражается не только гнев, но и проблески смущения.

— Папа потерял работу.

В этой ситуации нет ничего хорошего для Джейми. Ничего. Я стараюсь «придержать коней».

— Когда?

— В прошлом месяце, досрочный выход в отставку. Без полной пенсии. Слишком много было претензий к нему. Он попросил Диззи принять меня неофициально.

Учитывая, насколько Диззи неординарный гражданин (как мне теперь известно), уверена, что он ухватился за возможность нанять несовершеннолетнего сына копа для работы в баре. Ведь это отличная подстраховка.

— Джейми, мне жаль...

У Джейми вибрирует телефон, и он достает его из заднего кармана. Некоторое время он смотрит на экран. Его лицо ничего не выражает, но я бы поспорила на деньги, что ему прислала сообщение мисс Широкие Штаны. Он начинает подниматься с места.

— Я искала тебя на работе не для того, чтобы поговорить о Регине и Энтони Паррина. Я узнала кое-что о моем папе, и мне нужен... совет. Ты был первым, о ком я подумала.

Его глаза впиваются в мои. А потом он медленно садится обратно.

Когда я рассказываю ему про видео, из его взгляда улетучивается жесткость.

— Мама его посмотрела. С братом я еще не говорила. Не знаю, стоит ли мне смотреть. И почему у нас все наперекосяк, и мы все втроем вместе не можем решить, что нам делать? Как будто мы из разных семей.

— Некоторые семьи так и не могут собраться вместе.

Сначала я не обращаю внимания на слова Джейми, поскольку он говорит о своей семье. Но есть ли вселенная, в которой его слова относятся к моей семье? Почему бы ей не быть? Потому что мы более состоятельные, чем Форта? Я не готова размышлять над этим прямо сейчас, но главное, что я все-таки думаю о маме, брате и себе, как об одной семье, хоть мы и потеряли папу. Интересно, они думают так же?

— Ты бы посмотрел его, если бы был со мной? — спрашиваю я.

Он раскачивается на стуле, отталкиваясь ногами от земли. Не позволяю себе схватить его за руку, чтобы он не упал.

— Неважно, что бы сделал я.

У него в кармане опять вибрирует телефон. Стул с глухим звуком возвращается на

прежнее место. Это называется «мудрость Джейми Форты».

Не собираюсь сидеть здесь и наблюдать, как он читает еще одно ее сообщение.

— Мне пора, — говорю я.

Я прохожу через дом, а Джейми идет следом. Стоит только мне подумать, что я ошиблась, придя сюда, и что он больше не заботится обо мне, как раз, когда я готова целиком и полностью вычеркнуть его из своей жизни, он накрывает своей рукой мою руку, которая тянется к двери. Он подходит на шаг ближе. Спиной я ощущаю тепло от его груди. Я чувствую его запах — его, не алкоголя.

— Позвони мне, если соберешься посмотреть эту фигню, Роуз.

Поворачиваюсь, чтобы сказать «нет уж, спасибо», а он смотрит в свой телефон, поэтому я не говорю ничего. Оставляю его стоящим в дверях, с лицом, освещенным светом от экрана телефона.

Глава 4

Я пытаюсь привлечь внимание Трейси на уроке Кэмбера, чтобы передать ей записку, но она с трудом удерживает глаза открытыми. Она по-прежнему ведет «Список Шика» — модный блог, сделавший ее знаменитостью в «Юнион Хай» — по выходным ездит в город на интенсивные курсы Института Моды, находится в серьезных отношениях с моим братом и регулярно делает домашнюю работу, не без моей помощи.

Мы с Трейси обычно гуляли где-нибудь каждый день, но в этом году я вижу ее только на уроках, или когда провожаю ее на вокзал. Она постоянно настолько загружена, что у нее не хватает времени на обыкновенные вещи, вроде общения. Я ею горжусь, но это отстойно.

Я нашла способ с этим справиться — перестала рассказывать ей то, что наверняка станет первым шагом к окончанию дружбы. Не хочу, чтобы так случилось, но мне нелегко справиться с желанием наказать ее, не пуская в свою жизнь.

Она понятия не имеет о событиях прошлой ночи. А если ей станет все известно, она сообразит, что я не позвонила ей в ту же отношения. Мне явно нужно действовать с опережением. Питер прислал мне сообщение после того, как этим утром, наконец, поговорил с мамой. Все, что он написал: «Что за хрень?». Я ему не ответила.

Похоже, он еще не рассказал Трейси. Догадываюсь, что его желание говорить на эту тему не сильнее моего.

Кэмбер замечает записку у меня в руке и бросает на меня уничижительный взгляд. Он самый горячий учитель в «Юнион Хай» — высокий, с голубыми глазами, темными вьющимися волосами, в очках в стиле ботана — поэтому ему приходится вести себя как суровый дядька, чтобы держать своих влюбчивых учениц на расстоянии вытянутой руки. В «Юнион Хай» сложилась традиция — забрасывать Кэмбера любовными записками в День Святого Валентина. Большинство из них — прикольные пародии, но среди них всегда есть немного серьезных. Он тот учитель, которого обожаешь не только за то, что он красавчик, но и за его познания об отличной литературе и то, как он их использует с учениками. Даже ребята, которые скорее вырвут себе ресницы, чем станут читать Хемингуэя, признают, что Кэмберу безразлично их будущее.

Прямо сейчас мы читаем «Пробуждение» Кейт Шопен, совсем не веселую книгу. Она о женщине, которая покончила с собой, потому что общественные ограничения, налагаемые на женщин XIX века, стали для нее невыносимыми. Кэмбер зачитывает нам обрывки с глазами, полными слез, а его фанатки чуть не теряют сознание от благоговения. Он единственный учитель, который понимает, почему чтение Уильяма Фолкнера иногда

повергает меня в экстаз.

Атмосфера на уроках английского в этом году напряженная: Кэмбер рыдает над «Пробуждением»; у его фанаток случаются мини приступы каждый раз, когда он к кому-то обращается; мой друг Роберт, убитый горем с тех пор, как прошлой весной испортил отношения с Холли, пялится на нее, как человек в пустыне на оазис. Холли старается не обнадеживать его, но он воспринимает каждый случайный зрительный контакт, как хороший знак, так что она уже ничего не может поделать.

Когда звонит звонок, Кэмбер смотрит на меня, приподняв бровь, что означает: «Подойди к моему столу». В мою сторону поворачиваются головы, а разочарованные члены Клуба Кэмбера переговариваются приглушенными голосами, медленно продвигаясь к двери и желая, чтобы это они оказались на шаг от выговора за попытку передать записку на уроке. В узких кругах поднятая бровь Кэмбера станет темой для обсуждения на весь остаток дня.

Однажды я пыталась пошутить с Кэмбером на тему его фанаток. Он сделал вид, что даже не понимает, о чем я говорю. Но все-таки я знаю, что он доверяет мне больше, чем среднестатистическому ученику, поскольку у нас с Кэмбером есть нечто общее: мы оба переживаем из-за случившегося с Джейми.

Кэмбер вел у Джейми английский для отстающих. Похоже, он увидел в нем что-то, и ему захотелось, чтобы Джейми окончил старшую школу. Он был на парковке, когда Джейми и Паррина начали пытаться убить друг друга. Он знал, что для Джейми это будет последней каплей, и пытался спасти его от исключения из школы. Когда он увидел, как я стояла там и держала пакет со льдом для разбитого лица Джейми, думаю, он распознал во мне некую родственную душу.

Пока я иду к его столу, он строго смотрит на меня поверх очков, как дедушка.

— Я даже не выпустила записку из рук, — протестую я, когда класс, наконец, пустеет.

Он переходит сразу к делу:

— Ты должна привести Джейми на мой спецкурс по подготовке к экзаменам.

Я внезапно хрюкаю от смеха, думая о том, как сложно было притечь внимание Джейми прошлой ночью. Особенно, когда он получал сообщения от Широких Штанов.

— Кэмбер, Джейми теперь со мной почти не разговаривает.

— Если он не получит аттестат в этом году, он никогда его не получит.

Он сверлит меня глазами, намекая, что я несу за это ответственность. В некотором роде, так и есть. Из-за меня Джейми проигнорировал копов, которые давали ему возможность поступить правильно — он был так зол на меня, что ему пришлось уйти. Но я больше не контролирую ситуацию с Джейми, по крайней мере, прошлой ночью не смогла. С другой стороны, он был достаточно пьян, чтобы вообще не помнить прошлую ночь, а это может сыграть мне на руку.

— Джейми не будет ничего делать, пока сам не захочет, — говорю я.

Кэмбера не интересуют мои оправдания.

Он хороший парень, который загубит свою жизнь, если проведет ее в драках на парковках. Без аттестата шансы на то, что он попадет в тюрьму, будут гораздо выше, — Кэмбер понижает голос. — У этого парня в семье психиатрическое заболевание с одной стороны, и алкоголизм с другой, судя по тому, что я знаю о его отце. Роуз, Джейми нужна каждая капля поддержки и ободрения, которые он может получить, особенно от тех, кто его знает... — и тут Кэмбер наносит решающий удар, положив руку мне на плечо, — ...и любит.

Ребята, а он хорош. И я готова на все. Стоит только кому-то сказать, что я люблю

Джейми, как вся работа по убеждению самой себя в обратном просто растворяется в воздухе.

Джейми и так слишком много упустил из-за меня: два выпускных бала и окончание школы. Он столько раз защищал меня, рискуя собой. Единственное, что мне грозит, если я попытаюсь убедить его пойти на спецкурс Кэмбера — он прикажет мне заткнуться, проигнорирует или скажет, что это не мое собачье дело.

Другими словами, я рискну своей гордостью.

Даже если мы не будем вместе, я все равно могу ему помочь. Я не обращаю внимания на дежавю, подсказывающее мне, что такое уже было, и говорю:

— Я постараюсь.

Кэмбер победно ударяет в ладоши и выписывает мне талон на опоздание на тригонометрию, а в класс врывается толпа фанаток девятиклассниц, которые кидают в мою сторону любопытные и враждебные взгляды.

Я практически не замечаю их. Слова Кэмбера о возможном мрачном будущем Джейми и вкладе, который я, как та, кто его любит, могу внести, чтобы изменить ход событий, отдаются в моих ушах.

После звонка с последнего урока я направляюсь на парковку, чтобы встретиться с Трейси. Те пятницы, когда мы валялись в ее комнате и притворялись, что делаем уроки, перед походом в пиццерию «Cavallo's» со всей «Юнион Хай», остались в ПРОДЕЛОМ. Сейчас наши пятницы — бледная тень прошлых. Они уменьшились до двадцати минут в ее машине по пути на вокзал, откуда она уезжает в город, где останавливается у своей тети и ходит на курсы выходного дня в Институт Моды. Потом я обычно отвожу ее машину к себе домой, и я могу ею пользоваться, пока не встречу Трейси в воскресенье вечером. В эти выходные я собираюсь поставить ее машину где-нибудь не на нашей дорожке, потому что мама решила распространить свое наказание «никакой машины» и на автомобиль Трейси.

Технически сейчас будет первая реальная возможность рассказать Трейси о видео, особенно учитывая, что полночи меня не было дома. Сегодня она либо работала с камерой, делая снимки для блога, либо старалась не заснуть на уроке, а это хорошее оправдание, почему я не поднимала эту тему. Понятия не имею, какую отговорку придумает мой брат.

Идя вверх по склону на парковку, я вижу Роберта, ждущего у машины Трейси. Роберт каждый день устраивает мне допрос, чтобы выудить информацию о Холли, а я каждый раз не знаю, что сказать, кроме: «Да, она все еще встречается с Кэлом. Нет, я не собираюсь говорить тебе, занимается ли она с ним сексом». Когда он меня видит, на его лице появляется выражение, полное надежды, словно на этот раз я смогу сказать что-то, что поможет ему исправить самую большую ошибку в его жизни.

Привет. Тебя куда-нибудь подвезти? — спрашиваю я, желая отложить неизбежное.

Доннелли везет несколько человек в город, посмотреть постановку «Школы злословия» в «Паблик». Хочет, чтобы мы посмотрели костюмную пьесу перед «Амадеем» на следующей неделе. Трейси сказала, что я могу доехать с вами до вокзала.

Роберт — талантливый актер, получавший серьезные роли с тех пор, как мы познакомились в шестом классе. Но в этом году ему досталась самая серьезная на данный момент его роль — он играет Сальери в осенней постановке «Амадея», пьесы о величайшем композиторе, известном миру, Вольфганге Амадее Моцарте. Я всегда полагала, что лучшая роль в этой пьесе — Моцарт, но, по словам Роберта, на самом деле, лучшая роль — Антонио Сальери, композитор, который провел всю свою жизнь в муках из-за того, что он не Моцарт.

Сейчас это идеальная роль для Роберта.

— Я здесь! — кричит Трейси, спеша к нам в ботинках с открытым носком на достаточно высоком каблуке, чтобы сломать ноги, а ее каштановые локоны подсакивают на бегу. — Если поедем сразу же, успеем на 3:30.

Зараженные ее неистовой энергией, мы с Робертом садимся в машину, но я все же говорю:

— Ты же обычно едешь на 3:50, чтобы мы успели поесть пиццу.

Под моими ногами и ягодицами шелестят модные журналы. Я привыкла заставлять ее убирать их в багажник, но там уже нет места. У нее не машина, а передвижная модная библиотека.

Трейси вырывает задним ходом с парковочного места еще до того, как мы пристегнули ремни.

— Трейс? Может, я поведу? Ты как-то взволнована.

— Сможешь на выходных опубликовать «Список Шика», если пришлю тебе копию?

Трейси мчится на желтый и выезжает с парковки, сделав настолько крутой поворот, что меня отбрасывает к дверце, а Роберта засыпает лавиной из журналов «Vogue».

— Притормози, гонщица! — кричит он сзади, пытаясь отвлечься.

— Ранний поезд делает меньше остановок, и я приеду в город быстрее, а значит, смогу... смогу...

Она умолкает, словно не может вспомнить, почему так важно приехать раньше. В ее сумке звонит телефон, и она начинает его искать.

— Есть громкая связь, Трейс, — напоминаю я.

— Точно, — говорит она, нажимая кнопку ответа на руле.

На дисплее автомобиля отображается имя «Питер».

Ну, вот и оно.

Привет, лапуль! — говорит она. — Я в машине с Роуз и Робертом.

Роуз, ты получила мое сообщение? — раздраженно говорит Питер.

— Привееееет? — демонстративно произносит Трейси.

— Извини, Трейс. Привет.

— Забыла вчера вечером зарядить телефон, — лгу я. — Ты говорил с мамой?

— Да. Ты посмотрела?

— Что посмотрела? — говорит Трейси.

— Розы, — Питер пропускает мимо ушей вопрос Трейси.

Трейси выглядит смущенной и сердитой от того, что ее парень ее игнорирует.

— Нет еще, — отвечаю я.

— Не смотри, — с напором говорит он.

По его голосу я понимаю, что он говорит из личного опыта, и мне вдруг становится нехорошо из-за того, что я не прочитала его сообщение прошлой ночью. Мой брат восстанавливается после зависимости — он пропустил половину прошлого учебного года после того, как его попросили оставить колледж и пойти на реабилитацию. Его воздержанность «призрачна», как он бы сам сказал. Я могла, как минимум, ответить на его сообщение.

— Ребята, вы о чем? — ебовательно спрашивает Трейси.

— Роуз тебе не рассказала?

— Рассказала что? — голос Трейси подсакивает на целую октаву.

— Есть видео со взрывом. Какой-то козлина из Техаса выложил его в интернет, — говорит Питер.

— Стой! — пронзительно кричит Роберт с заднего сиденья.

Трейси ударяет по тормозам, чуть не въехав в парня перед нами, который остановился на желтый, когда она планировала проскочить. Журналы «Vogue» слетают с сидений, а она яростно сигналист, хотя была сама виновата в том, что чуть его не стукнула.

— У вас все нормально? — спрашивает Питер. — Что происходит?

— Ничего, — говорю я, прикрывая Трейси. — Все отлично.

Трейси медленно и неумолимо поворачивается ко мне.

— Отлично? — шипит она. — Почему ты мне не рассказала?

— Я собиралась. Просто было ощущение, что в школе не стоит об этом говорить. Ты бы лучше и на Питера злилась, — говорю я, как будто мне десять лет. — Он тоже тебе не рассказал.

— Зеленый свет, — говорит Роберт. — Трейси, выходи. Я поведу.

Трейси срывается с места.

— Я злюсь на вас обоих! Как я должна для вас...

— Не переноси это на себя, — рявкаю я.

В машине воцаряется давящая тишина. Даже Питер молчит, пока мы сворачиваем к вокзалу и останавливаемся на стоянке.

Трейси, позвони, когда сядешь в поезд. Роуз, заряди свой чертов телефон, когда придешь домой, — настойчиво просит Питер перед тем, как повесить трубку.

Трейси резко выходит из машины и убегает, даже не оглянувшись. Ни «пока», ни «спасибо». Входя в здание вокзала, она уже говорит по телефону — уверена, что с Питером. Роберт наклоняется к переднему сиденью и сжимает мое плечо.

Я привыкла к их отношениям, но нужно признать, все-таки бывают моменты, когда отстойно, что моя лучшая подруга и мой брат — пара. Для меня не всегда находится место, даже когда я в этом нуждаюсь. Но если я чему-то и научилась за последние два года, то тому, что жизнь идет, не считаясь ни с чем — никого не волнует, в стороне ты или нет.

Видео? Это безумие, Роуз, говорит Роберт, пока я пересаживаюсь с пассажирского места на водительское. — Знаешь, я могу сегодня никуда не идти.

Роберт был отличным другом, когда умер папа. Он пришел на похороны, сел позади меня и каждую пару минут протягивал мне новый носовой платок. С тех пор у нас были взлеты и падения, но есть вещи, которые я никогда не забуду.

— Спасибо. Так мило с твоей стороны. Но у меня все отлично.

Когда становится ясно, что я уже сказала все, что готова сказать на эту тему, он выходит из машины.

— Давай встретимся в выходные.

Я знаю, что он предлагает искренне, но знаю и то, что ему хочется находиться в непосредственной близости к кому-то, кто находится в непосредственной близости к Холли. Он жаждет каждую подробность, которую я соглашусь рассказать о Холли и Кэле, потому что планирует вернуть ее, чего бы ему это ни стоило. Он хочет, чтобы я ему помогла, но я не могу помочь, не предавая Холли, а я не желаю так поступать с ней.

Я нравилась Роберту четыре года — с шестого по девятый класс — и мне было приятно его внимание. В девятом классе мы вместе ходили на встречу выпускников, но в тот вечер все закончилось первым поцелуем с Джейми. Не самый благородный из моих поступков. А в

прошлом году Роберт встретил Холли, и это случилось — он влюбился в нее по уши.

Смотрю, как Роберт идет к зданию вокзала, и переживаю за него. Даже, если Кэл и Холли расстанутся, вероятность того, что Холли даст Роберту второй шанс, ничтожно мала. Но сердцу не прикажешь, и неважно, на пользу это тебе или нет.

Не то, чтобы я разбиралась в таких вещах.

Глава 5

— Стоп! Стоп, стоп, стоп.

Усиленный микрофоном голос Энджелло эхом отдается от стен гаража. Он машет рукой, как будто моя игра причиняет ему физическую боль, и я должна немедленно прекратить.

— Свитер, что за черт? Ты так и не научилась играть фа-аккорды? — он снимает свою гитару и прислоняет ее к усилителю. — Ты не тренировалась, и я тебя за это отшлепаю. Иди сюда.

— Энджелло! — говорит Стефани, притворяясь, что она в шоке от флирта ее парня со мной.

Она знает, что Энджелло не способен разговаривать с женщинами, не флиртуя. А еще знает, что его сердце целиком и полностью занято ею.

— Стеф, как она собралась играть ритм, если не тренировалась? Роуз, у тебя гитара не настроена. Давай ее сюда. Что бы ты, блин, без меня делала, а?

Я протягиваю Энджелло его старую гитару. Он требует полной тишины, чтобы настроить ее на слух — считает цифровые тюнеры дерьмом. Мне всегда смешно, когда Энджелло суперсерьезно относится к музыке. Думаю, это единственное, к чему он серьезно относится, кроме Стеф. И, конечно, моего обучения игре на гитаре. А я, по какойто причине, так этим и не занимаюсь.

Мы в нашем месте для репетиций, в задней части автомастерской отца Энджелло. Энджелло работает здесь механиком, когда он не «на гастролях». После того, как я окончила девятый класс, а Энджелло — школу, был период, когда он уезжал в полугодовой тур со своей группой. Складывалось впечатление, что они подпишут контракт со звукозаписывающей компанией. Но заинтересовавшаяся ими компания подписала контракт с солистом, а всем остальным было сказано проваливать.

Энджелло некоторое время бесился, а затем начал пробоваться во множество других групп — ни в одной ему не сказали, что он не может быть музыкантом. Потом он услышал меня в школьном мюзикле, понял, что я не могу петь в унисон с другими, даже если от этого будет зависеть моя жизнь, и уговорил меня пройти прослушивание для его собственной группы. Оказалось, что моя неспособность (на самом деле, нежелание) петь, как другие — именно то качество, которое Энджелло искал в солистке. Вскоре он привлек Стефани, чтобы она играла на ударных как выяснилось, у нее это очень хорошо получается — и была бэк-вокалисткой. Так родилась наша группа.

По правде говоря, в прошлом году пение стало моим спасением или чем-то вроде этого. У Трейси была мода, у Роберта — актерство, а я пыталась найти то, что поможет мне укрыться от лавины дерьма из моей жизни. Я не задумывалась о пении до конца девятого класса, но как только это пришло мне в голову, все изменилось. Это стало моим, и это не было связано со смертью папы, моей семьей или каким-то парнем. Оно было только моим.

— Роза, мне кажется, мы неплохо сыграли гармонии в припеве, говорит Стеф.

— Детка, не надо ее сейчас отвлекать. Ей нужно сосредоточиться. Мы должны любой ценой сыграть наш первый концерт до конца года, а времени не так уж много осталось.

Свитер, иди сюда.

Так повелось, что Анджело начал использовать мою кличку с теплыми чувствами — он называет меня Свитер, потому что мы познакомились на уроке самоподготовки, когда я была в новом свитере, хотя за окном было 900 F (+32,22 °C) — но теперь он пользуется ею, только когда злится.

Я демонстративно закатываю глаза, глядя на Стеф, и направляюсь к большому матрасу в углу. Чтобы я могла сесть, мне приходится отодвинуть старый контейнер из-под еды, и что бы в нем ни было — уже застывшее в твердый комок — стучит, когда он падает на пол. Он возвращает мне гитару, а потом расставляет мои пальцы в некомфортное положение, необходимое для «пытчного аккорда», как я его называю.

— Ну, я уже знаю, что будет дальше, — говорит Стеф. — Схожу в кафешку за пиццей. Кто хочет еще что-нибудь?

— Давай быстрее, Стеф, умираю с голоду.

— Нет, детка, умирают с голоду люди в бедных странах. А ты просто проголодался. Выбор слов — это важно.

Стеф наклоняется и целует Энджело в макушку. Ее красивые рыжие волосы падают на его лицо. Он мягко удерживает ее за них и откидывается назад, чтобы поцеловать ее по-настоящему, а я чувствую укол зависти. Везет им.

— Не обижай Розы, — предупреждает она, когда он ее отпускает.

— Не уходи надолго, пожалуйста, — говорю я полушутя, опасаясь за безопасность своей руки.

Стеф дефилирует к выходу из гаража в своих суперобтягивающих джинсах и ботинках на высоком каблуке, а Энджело смотрит на нее так, словно никогда раньше не видел ее попу.

— Ты все еще пялишься на попу своей девушки.

Энджело ухмыляется.

— А ты бы не пялилась, будь ты на моем месте? Теперь заткнись и играй вступление, Свитер. Ты сыграешь этот долбаный фа-аккорд до возвращения Стеф. Не так. Вот так.

Боль пронзает руку от запястья к центру ладони, когда он слишком сильно прижимает мои пальцы к гитарному грифу. Я со стоном отдергиваю руку от струн.

— Ой, блин, Розы! Все нормально? — спрашивает Энджело, хватая мою руку и сжимая ее своими, пытаюсь уменьшить боль.

— Нет, debil чертов! — кричу я. — Не нормально! Отдай мою руку!

Прости, прости, прости! — он отказывается отпускать руку, надавливает большими пальцами на мою ладонь и массирует ее.

Вот, так тебе будет лучше. Ты должна разобраться с этим...

Мы с Энджело одновременно поднимаем взгляд и одинаково удивляемся, увидев здесь Джейми.

Я тотчас же чувствую себя так, будто делаю что-то неправильное, а это безумие, учитывая события ПРОШЛОЙ ночи с Широкими Штанами. К тому же, Энджело — лучший друг Джейми, и с тех пор, как я прошлой весной присоединилась к его группе, он стал одним из моих лучших друзей. Джейми знает, что Энджело безумно влюблен в Стефани. Еще он знает, что я считаю Анджело похожим на рокерскую версию огромного щенка. Короче, между нами ничего романтического быть не может.

НИ-ЧЕ-ГО.

Конечно, это же утверждение можно применить и к моим отношениям с Джейми в

данный момент. Но стоит признать, что мне нравится выражение лица Джейми. Он Ревнует с большой буквы «Р».

Зеркальная ситуация Случая с Широкими Штанами. Забавно.

— Форта! — говорит Энджело. — Как ты, чувак? Не знал, что ты придешь.

Он вскакивает и подходит к Джейми, а затем жмет ему руку, как будто они партнеры по бизнесу или что-то типа того.

Джейми переводит взгляд с Анджело на меня и обратно. Наконец, он говорит:

— Хотел поговорить с Роуз. Но это может подождать.

— Нет, все круто, все круто. Я пойду в «Cavallo's», мм, помогу Стеф принести пиццу. Будешь пиццу? Стеф...

— Вы лучше закончите то, чем занимались.

Джейми снова смотрит на меня, разворачивается и уходит. За ним захлопывается дверь, оставляя нас в холодящей тишине гаража.

Блин, — говорит Энджело. Странно, да? Странно как-то получилось.

Входит Стеф с пиццей.

— Что с мистером Грозовой Тучей? Я спросила, хочет ли он кусочек, а он даже не поздоровался. Его волки воспитывали, могу поклясться.

Энджело мгновенно признается:

— Он просто зашел, когда я держал Роуз за руку.

Стефани ахает, а ее большие голубые глаза становятся еще больше от удивления. Потом она начинает безудержно смеяться.

— Ты не держал меня за руку, ело, ты мне ее чуть не сломал и пытался все исправить, — с издевкой говорю я.

Стефани сгибается от смеха, хлопая руками по коленям.

— Он ревновал!

— Да не, ни фига. Я этого парня знаю всю жизнь. Он не такой.

Хоть Энджело и произносит эти слова, могу сказать, что он не на сто процентов уверен в своей правоте.

— Ну, детка, может, теперь он такой, — говорит Стеф. — Я имею в виду, Розы и Джейми... Знаешь, они типа колеблются между «да» и «нет». А ты просто... ты просто...

Стефани снова сгибается от хохота.

Энджело не может не улыбнуться, глядя, как ухохатывается

Стеф. Но при взгляде на меня его улыбка исчезает.

— Это круто, правда?

Круто? А что, если не круто?

— Откуда я знаю? — пожимаю плечами я. — Разве кто-нибудь знает, что у него в голове?

После небольшой паузы Энджело говорит:

— Блин, — он берет ключи с усилителя. — Мне нужно с ним поговорить.

Он уже у двери, когда Стеф ловит его за руку.

— Нет, сладкий, не нужно, — говорит она, промокая слезы на глазах. — Он не с тобой хочет поговорить.

Я с усилием открываю тяжелую металлическую дверь и вижу Джейми, прислонившегося к своей машине: руки скрещены на груди, а сам он окружен сияющей золотистой дымкой от осеннего солнца. Золотой — определенно его цвет, а эта поза —

квинтэссенция Джейми, я видела ее уже много-много раз. Ненавижу признавать, что при виде его у меня внутри до сих пор что-то переворачивается. Возможно, так будет всегда.

У нас уже было нечто подобное. Я знаю, что есть множество разных способов того, как я могу себя повести, включая любимую тактику Джейми — ничего не говорить и удерживать власть над ситуацией. Собираюсь пустить эту тактику в ход, она всегда превосходно на него действует.

— Привет, — говорит он, словно знает, что я задумала.

Немного ветрено, и волосы попадают мне на лицо. Я отбрасываю их, и Джейми делает неожиданный ход — берет мою левую руку и внимательно ее рассматривает. Знакомое тепло мурашками поднимается по моей руке, и я почти проигрываю эту битву. Вот так всегда.

— Энджело чуть не сломал мне руку и пытался все исправить, говорю я, с трудом сохраняя нормальный тон голоса. — Ему не нравится, как я играю фа-аккорды.

Джейми кивает и начинает водить большим пальцем по моей руке, делая массаж.

— Так лучше? — спрашивает он, понизив голос.

Я не утруждаю себя ответом. Он и так знает, каково мне. Уверена, что у меня все на лице написано. Когда он, наконец, останавливается, я даже не представляю, сколько прошло времени. Настраиваюсь на то, что он отпустит мою руку, но вместо этого он переплетает свои пальцы с моими.

Пытаюсь привести мысли в порядок.

— Ты хотел поговорить?

Он вдруг кажется безнадежно печальным, и я опасаясь, что он собирается рассказать мне нечто ужасное.

— Прошлой ночью я вел себя, как дурак.

Я жду чего-то большего, но очевидно, это и есть то самое ужасное. Я могла бы пошутить, чтобы его приободрить, но знаю, как редко выдается удачная возможность искренне поговорить с Джейми о непростых вещах. Осторожно выбираю слова:

— Никогда раньше тебя не видела в таком состоянии.

— Ну да, стараюсь до такого не доводить, — говорит он, вызывая у меня шквал вопросов, которые я не задаю.

Его пальцы на моей руке разжимаются, но я не убираю руку.

— Джейми. Тебе нельзя водить в таком виде.

Он кивает, но не дает никаких обещаний.

— Ты можешь причинить вред себе или кому-то другому, или...

Я заканчиваю фразу — не хочу говорить совсем, как учительница на уроке здоровья. Вспоминаю слова Кэмбера о Джейми в тюрьме, чего Кэмбер и добивался, закладывая этот образ в мое сознание.

— Я переживаю из-за того, что ты не окончил школу. Если бы ты так не злился на меня...

Он выдергивает свою руку из моей и поднимает ее в знак протеста.

— Это не твоя вина, Роуз.

Думаю, мы можем поспорить на эту тему в другой раз.

— Дело в том, что Кэмбер попросил меня поговорить с тобой об экзаменах...

Джейми качает головой.

— Это он тебя ко мне подослал?

По его словам, если ты не пойдешь на его спецкурс, то проведешь всю жизнь в пьянках и драках на парковках.

Я говорю это в шутку, но, похоже, Джейми нервничает, будто он уже задумывался о такой возможности.

И что из этого тебя волнует? — говорит он с дразнящей полуулыбкой, которая практически скрывает беспокойство в его взгляде.

— Все, — предельно серьезно говорю я.

Он выглядит тронутым, а потом озадаченным. И я его обнимаю.

Обнимать Джейми Форта и опасно, и безопасно одновременно. Сила его рук дает ощущение, что он защитит тебя от всех и вся. Но еще есть вероятность, что ты окончательно себя потеряешь, просто растворишься в его объятиях и не вернешься назад. А это может быть гораздо опаснее, чем что-либо другое.

Он отвечает на объятие, одну руку кладет мне на спину, другую — на волосы, а его лицо оказывается напротив моей шеи. Я закрываю глаза.

Какая-то часть меня — она есть всегда, независимо от того, что между нами происходит — хочет использовать любой шанс, который мне подвернется, чтобы стать с ним настолько близкой, насколько один человек может физически быть близок другому. Но такая близость будет мне чего-то стоить.

Желание всегда вызывает у меня ощущение, что я предаю саму себя.

Я отпускаю его и делаю шаг назад, немного дрожа — солнце уже почти скрылось в темно-синем с фиолетовым небе, и стало прохладнее.

— Предлагаю тебе сделку, — говорю я. — Я скажу тебе, когда соберусь посмотреть видео, если ты найдешь возможность ходить на спецкурс Кэмбера.

Он протягивает руку и кладет ее мне на бедро.

— Ты говорила, что не знаешь, будешь ли его смотреть.

— Не знаю.

Ветер подхватывает и разбрасывает мои волосы, а он убирает их от глаз так, что я забываю о том, как сложно быть частью жизни Джейми.

— Но если решусь, я тебе скажу.

— Нет. Если решишься, убедись, что я рядом.

Я не отвечаю сразу, и он притягивает меня к себе и наклоняет голову, заставляя меня смотреть ему в глаза.

— Ладно, — уступаю я, вдруг потеряв уверенность в том, что это была такая уж хорошая идея.

Может, я не захочу смотреть это видео. Или, может, захочу смотреть его без Джейми.

— Знаешь, я помогу тебе со спецкурсом.

— Ты не должна тратить свое время, занимаясь с тем, кто бросил школу.

Он говорит это так, словно от помощи ему я сама стану менее умной.

— Ты не бросил школу — тебя оттуда выгнали, — напоминаю я.

— Это одно и то же.

Что-то в его тоне заставляет задуматься — а сожалеет ли Джейми, что его исключили? Мне кажется, Джейми вообще ни о чем не сожалеет. Он всегда выглядит таким уверенным в себе, будто все его решения — верные, и неважно, какие у них последствия. Всегда было интересно, каково жить с такой безусловной уверенностью.

— Я помогаю тебе, потому что ты мне нравишься. Помнишь?

— Да, типа того.

В его глазах видна знакомая улыбка. Когда он так улыбается, это сводит меня с ума в плохом смысле слова — как будто он потекает ребенку, который в него влюбился, а сам посмеивается над ним. Сейчас он улыбается так же, но в его взгляде есть что-то совершенно другое. Возможно, потому что я больше не смотрю на себя, как на влюбленного ребенка.

Я слышу первые аккорды «*Sour Cherry*», доносящиеся из гаража, и отступаю назад, от чего рука Джейми соскальзывает с моего бедра. Хоть он и прикасался через джинсы, в этом месте моя кожа теплая, и мне кажется, если я на нее посмотрю, то найду отпечаток его руки.

— Пойду обратно на репетицию.

— Напиши мне, если нужно будет разобраться с Энджелю, — поддразнивает он.

Я разворачиваюсь, чтобы не поцеловать его.

Его взгляд обжигает мне спину, пока иду к гаражу, и я проклиная себя. Ни одно из перечитываний «Убить Золушку» не смогло мне помочь. Я не могу держаться на расстоянии от этого парня, даже когда сама хочу.

Я захлопываю за собой металлическую дверь.

Глава 6

Мама стоит в центре кухни, крутя на пальце свои ключи от дома. Она сделала пышную прическу и профессиональный макияж, и на ней обтягивающее ярко-красное платье, которое абсолютно не в ее стиле, а это значит, что ее уговорил его взять продавец в магазине.

Если бы папа был здесь, он бы сказал, что она выглядит просто «ВАУ». И был бы прав.

На нашей подъездной дорожке стоит черный лимузин, который ждет, чтобы отвезти ее в город для первого официального выхода в свет в качестве девушки Дирка Тейлора на пресс-конференции, посвященной его новому шоу. Он хочет, чтобы она появилась с ним на красной дорожке, а она хочет остаться дома со мной и прикольными печеньками с шоколадной крошкой, которые пекутся в духовке.

Ее ключи звякают в ровном ритме, вращаясь по кругу, а она смотрит на стаканы с молоком, которые я поставила на стол. Она понятия не имеет, как это истолковать.

Не знаю, буду ли я спокойна, оставляя тебя с девятнадцатилетним парнем, Роуз.

— Мам, он не «девятнадцатилетний парень». Это Джейми. Ты его знаешь. И очень хорошо. Необыкновенно хорошо.

— Да, знаю, — говорит она с интонацией, намекающей, что ее познания о нем не обязательно пойдут мне на пользу. — Если ты } помнишь, после «*Dizzy's*» мы обсуждали, что ты некоторое время не будешь встречаться с Джейми... точнее, вообще не будешь.

} — Я не встречаюсь с ним. Это не свидание. Ну, я имею в виду, посмотри, во что я одета, — говорю я, оттягивая пояс моих любимых старых спортивных штанов и показывая на дырявую футболку с Джеком Уайтом. — Я просто ему помогаю. Он ходит на спецкурс Кэмбера по подготовке к экзаменам, и мы будем разбирать кое-что оттуда. Это и для меня будет полезно. Часть моей подготовки к экзаменам.

} Она бросает на меня взгляд под названием «знаю я эти сказочки».

} — Мам, тебе же нравится Джейми, — настаиваю я на своем. — И это моя вина, что он не окончил школу...

} — Это не твоя вина. У Джейми уже было два предупреждения до инцидента на парковке.

} Все равно я частично виновата, что его исключили. Это хороший способ загладить

вину.

}— Это он принял решение убежать от полиции, не ты. Он мог принять другое решение, — она перестает крутить ключи и вздыхает. — если ты уговоришь Кэла и Холли сегодня потусоваться здесь, а не в центре, я разрешу.

Я знаю, какие у Холли планы на наш самостоятельный вечер, и они уж точно не включают сидение дома. А еще знаю, что мама поедет в Нью-Йорк, не смотря ни на что, поэтому она выдвигает условия просто для вида, для самой себя.

Пищит кухонный таймер. Я беру прихватки-рукавички.

Ты же понимаешь, насколько это фальшиво, да? Холли встречается с двадцатилетним.

— Холли — не моя дочь.

— Пока не твоя, — поддразниваю я.

Мама кажется обиженной а я хотела добиться противоположного эффекта. Не знаю точно, как дела у мамы с Дирком, но думаю, что видео вернуло ее в процесс «надо двигаться дальше». Открываю духовку и вытаскиваю печенье с шоколадной крошкой, мысленно просматривая список всех «за и против», который недавно составила.

Если мама и Дирк поженятся, Холли станет моей сводной сестрой, а это классно. У меня будет отчим-кинозвезда — глупо, но не лишено некоторых серьезных преимуществ. С другой стороны, мама будет замужем за человеком, который не является моим отцом, а его карьера на другом конце страны.

Я ставлю противень с печеньками на подставку и беру одну, заведомо зная, что обожгу пальцы, а потом и рот. Дуо на нее, откусываю кусочек, обжигаюсь и протягиваю остальное маме.

Она опускает взгляд на свое обтягивающее платье, а потом со вздохом отказывается.

— Роуз, ты решила, как поступишь с видео?

Я открываю рот и машу перед ним рукой, пытаюсь охладить воздух во рту. Это не работает, и я просто глотаю. Печенье обжигает горло на своем пути.

— Нет еще, — лгу я и делаю глоток холодного молока из стакана со стола.

— Я все жду, что они его уберут, но оно еще там, — говорит она, а ее взгляд прикован к одной точке на стене, словно она смотрит его прямо сейчас. — Я позвонила юристам. Уверена, что скоро уберут.

Она смотрит на меня и, возможно, сомневается, уместно ли рассказывать это мне.

— Нормально проведешь вечер?

— Не переживай за меня, — отвечаю я. — Придут Кэл и Холли, мы закажем пиццу и будем смотреть канал Disney. А потом мы с Холли отправим мальчиков домой, накрутимся на бигуди и ляжем спать в 9:30.

— Уверена, что именно так все и будет, — холодно говорит она.

— Мы потом даже по скайпу тебе позвоним, чтобы доказать, добавляю я.

Она отвечает именно то, чего я от нее жду:

— Все нормально. Просто немного позанимаетесь. И никто не останется здесь на ночь, кроме тебя и Холли. Понятно?

— Понятно. Ты лучше иди. Не опоздай на свою красную дорожку.

— Ноги моей на ней не будет, и мне все равно, что он подумает.

Она качает головой, одергивая подол платья.

— Мы с Дирком вернемся завтра к обеду и поедем с вами в центр, ладно? — она разглядывает меня, а потом добавляет, — я принимаю решение тебе поверить.

От меня не ускользнул намек, скрытый в ее формулировке.

Когда раздастся дверной звонок, я сижу в гостиной с гитарой и играю этот чертов факкорд. Интересно, почему я настолько неправильно отношусь к практике, если знаю, что мне это нужно — Анджело никогда не упустит случая об этом напомнить.

Я подскакиваю и иду к зеркалу в коридоре, в миллионный раз спрашивая себя, верно ли мое решение. Щиплю себя за щеки, потому что Трейси всегда так делает, когда смотрится в зеркало — говорят, что от этого появляется румянец. Потом закатываю глаза и мчусь на кухню.

Перекладываю печенье на тарелку и ставлю ее на стол между стаканами с молоком. Когда я приглашала Джейми, он смеялся надо мной, говоря, что у нас «учебное свидание». Я развила эту тему, объяснила, что все будет очень корректно: молочко, печенюшки и все такое. Поэтому я подумала, что получится смешно, если я и правда приготовлю печенье.

— Привет, — говорит Джейми, когда я, наконец, открываю дверь.

Мне требуется пара секунд, чтобы сообразить, почему он выглядит по-другому. Потом я понимаю — все потому, что он держит в руках книгу, пособие по подготовке к экзаменам. За все четыре года, сколько знаю Джейми, я впервые вижу его с книгой. Хотя мне и хочется отплатить ему за насмешки надо мной, сейчас не подходящий момент, чтобы высмеивать его за книгу в руках.

— Заходи.

Как обычно, Джейми нужно приглашать не один раз.

— Ты уверена, что твоя мама спокойно к этому относится? — спрашивает он.

— Если только ты не проведешь здесь всю ночь.

Я пытаюсь пошутить, но затем осознаю, что на самом деле, Джейми мог бы провести здесь ночь. В моей постели.

Я краснею, он выглядит слегка удивленным.

— Шутка. Извини. Давай все заново. Привет! Заходи. Пошли пить молоко с печенюшками.

Когда я веду его на кухню, где на столе стоят молоко и печенье, он немного посмеивается.

— Ты не шутила.

Я ухмыляюсь и двигаю к нему тарелку.

— Печенючку?

Он берет одну и садится, откусывая ее. У меня возникает странное ощущение, когда я наблюдаю, как Джейми Форта ест печенье, которое я для него приготовила, сидя за моим кухонным столом, чтобы потом мы смогли вместе делать уроки.

Прекрасная маленькая параллельная вселенная. Как плохо, что я собираюсь ее испортить.

Мне бы хотелось, чтобы у нас было просто «учебное свидание», и мы бы ели печенюшки, как нормальная пара старшеклассников, но Джейми — не старшеклассник, и между нами никогда не было ничего нормального.

— Итак, мм, перед тем, как мы начнем, я бы хотела сказать тебе, что думала о нашей сделке и... мне нужно посмотреть видео.

Кухня наполняется тишиной, которой мешают лишь самые громкие кухонные часы в мире. Он смотрит на меня оценивающим взглядом своих золотисто-коричневых глаз. — Ты уверена?

Я киваю, глядя в сторону — не хочу, чтобы меня оценивали в такой момент.

— Когда?

— Может... после того, как позанимаемся?

Он разглядывает меня еще несколько секунд, а потом смотрит на мой ноутбук, лежащий на дальнем конце стола. Он тянется за ним. Когда он ставит его передо мной, я внезапно становлюсь не особо уверенной во всей этой затее — похоже, это плохая-плохая идея. У меня начинает сжиматься желудок.

— Подожди, сейчас? — спрашиваю я. Мой голос звучит тонко и безропотно.

Он кивает.

— Сейчас. Ты же сказала, что тебе это нужно... сейчас.

— Но если... если я не могу... я, наверно, буду не в состоянии после этого заниматься.

Он наклоняется и открывает ноутбук, а затем садится обратно на свой стул. Я пристально смотрю на экран загрузки, думая о маминых словах о том, что я никогда не смогу стереть его из памяти. Стану ли я после этого вспоминать об отце по-другому?

Я смотрю на свои руки, нажимающие на кнопки клавиатуры независимо от того, что творится у меня в голове. Я ищу видео, как в тумане, и в скорее нахожу его. Тянется томительная пауза, пока видео грузится, а потом, после всех догадок, мыслей и страхов перед ним, я смотрю его.

Качество видео гораздо лучше, чем я себе представляла, и когда лица попадают в объектив, я начинаю ощупывать когти паники вокруг своей шеи. Я уже некоторое время держу свои панические атаки под контролем, но сейчас одна из них вцепилась в меня мертвой хваткой — я упустила момент, когда еще была в состоянии остановить видео. Пока мое сердце сходит с ума, то делая двойные удары, то не делая их вообще, я слышу их разговор и затем вижу его, сидящего в каком-то грузовичке или внедорожнике. Он с людьми, которых я не знаю, улыбается, затягивается чьей-то сигаретой и отдает ее обратно. Никогда не видела, чтобы папа курил — мне даже в голову не приходило, что он это умеет.

Человек, который снимает — должно быть, Габриэль Орtiz — перемещает камеру, снимая всех людей в машине. Все они в форме, кроме папы и другого контрактника. На них гражданская одежда и бейджи с удостоверением личности.

Голос за кадром говорит:

— Пацаны, улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой.

Так они и делают — улыбаются. Прямо перед взрывом.

Становится слишком громко для микрофона, и звук пропадает. Камера резко трясется и падает. Все в бежевой пыли, а в центре — светящийся шар. Это солнце. Солнце каким-то образом продолжает светить в центре всего этого разгрома. Мы думаем, что солнце на нашей стороне, что солнечные дни созданы, чтобы нас радовать, но вообще-то солнцу на нас плевать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Снова появляется звук: крики, стоны, тяжелое дыхание — боль в чистом виде. У меня сжимается горло, и я учащенно дышу — не чувствую разницы между своим дыханием и дыханием в видеоролике.

Стараюсь различить папин голос, но слышу только, как кто-то отрывисто повторяет: «О, Господи, о, Господи» снова и снова, как трещат пламя и оружейные выстрелы на расстоянии, которое все уменьшается. Кто-то (Гейб?) находит телефон и подбирает его. Он пытается удержать его в руках и продолжает съемку.

Когда бежевая пыль рассеивается, он наводит камеру на беспорядочную смесь тел и конечностей. Люди смешались в одну кучу с тем, что осталось от грузовика. И кровь. Везде.

Бомба — великий уравниватель. Наши сходства и различия ничего не значат, когда нас разрывает на куски. Под тончайшей кожей мы все одинаковы.

Звучит последний, слабый крик, и экран становится черным.

Все мускулы моего тела отказывают. Я сползаю со стула. Слезы и пот текут по моему лицу, я царапаю пальцами пол, ища, за что можно уцепиться. Все идет кругом перед глазами.

Я думала, что справилась с этим.

Джейми встает на одно колено рядом со мной и притягивает меня к себе. Он кладет одну руку мне на плечи, а другую — под колени, и поднимает меня с пола. Слезы, которые кажутся льдом на моем горящем лице, стекают по волосам, а Джейми несет меня в гостиную и укладывает на диван.

Он пытается отпустить меня, но я не отпускаю его. У меня перегрузка, я не соображаю, что делаю, но отчаянно держусь за него, чтобы убедиться, что он настоящий, живой, он здесь, и его не разорвало на куски.

Я притягиваю его к себе, а потом пытаюсь поцеловать. Это не имеет смысла, потому что я все еще стараюсь дышать, но у меня не получается. Может, он поможет мне дышать. Может, у него есть воздух, который мне нужен...

— Роуз...

— Просто... пожалуйста, — с трудом выговариваю я.

Я слышу мольбу в своем голосе и знаю, на что это похоже, но мне все равно.

— Ты должна...

Я целую его, словно сейчас конец света, словно он — источник кислорода. Мои руки оказываются в его волосах, потом на его спине, они тянут его ко мне со всей силой, на которую я способна. Я защищаюсь им, как щитом, от этого всеобъемлющего ужаса и страха. — Роуз. Перестань.

Теперь меня трясет это адреналин от панической атаки. Настолько неистово, что Джейми прекращает вырваться и обнимает меня, держит, стараясь остановить это своим весом, своей силой.

— Дыши, — шепчет он мне в ухо, снова, снова и снова, как мантру.

Я закрываю глаза и делаю, что он говорит — вдыхаю, выдыхаю. Вдох, выдох. Глаза закрываются, а дрожь утихает. У меня больше нет сил двигаться или разговаривать.

Джейми несет меня наверх, в мою спальню.

В какой-то момент, посреди ночи, я просыпаюсь с мыслью, где я и как сюда попала, и думаю: «Это я умерла? Это я была в том взрыве, в той куче окровавленных тел?»

Но затем я вижу Джейми, уснувшего в кресле. Пока я присматриваюсь, мне кажется, что он спит, но оказывается, он за мной наблюдает. Он поднимает подбородок в знак приветствия, будто мы встретились в школьном коридоре или вроде того.

Я улыбаюсь или, по крайней мере, стараюсь улыбнуться. И проваливаюсь в сон, глубочайший за последние два года.

ЗИМА

Глава 7

Кэл сидит за несколько мест от меня, но я прекрасно вижу, какое у него выражение лица. Кажется, что через три секунды он проберется на сцену и убьет Роберта. Теперь такое

выражение лица мне знакомо — я замечала его несколько раз, когда Кэл и Роберт пересекались — но, похоже, сегодня все это достигло точки кипения.

Роберт потрясающе сыграл Сальери в «Амадее», поэтому ему дали главную роль в зимнем мюзикле в паре с Холли. В «Фантастике» они играют Мэтта и Луизу, влюбленных, которые, конечно же, по сценарию сходят с ума от своего чувства. Холли — настоящий профессионал. Ей веришь целиком и полностью, без скидок и преуменьшений. Но Роберт вкладывает всю душу в каждое слово «They Were You» — финальной горько-радостной арии о любви — словно это последний шанс, когда он может выразить свои чувства перед тем, как его сегодня же настигнет отряд ликвидаторов. Другими словами, он даже не играет, когда они с Холли долго смотрят друг другу в глаза.

Это неверный ход по множеству причин.

Кэл — тоже актер, и на каком-то уровне он понимает, что Холли и Роберт просто делают свою работу. Но ему знакомы и ситуации, когда актер использует своего персонажа как предлог, чтобы сказать то, что он хочет, и чего не должен говорить.

Немного сложно разобраться в метафорическом смысле этой штуки.

Джейми подавляет зевок. Я уговорила его взять отгул в «Dizzy's» и сходить со мной на спектакль Холли и Роберта. Я сказала ему, что это не какой-то средненький мюзикл «про любовь и цветочки». «Фантастикс» — это путь от любви к взаимному разочарованию и поиску пути назад друг к другу с новым пониманием того, что значит любить другого.

Думаю, с нами произошло то же самое.

После того, как он провел всю ночь, сидя у моей кровати и наблюдая за мной, наши отношения изменились. Не уверена, что это случилось бы, если бы он ко мне не пришел. Знаю лишь одно — я очень рада, что так вышло. Теперь, впервые в жизни, между нами все просто. И нормально. Мы созваниваемся. Мы разговариваем. Мы гуляем, и много делаем вместе. Мы сидим дома и смотрим фильмы, а он заговаривает зубы моей маме, и ее не беспокоит что мы снова встречаемся.

Когда мы рядом в физическом смысле, он обращается со мной так, словно я сломаюсь, если он сделает резкое движение или хотя бы на шагок переступит сложившиеся границы. Похоже, он переложил на меня обязанность двигать наши отношения вперед. Рано или поздно я наберусь смелости и что-нибудь сделаю в этом плане. Но пока для меня самое важное, что у нас настоящие отношения. Не думала, что с Джейми такое возможно, но это так.

Так странно, что у меня сейчас хорошее настроение.

Я успела посмотреть то видео до того, как его удалили, и оно снова обострило боль потери. Иногда я боюсь, что ничему и никому нельзя доверять, потому что ничто не вечно. Но пока часть меня испытывает кризис недоверия к человечеству, другая часть меня счастлива.

Мне необычайно сложно быть счастливой. При этом я не думаю, что должна до сих пор скорбеть, ведь я знаю — папа не хотел бы этого. На самом деле, он, возможно, вообще хотел бы, чтобы я не тратила на это ни секунды. Мне кажется, это справедливо для большинства умерших людей. Последнее, чего бы им хотелось, чтобы люди, которые их любили, перестали жить. Скорее наоборот, они бы хотели, чтобы эти люди жили лучше, ярче, насыщеннее, чем раньше.

Я уже знаю, насколько короткой может быть жизнь. Как бы это ни удручало, перспективы не совсем плохие.

Занавес опускается, и я понимаю, что погружившись в мысли, пропустила окончание спектакля. Мы встаем для аплодисментов, роняя себе под ноги уже ненужные программки. После всех спектаклей в «Юнион Хай» аплодируют стоя, хотя от некоторых из них хочется загнать иголки себе под ногти — это часть идеи «каждому достанется-награда», разрушающая мое поколение.

Я не смотрю на Кэла, зато Роберт пялится на Холли на протяжении всех поклонов. Потом мы втроем выходим в коридор, между актовым залом и гримеркой. И ждем вместе с театральными в нарядных свитерах, которых привезли из местного дома престарелых, учителями, родителями, ребятами из средних классов, которые притворяются, что ненавидят спектакли, и младшеклассниками, которые ставят свои «мюзиклы» в собственных спальнях. Я не теряю надежды, что Роберту хватит ума, не выйти из гримерки с Холли.

Когда она выходит, все визжат и хлопают. Кэл проталкивается вперед и встречает ее с цветами, от чего толпа хлопает еще сильнее. Он делает небольшой поклон, почему-то заставляя ее аплодировать ему. Ощущаю укол раздражения, который стараюсь игнорировать. Холли быстро целует его, а потом устремляется напрямую ко мне, берет меня за руку и шепчет:

— Пошли, пока Роберт не вышел.

Мы пытаемся уйти, но Холли, с ее бесконечной вежливостью, попадает в ловушку восторженной толпы, желающей рассказать ей, как она великолепна. Я привыкла к этому. Где бы мы ни были, Холли притягивает людей. Раньше я думала, что причина кроется в ее знаменитом отце, но это случается, даже если никто понятия не имеет, кто ее отец. У нее просто есть качество, которым обладают лишь немногие, далеко не все. Она светится изнутри, и люди, обращающие на нее внимание, могут сказать, что в ней есть нечто особенное, помимо ее красоты. Они хотят наладить контакт с ней. Если честно, это круто.

Но у этого есть и недостаток — мы никогда и никуда не успеваем вовремя. И никогда не можем свалить по-быстрому.

— Хол! — зовет Роберт, выходя из гримерки.

— Ой-ой, — шепчет Холли себе под нос, отвлекаясь от компании пожилых леди, которые говорят ей, что она может стать новой Элизабет Тейлор, хоть у нее и карие глаза, а не васильковые. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

Роберт приближается, а Кэл, как телохранитель, встает перед Холли, чтобы перекрыть доступ к ней. Это радикальный шаг, и Роберт мгновенно приходит в бешенство. Он смотрит мимо Кэла и протягивает Холли шарф.

— Ты уронила, — холодно говорит он.

Холли мягко отстраняет Кэла с дороги.

— Спасибо, — говорит она нормальным голосом, как будто всем и каждому не очевидно, что у Кэла и Роберта руки чешутся наподдать друг другу.

— Джейми, вы с Роуз пойдете с нами есть пиццу в «Naples»? — спрашивает Кэл, не отводя взгляд от Роберта.

Видимо, Джейми понимает, что делает Кэл. Джейми и Роберт никогда не были фанатами друг друга, но на сколько я знаю, Джейми не испытывает благодарности к Кэлу за то, что он его использует, чтобы повернуть нож, уже воткнувший в сердце Роберта.

Зависает неловкая пауза, пока Джейми смотрит на Кэла, не чувствуя необходимости еще раз подтвердить уже согласованный план в присутствии Роберта. Затем Холли говорит:

— До завтра, Роберт. Хороший получился спектакль.

— Да. До завтра.

Взгляд Роберта перескакивает на меня.

Я знаю, он хочет, чтобы я позвала его с нами в благодарность за все хорошее, доброе и заботливое, что он делал для меня с шестого класса, но я не делаю этого — не могу. У меня связаны руки, но уверена, что он этого не понимает.

Кэл жестом собственника кладет руку на плечи Холли и уводит ее по коридору, а Роберт демонстративно добавляет:

— Хорошего вечера, Роуз.

Что переводится как: «и ты, Брут?» Он думает, что я предала его. А я так и сделала. Не хотела, но сделала.

— Ты сегодня классно сыграл, — говорю я, подыскивая слова, которые помогут сгладить вину от того, что я оставляю друга мучиться в одиночестве.

Он разворачивается, не говоря ни слова.

Есть что-то идеальное в том, что мы с Джейми сидим на диванах с высокими спинками в темной кабинке «Naples», а на столе стоят две тарелки в ожидании наших пирогов с хрустящей корочкой. Потрясающее свидание для девушки, выросшей на Нью-Хейвенской пицце.

Мир делится на людей, которые пробовали Нью-Хейвенскую пиццу, и людей, которые не пробовали. Поскольку я на ней выросла, я не могу нигде больше есть пиццу — вкус кажется мне второсортным. Я пробовала пиццу в Нью-Йорке — более того, в известных местах в Бруклине — очень похожа на Нью-Хейвенскую, но все-таки это не то. Просто не то.

На этом свидании все идет так, как мне хочется.

Пока Кэл не говорит: — Привет, Рейчел!

Я поднимаю взгляд и сразу же вижу Широкие Штаны, которая идет к выходу, оглядывается и замечает нашу четверку. Она говорит своим друзьям, чтобы шли без нее, а сама направляется к нашей кабинке.

Рука Джейми исчезает со своего места на моем бедре. Не быстро, не так, будто его застучали за каким-то неподобающим занятием, но исчезает. Я чувствую ее отсутствие через секунду после того, как замечаю присутствие Широких Штанов, и не могу не увидеть взаимосвязь. Раньше был контакт — теперь дистанция.

А дистанцию, судя по всему, зовут Рейчел.

— Как дела, Рейч? — спрашивает Кэл необычно высоким голосом, встает и тянется через всех нас, чтобы совершенно тупо дать ей «пять».

Наверно, Рейчел считается самой горячей девушкой в кампусе или кем-то вроде этого.

Привет, Кэл, говорит Рейчел, улыбаясь Холли и явно наслаждаясь собой.

Холли смотрит на Кэла, ожидая, что он что-то объяснит или, возможно, просто их познакомит. Но не получает ни того, ни другого.

— Выходной сегодня, Джейм? — спрашивает Рейчел.

Судя по всему, сегодня мы пользуемся короткими именами.

Джейми кивает.

— Ты туда идешь?

Она кивает головой:

— Не могу. Экзамены.

— Это Роуз... — начинает Джейми.

— Я знаю, — говорит она, теперь улыбаясь мне. — Он мне все о тебе рассказал. Рада наконец-то с тобой познакомиться.

Я в полном шоке. Самое странное, что это звучит искренне. Я чувствую облегчение и беспокойство одновременно, а потом, как будто у меня еще оставались сомнения, я понимаю, что меня обвели вокруг пальца. Эта девка знает приемы, о существовании которых я даже не догадывалась, и уж, конечно, не умею их использовать.

— Постой, — смущенно говорит Кэл. — Вы с ним знакомы?

В неловком молчании мы размышляем над интонацией Кэла, которой он тотчас же ясно дал понять, что он думает о Джейми. Я сегодня уже пару раз удивлялась. Но теперь я не удивляюсь ничему.

Холли все еще смотрит на Кэла, который переводит взгляд с оттенком изумления то на Рейчел, то на Джейми. Он пытается осознать тот факт, что Рейчел знакома с Джейми, и он ей нравится. Это подтверждает мое подозрение, что Рейчел пользуется привилегиями некоего высокого статуса в кампусе. Подтверждает это и еще одно подозрение, которое в последнее время складывалось у меня в голове — Кэл — не такой парень, каким Холли его считает.

Пожалуй, все-таки будет правильно, если я помогу Роберту с его с его миссией.

— В «Dizzy's» познакомились, — объясняет Джейми, а Рейчел, попрежнему улыбаясь, перекидывает свои длинные блестящие волосы через плечо.

Холли протягивает ей руку.

— Я Холли.

Рейчел жмет руку Холли, а я замечаю, что ее предплечья снова в краске.

— Холли, — повторяет она.

Моту сказать, что Рейчел мысленно просматривает свои контакты ей не часто приходится сталкиваться с человеком симпатичнее ее.

— Ты здесь учишься? Не припомню, чтобы я тебя видела.

Влезает Кэл:

— Ты сегодня готовишься к экзамену по Западной культуре?

Очевидно, Кэл не поставил Рейчел в известность, что встречается со старшеклассницей. Холли переглядывается со мной, а Рейчел говорит:

— Дodelываю работу по изобразительному искусству. У нас как раз выставка на следующей неделе. Вы все должны придти. Ты же любишь живопись, да, Джейми?

Она спрашивает настолько снисходительно, что я вынуждена ответить:

— Джейми — тоже художник.

Джейми даже не нужно смотреть на меня, чтобы выразить свой гнев — от него сразу же словно электризуется воздух вокруг нас.

У Рейчел загораются глаза.

— А что ты рисуешь?

— Я не художник, — рычит он.

Архитектурные проекты, — говорю я, роя себе еще более глубокую яму.

Теперь Джейми смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Я бы хотела как-нибудь их посмотреть.

Джейми, едва открывая рот, произносит:

— Я никому их не показываю.

Она хохочет, будто услышала самую смешную вещь в мире.

— Обязательно приходи на выставку, — обращается она к нему, и только к нему. —

Тебе понравится.

— Мы придем, — странным голосом говорит Кэл с идиотской ухмылкой.

— Приятно было познакомиться, девочки, — Рейчел слегка машет нам рукой, родя, а ее пристальный взгляд задерживается на Джейми.

Не совсем понятно, была ли ирония в таком прощании, но мне очевидно, что во взгляде на Джейми ее не было.

Дворники шумно елозят по лобовому стеклу машины Джейми, сражаясь со снегом и наледью. Это единственный саундтрек к нашей медленной и осторожной поездке домой — ни музыки, ни разговоров.

Я знаю, какой вопрос мне хочется задать, но не уверена, как меня охарактеризует то, что я его задам. Мне не нравится быть ревнивой подружкой — я уже играла такую роль с Джейми, благодаря Регине. Но исторически сложилось, что самые важные разговоры с Джейми происходят в этой старой зеленой машине. К тому же, искренность и высказывание своих чувств — секрет хороших отношений, ведь так?

Пока я пытаюсь во всем этом разобраться, у меня звонит телефон. Опускаю взгляд и вижу имя Роберта на экране. Начинаю спрашивать Джейми, не возражает ли он, если я отвечу, но по выражению его лица можно сказать, что ему в данный момент абсолютно безразличны мои поступки.

Наверно, я должна спрашивать его перед тем, как начать рассказывать людям о его рисунках.

Отвечаю на звонок Роберта словами:

— Кэл — полный придурок, Холли заслуживает лучшего.

Роберт от удивления на пару секунд теряет дар речи.

— Собирался тебе по мозгам надавать за сегодняшнее, а теперь хочу узнать, что за хрень была в «Naples».

— Скажем так, Кэл показал свое истинное лицо.

— Я знал. Я знал, что он ей не подходит, — звучит так, словно Роберт едва удерживается, чтобы не начать прыгать от радости. — Если сможешь мне ее увести, почти загладишь свою вину за то, что ты меня кинула.

Он пытается говорить об этом в шутку, но я вижу, что ему обидно. И могу сказать, что он имеет в виду не только сегодняшний вечер.

— Да, ладно тебе, — говорю я, — ты же знаешь, что я была в странном положении.

Так что там было-то? спрашивает он, явно не желая признавать, что я оказалась между двух огней.

Я смотрю на Джейми. — Потом расскажу.

— Но ты сможешь мне, да? Потому что, я имею в виду, он не должен с ней так...

— Роберт, я постараюсь, хорошо? Мне нужно идти.

Хорошо. Пока, — говорит он. Спасибо, Роза. Спасибо большое.

Приятно слышать, что Роберт назвал меня Роза. Давно такого не было.

Машина снова наполняется тишиной — только дворники шумят, а наледь отскакивает от лобового стекла. Прямо перед тем, как Джейми готов остановиться, чтобы меня высадить, я все-таки решаюсь задать вопрос. Лучше так, чем потом всю неделю мучиться.

— Ну и что у тебя за дела с этой девчонкой?

Большинство парней повели бы себя так, словно понятия не имеют, о чем я, но у

Джейми всегда было мало общего с большинством парней.

— Потрахатьсь она хочет, — отвечает он, не поясняя, как он сам к этому относится.

Стараюсь реагировать нейтрально. — А ты хотел, летом? — спрашиваю я.

— Нет.

— Почему нет? Она сексуальная, — неуверенность в моем голосе выдает то, что я реагирую как угодно, но далеко не спокойно и совсем не нейтрально. — И я, кстати, знаю, что она тебе писала.

Он выглядит смущенным.

— Той ночью, когда я приехала в бар, а потом к тебе домой. Разве не она тебе писала, когда мы пытались поговорить?

— Не знаю, — говорит он, как будто не может вспомнить, и это вообще не имеет значения. — Она не мой типаж.

У меня на лице расплывается улыбка. — А... какой твой типаж?

Он отвечает без запинки.

— Старшеклассницы с голубыми глазами, которые выносят мозг умными словами.

— Ага. Даже не знаю, кто бы это мог быть...

— «Архитектурные проекты?» Я тебя умоляю.

— Что? — говорю я максимально невинно. — Если эта девчонка может быть художницей со всей этой краской на пальцах и руках, которой она, наверно, специально мажется, чтобы все смотрели и думали: «00, она рисует, это так круто», тогда ты тоже художник.

Он не отвечает, подъезжая к моему дому.

— Ты думаешь, «художниками» могут быть только модные и умные девочки из Лиги Плюща? Нет. Художник — это каждый, кто что-то создает.

Он заезжает на парковку.

— Не каждый.

— Каждый, у кого есть талант. Я видела твои рисунки.

— Когда? — это звучит немного раздраженно.

Я с удивлением смотрю на него.

— Ты серьезно? Ты сейчас серьезно? Он демонстрирует свою полуулыбку.

— Нет.

Я закатываю глаза и тянусь к нему, чувствуя, что настал момент вернуть его благосклонность. Мои руки проникают под его камуфляжную куртку и оказываются на его талии. Что-то во внутреннем кармане куртки задевает мою руку.

— Что это такое?

Он лезет в карман и совершенно будничным жестом достает небольшую фляжку.

— Постой. Ты теперь ходишь с фляжкой?

— Только на мюзиклы.

— Ха-ха, — говорю я.

Он собирается убрать фляжку, но я беру ее и открываю. Вдыхаю, но не чувствую запаха. А потом, по какой-то необъяснимой причине, делаю маленький глоток. Он поднимает одну бровь. Я не свожу с него глаз, не вполне понимая, что я пытаюсь доказать, как вдруг жидкость обжигает мой рот и горло.

— Что это? — резко спрашиваю я.

— Водка. Нравится?

Морщу нос.

— Не очень.

— Хорошо, — говорит он, забирая у меня фляжку и убирая в карман.

— Хорошо? Почему?

— Тебе шестнадцать.

— Да и ты не совсем взрослый, — напоминаю я, хотя так тупо говорить это человеку, работающему в баре.

Я мысленно возвращаюсь в ту ночь, когда ждала у его дома, а он с трудом добрался до него. Тогда я спрашивала его об алкоголе, но возможно, настал момент для более трезвой версии того разговора.

— Ты же не пьешь, когда садишься за руль, да?

— Я не подвергаю тебя опасности.

— Я не об этом спрашиваю.

— Нет, не пью, — он показывает на часы на приборной панели.

Тебе пора.

Понимаю, что он пользуется моим комендантским часом, чтобы избавиться от меня, но не показываю недовольство, а целую его и желаю спокойной ночи. Пока я иду по дорожке, доставая ключи из сумки, я все еще чувствую жжение от водки во рту и думаю: нормально ли для парня в его возрасте — для парня в любом возрасте — носить с собой фляжку.

Практически уверена, что нет, и Питер меня бы в этом поддержал. Но если я чему-то и научилась на психотерапии во время реабилитации брата, так это тому, что не мое дело ставить Джейми диагноз или указывать ему на проблему.

Тем не менее, открывая дверь и оборачиваясь, чтобы помахать ему, я чувствую, что выбрала самый простой путь.

Глава 8

Выставка Рейчел проходит в студии совместно с работами двух других студентов. Играет какая-то классическая музыка в авангардном исполнении, от которого хочется скрипеть зубами, а официанты курсируют с пластиковыми стаканчиками, наполненными вином, раздавая их всем желающим. Джейми берет стаканчик, и я следую его примеру, затем мы закусываем эксцентричными ярко-желтыми ломтиками сыра и такими же крекерами. Хоть я и не знаток вин, но на вкус оно, как вода с уксусом,

Сказать, что мы выделяемся из толпы, значит, ничего не сказать.

Я оглядываюсь в поисках Холли и Кола, с которыми мы должны здесь встретиться, но не вижу их. Студия забита толпой людей, которые дали бы фору ООН па фронте разнообразия. Мы проходим мимо первого экспоната — огромных картин в стиле комиксов. Они рассказывают историю ребенка, который пересекает южную границу США, хотят сожрать гигантские чудовища, а мексиканские рестлеры внушительных размеров пытаются убить, чудовищ. Художник, похожий на подростковую версию ребенка с картины, нервно топчется в углу, изо всех сил справляясь с вопросами аудитории, с таким видом, словно эта ситуация — пытка для него. Мне кажется, он был бы счастлив провести всю жизнь в одиночестве в своей мастерской, где ему не пришлось бы отвечать на вопросы о его работе.

Второй экспонат фотографии частей зела. Объекты сфотографированы настолько близко, что невозможно понять, на что ты смотришь, но я думаю, в этом отчасти и кроется смысл. Я не всегда понимаю искусство, но всегда замечаю, когда что-то меня затрагивает. Однажды летом родители возили нас с братом в музей па севере Нью-Йорка. Тогда я вошла в

это гигантское, выцветшее, похожее па лабиринт, здание, ожидая, что внутри я обнаружу искусство. Там было так спокойно и красиво, мне даже захотелось там жить. И в тот момент я поняла, что само здание — это искусство.

Слушаю разговоры вокруг: студенты и преподаватели переговариваются приглушенными, полными благоговения, голосами, словно могут потревожить искусство, если заговорят слишком громко. Одни используют термины, которые я не понимаю, а другие настолько пафосны, что их невозможно слушать. Однако к одному разговору между пожилой женщиной и молодым человеком, делающим заметки, я прислушиваюсь. Она явно разбирается в том, о чем говорит, но это не звучит оскорбительно для других.

Джейми молчит с тех пор, как мы сюда пришли, и почти не моргает, словно он впитывает в себя все вокруг. Интересно, он когда-нибудь раньше бывал в музее или на выставке? Не могу представить, как отец ведет его, допустим, в парк скульптур, хотя я знаю, что его мама была певицей. Возможно, он унаследовал свой художественный талант от нее.

— Ты когда-нибудь задумывался о художественном училище? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня так же, как тогда, когда я сказала Рейчел, что он художник. Он допивает вино одним глотком, а потом говорит:

— Какого хрена кто-то типа меня будет делать в художественном училище?

Не знаю, что он имеет в виду под «кем-то типа меня», и не знаю, как истолковать злость в его голосе. Подходит официант с вином и, подмигивая, предлагает мне стаканчик. Я оглядываюсь посмотреть, не наблюдают ли за мной, и понимаю, что никому здесь нет до меня дела. Беру стаканчик, хотя уже чувствую эффект от первого. Джейми тоже берет еще. Его взгляд направлен на фото того, что кажется мне кусочком женской спины, когда он говорит:

— Нельзя пойти в художественное училище, если тебя выгнали из школы.

— Ты же сдашь экзамены, — напоминаю я. Он качает головой.

— Ты сдашь.

Он ничего не говорит.

— Джейми, ты сдашь. Ты готовился, как ненормальный, и ты...

Я умолкаю. Он не смотрит на меня.

Он уже получил результаты.

Могу сказать, что его больше расстраивает мое разочарование, а не провал на экзаменах мы очень серьезно готовились по тренировочным тестам.

Не знаю, что сказать. Я ни на секунду не задумывалась, что он может не сдать.

Он отходит на несколько шагов, чтобы рассмотреть фотографию чего-то совершенно непонятного и слегка сексуального. Он допивает вино. Мы опять не разговариваем до самого экспоната Рейчел.

Когда мы до него доходим, вино уже всю действует на меня. Моя макушка взмывает под потолок; картины, и люди текут по моим венам. Я и раньше бывала под градусом, но не до такой степени — я выпила больше, чем следовало. И это не так уж плохо. На самом деле, это совсем не плохо.

Возможно, теперь я начинаю понимать, почему некоторые всегда носят с собой фляжку.

Я вижу Рейчел в другом конце комнаты, окруженную людьми с седыми волосами и странными нервными ухмылками. Наверно, это профессора или родители. Может, они покупают или критикуют произведения искусства — откуда мне знать? Зато я знаю, что они в полном восторге от того, как она рассказывает о своей работе, изящными руками указывая

на мазки кисти и цвета.

Я рассматриваю картину, о которой она говорит, и меня наполняет ярость. Яркие красные, оранжевые и желтые линии скрутились в беспорядочный колючий шар с предметами статуэтками, религиозными артефактами, осколками битой керамики — в центре взрыва. Я теряюсь, пытаюсь это истолковать, а потом замечаю в углу плоский монитор, на котором снова и снова крутится видеоролик со взрывами.

Мой взгляд поднимается от монитора, следует над картинами к пустой белой стене с блестящими черными буквами, из которых складывается название экспоната Рейчел — «Нефть ценой Колыбели Цивилизации — насилие в Ираке».

Рука Джейми ложится на мою, порываясь развернуть меня и утащить назад в комнаты с черно-белыми фотографиями и полотнами с мексиканскими рестлерами или, может, чтобы вообще увести меня из этого здания.

— Ну? Что думаешь?

Несмотря на свое нетрезвое состояние, я прекрасно осознаю сразу несколько вещей. Рейчел адресует свой вопрос мне с самодовольной улыбкой, хоть мы втроем и знаем, что ее интересует совсем не мое мнение. Компания, с которой она общалась, теперь свободно ухмыляется за ее спиной, а их глаза направлены на нее, словно она сама — произведение искусства: название ее экспоната, как неоновая надпись мерцает у меня в голове? сыр крекеры химически цветов бурлят в кислой глубине моего желудка; а Джейми пытается придумать, что делать в этой, как понимает рациональная часть моего мозга, невыносимой для него ситуации.

Крутые картины, Рейчел, говорит Джейми со всей искренностью, на которую он способен, противореча мне.

Его рука горит на моей, словно может прожечь кожу. Я открываю рот, и он предупреждающе крепко сжимает мою руку. Я знаю, чего он хочет — он хочет увести меня отсюда, чтобы мы разобрались с этим в частном порядке. Но это определенно не то, чего хочу я.

— Ирак? — мой голос кажется чужим даже мне самой.

Улыбка Рейчел слабеет, ведь она столкнулась с тем, кто не скачет от восторга при виде ее.

— Извини? — говорит она.

— Что ты знаешь об Ираке?

Она отвечает лаконично:

— Я всесторонне изучала Ирак.

Подходит пожилая женщина, которая кружит по выставке со студентом, делающим заметки. Я смотрю на нее через плечо Рейчел, и Рейчел оборачивается, а на ее лице тотчас же снова воцаряется самодовольная улыбка.

— Профессор Астрид. Спасибо, что пришли.

Женщина кивает, с любопытством глядя на меня. Разве все в этом зале видят, что я пьяная? Или я просто выгляжу так же опасно, как себя ощущаю?

Очень впечатляющая выставка, Рейчел, — говорит она.

Серьезно, очень впечатляюще.

Кажется, ее похвала успокоила Рейчел. Должно быть, этот профессор важная персона. Что-то уродливое внутри меня поднимает голову и принохивается, учуяв запах уязвимости.

— Роуз, пойдем, попьем водички, — Джейми встает за мной и кладет руки мне на

плечи, все еще пытаясь развернуть меня, будто думает, что я вырвусь и изобью Рейчел.

Но я непреклонна словно пустила корни глубоко в пол галереи.

— Это не искусство.

Несколько человек неподалеку поворачиваются, подняв брови, чтобы узнать, кто осмелился бросить вызов прекрасной художнице из Лиги Плюща, которая так очевидно успешна.

— Ты новости смотришь? — скептически спрашивает Рейчел таким тоном, будто обращается к ученице младших классов. — Ты хоть понимаешь, какая ситуация в Ираке?

Джейми опускает голову и смотрит в пол — он ничего не может поделать, и он это понимает. Он отпускает меня и делает шаг назад, скрестив руки.

— Ситуация в Ираке — это не искусство. А то, что ты крутишь на своих мониторах — эти взрывы — это не развлечение.

— Это называется первоисточник... — начинает Рейчел.

Слушать противно ее академический жаргон.

— В этих взрывах погибали люди! — поворачивается еще больше голов. — И кто, ты думаешь...

— Юная леди, — перебивает профессор, подходя ко мне и сжимая мое плечо, словно по-настоящему хочет, чтобы я ее поняла, словно это крайне важно. — У искусства нет ограничений. Искусство существует, чтобы разбираться во всем — абсолютно во всем. Такова его функция в культуре. Без него мы все были бы потеряны.

Я обвожу взглядом выставку картин Рейчел. Всего их пять, огромных и абстрактных. Они производят впечатление непоправимого ущерба памятникам культуры, сооружениям, человеческой плоти. На мой взгляд, они поверхностные и подчеркивающие самомнение автора. Эти картины совсем не об Ираке, не о погибших людях, не о скорби по потерянной культуре и утраченных реликвиях из «Колыбели Цивилизации».

Эти картины о ней, они призваны показать, какая она глубокая, компетентная, сострадательная, утонченная и способная воспринимать мир за пределами того, чем она восхищается в зеркале каждый чертов день своей жизни.

Короче говоря, дерьмо какое-то.

Я была права насчет нее — я была права с первого взгляда на нее. Она фальшивка.

Сыр кислотного цвета, крекеры и вино выплескиваются у меня изо рта и плюхаются на пол у ног Рейчел.

Я лежу на диване в гостиной с закрытыми глазами, поэтому мне не придется смотреть на новогоднюю гирлянду, мерцающую на нашей елке — она болезненно яркая и выглядит, как сотни огней, потому что отражается в наших старомодных стеклянных орнаментах. Такое чувство, что я в лодке посреди океана во время жуткого шторма, хотя я, судя по всему, виновата в этом больше, чем новогодняя елка. В голове все пульсирует. А может, это в ушах — не могу точно сказать.

Мои глаза все еще закрыты, но я знаю, что Джейми стоит надо мной, не желая снять куртку или сесть. Он злится молча — Джейми-стайл.

Он увел меня с выставки, уложил на заднее сиденье своей машины, пристегнул двумя ремнями, а потом мчался, как бешеный — не похоже, что он не подвергает меня опасности. Лежа там и стараясь, чтобы меня не вырвало в его безупречной машине, я поняла, что ему не следовало садиться за руль. Мы ехали слишком быстро, и несколько раз нам громко

сигналили. Но я не стала бороться с ремнями, садиться и говорить ему, чтобы ехал помедленнее.

Возможно, я молчала на заднем сиденье Джейми из-за стыда. Я не планировала, чтобы меня вырвало на выставке Рейчел. В самом деле, не планировала. Хотя маленькая часть меня и думает, что это смешно, большая часть знает, что я повела себя крайне плохо. Даже крайне отвратительно. Откуда Рейчел могла знать о событиях, которые последние два года все называли моими «смягчающими обстоятельствами»?

Скажу в свою защиту, что мои смягчающие обстоятельства критичны, особенно, если я стою перед видео с взрывами в Ираке, которые она называет «первоисточником».

Она хочет первоисточник? Я ей дам первоисточник.

Мамы нет дома — она у родителей Трейси отмечает Рождество с Питером и Трейси. Но если бы она была дома, думаю, Джейми довел бы меня до входной двери и оставил там без объяснений. Мы планировали потусоваться с Питером и Трейси после праздника, но уже могу сказать, что этого не случится — Джейми на полпути к выходу, пусть даже он и стоит рядом.

} Я открываю глаза и медленно сажусь, размышляя вырвет ли меня еще раз.

} — Думаешь, с сыром было что-то не то? — я хватаюсь за желудок, не вполне готовая разогнуться. — У него такой странный был цвет.

} Я плюхаюсь на спину, вытаскиваю из-под головы подушку с вышитым Санта-Клаусом и прижимаю ее к груди. Мне нужно убраться из гостиной, пока мама не пришла, но я не могу двигаться. Пока не могу.

} Джейми продолжает молчать.

} Вместо извинений за то, что прилюдно поставила его в неловкое положение и устроила отвратительную сцену — а я знаю, что так и надо было поступить — я позволяю своему смущению превратиться в гнев.

} — Смотри, если ты можешь работать в баре и ходить с фляжкой, то и я могу выпить пару стаканчиков вина на открытии выставки «искусств».

} Я ставлю кавычки в воздухе, чтобы продемонстрировать, что я думаю о работах Рейчел на случай, если он ничего не уловил из-за моей истерики на выставке. Мой мозг уговаривает рот заткнуться ко всем чертям, но у меня все-таки вырывается:

} — Кстати, когда ты получил результаты экзаменов?

} Открывается входная дверь, прерывая наше искрометное одностороннее общение и впуская внутрь холодный декабрьский воздух, приятно овевающий мое вспотевшее лицо. Заходят Питер и Трейси, с которой я не виделась за пределами школы уже много-много недель, если не считать наши ритуальные поездки на вокзал. В день, когда мой брат приехал домой на новогодние каникулы, ей почему-то не нужно ехать в город, и она с легкостью может отказаться от вечеринки у ее родителей при условии, что он тоже уйдет. Все это очень удобно.

В «Убить Золушку» есть целая глава о том, как девушки обращаются друг с другом, когда в поле зрения появляется парень. К сожалению, не могу вспомнить ни единой вещи из нее.

— Привет, чувак, — говорит Питер, пожимая руку Джейми.

Трейси бросает взгляд на меня и прищуривается.

— Ты пьяная?

В Йеле, стране с фондами в стоициот долларов, подают несвежий сыр, ты можешь в

такое поверить?

Трейси смеется.

— Тебе нужны вода и аспирин.

Она поворачивается к Джейми, подразумевая, что он должен взять эти заботы на себя, но Джейми в последний раз злобно смотрит в моем направлении и идет к двери.

— Вы с нами не пойдете? — смущенно спрашивает Питер. — Как-нибудь в другой раз. }

Еще одна волна ледяного воздуха, и Джейми резко захлопывает за собой дверь.

— Пока, — кричу я так язвительно, как только могу.

Питер и Трейси переглядываются.

— Я принесу воду, — говорит она, уходя на кухню.

— И что это было? — спрашивает брат.

— Ну, Мамочка, мы ходили на открытие выставки. Какой-то девочки из Йеля, знакомой Джейми.

— И ты напилась... почему?

— Я не пьяная, — говорю я. — Ты знаешь, как они раздают эти маленькие стаканчики отвратного вина? Я выпила парочку. И съела немного прогорклого сыра.

Я слышу его проповеднический тон еще до того, как он открывает рот.

— Роуз, ты должна быть осторожной. У тебя брат с зависимостью, помнишь?

— У меня брат, у которого была зависимость.

— Я рад, что ты во мне так уверена, но я всегда буду...

...зависимым и бла-бла-бла, анонимные алкоголики, бла-блабла, анонимные наркоманы.

Я кидаю в него подушкой с Санта-Клаусом, думая, что веду себя смешно.

От шока на его лице я практически трезвею.

Питер упорно работал, чтобы изменить свою жизнь, а я высмеиваю тот факт, что он ходит на встречи? Что за хрень со мной творится?

Он делает глубокий вдох.

— Ты злая, когда пьяная. Как я. А это значит, что тебе вообще не стоит пить.

— Но если бы ты там был, Пит... — теперь я хнычу. По-настоящему хнычу. Я смотрю на это, как будто наблюдаю за кем-то другим, как будто не могу себя контролировать.

Трейси возвращается с водой и аспирином. Она поднимает брови, глядя на Питера, а потом на меня.

— Что случилось на выставке? — спрашивает она, пытаясь помочь мне принять аспирин в лежачем положении.

— Помнишь, я тебе рассказывала про девушку... Рейчел, которой нравится Джейми? Знаешь, как называлось ее «произведение искусства»? — я поворачиваюсь к Питеру, понимая, что сейчас он перейдет на мою сторону. — «Нефть ценой Колыбели Цивилизации — насилие в Ираке».

Трейси пару секунд выглядит озадаченной — не может понять, почему это вызвало у меня рвотный припадок. Это многое говорит о моем теперешнем месте в ее сознании. Но потом она смотрит на Питера, который сразу улавливает суть, и в ее взгляде появляется отблеск понимания.

Может, теперь Питер догадается, что ему не стоит сегодня быть со мной таким строгим.

Пожалуйста, скажи, что это была не видео-инсталляция, говорит он.

Картины с видеороликами взрывов демонстрировали ее «первоисточник». Я ей все

высказала.

— Ты ей все высказала? — спрашивает он. — Как это понять?

— Я сказала, что это не искусство. И что война в Ираке — не развлечение.

— Постой, это была ее экзаменационная работа? Там были другие люди?

— До фига. Даже очень важный для Рейчел профессор. Она была там как раз, когда меня вырвало на ноги Рейчел, — я чувствую, что краснею, несмотря на мои старания преподнести это, как некую победу.

Трейси ахает. А Питера как будто самого сейчас вырвет.

— Ты же понимаешь, что это был супер-омерзительный пьяный поступок, да?

Ненавижу, когда брат разговаривает со мной так, будто он лучше меня и обосновался на высоком моральном уровне.

— Она это заслужила, — заявляю я, погружаясь в ярость, которую ощутила, когда прочитала те черные буквы на белой стене.

И что с того, что я пьяная?

— Роуз, — говорит Питер. — Тебе не принадлежит война в Ираке из-за того, что там погиб папа. Она не твоя.

— Ну, она все-таки больше моя, чем ее. На чью смерть она смотрела в том долбаном видео со смартфона?

Затем начинаются слезы и сопли.

— Ты его посмотрела? — говорит Трейси, садясь рядом со мной и пытаюсь обнять меня за плечи.

— Конечно, посмотрела! — я сбрасываю ее руку.

Ни за что не позволю ей делать вид, что я в очередной раз не рассказала ей нечто важное. Хоть это и правда.

Вытираю нос рукавом.

— Жалеешь, что посмотрела? — спрашивает Питер.

— Нет, — без колебаний вру я.

Питер садится на стул напротив меня, все еще держа подушку с Санта-Клаусом. Он наклоняется вперед и ставит локти на колени.

— Я его почти не смотрел. Не был уверен, что смогу справиться с этим в трезвом виде.

Противный голос у меня в голове советует высмеять Питера за его разговоры в стиле «двенадцать шагов анонимных алкоголиков».

— Джейми не сдал экзамены, — внезапно объявляю я, давая понять, что не хочу сейчас слушать о чувствах Питера.

Я сегодня в ударе.

— Так вот почему он еще обаятельнее, чем обычно, — Трейси вытирает размазанную тушь с моей щеки.

— Поэтому, а еще из-за того, что меня вырвало на выставке, на которую его пригласила влюбленная в него по уши студентка.

Трейси усмехается. А потом начинает хохотать. Я тоже начинаю, пусть даже я и запуталась, от чего в моем случае нужно смеяться, а от чего — плакать. У меня такое чувство, что меня снова может вырвать, но не могу остановиться.

Питер, думаю, разочарованный в нас обеих, встает, бросает Санту на стул и выходит из комнаты.

К моему удивлению, Трейси остается со мной, плюхается на диван и подталкивает

меня, чтобы я подвинулась. Такое ощущение, как будто я выиграла битву, сама не зная, что сражалась.

Все нормально? спрашивает она, когда я, наконец, прекращаю смеяться-плакать, а содержимое моего желудка решает остаться на месте.

Я дотягиваюсь до выключателя на стене, выключаю свет в комнате, и мы остаемся с мерцающей елкой. Я любила Рождество, когда была маленькой — всей душой верила в магию этого дня. Так странно, ты растешь, и это чувство по тем или иным причинам улетучивается, а Рождество становится чем-то неосязаемым, утекающим сквозь пальцы, как песок, несмотря на все твои усилия его удержать. После смерти папы Рождество кажется мне пустым под всей своей милой оберткой. Интересно, так происходит у каждого, кто потерял близкого человека?

Я ничего не знаю о рождественских воспоминаниях Джейми — он никогда не рассказывал, а я никогда не спрашивала. Интересно, Рождество ему тоже кажется пустым?

Может, его фляжка связана именно с этим.

Я закрываю глаза рукой.

— Джейми нравится эта девка, — говорю я Трейси.

— Возможно, — говорит она. — Но любит он тебя.

Это может быть правдой, хоть он и никогда не произносил эти слова. Но даже, если это правда, у меня есть ощущение, что когда-нибудь любовь Джейми ко мне обернется против меня. Просто не знаю, каким образом.

}Глава 9}

}Я пытаюсь не упасть в бархатных туфлях на безумно высоких каблуках, вытирая подтеки из пивной бочки на кухне. Туфли мне дала Трейси для новогодней вечеринки, которую устраиваем мы с Холли. Обувь — не единственная моя проблема. В джинсах, которые одолжила мне Трейси, трудно согнуться, и я боюсь даже подходить к чему-то съедобному или пригодному для питья в ее черной блузке с открытой спиной, хотя она досталась Трейси бесплатно, и по ее словам, неважно, что с ней случится.}

}Когда я сказала ей, что сегодня будет играть наша группа, она заставила меня пообещать, что я разрешу ей подобрать мне наряд. Я сказала, что мне нужно реально круто выглядеть, потому что это наше первое выступление, а она посмотрела на меня своим «без тебя знаю» взглядом и ответила, что берет все на себя. У нее получилось. Если не считать того, что я с трудом могу дышать — а это плохо для певицы — образ идеальный.}

}Мама уехала в Лос-Анджелес с Цирком и, могу поспорить, считает, что все пройдет отлично, потому что здесь Питер, и технически он за меня отвечает. Но дело в том, что один двадцатилетний парень нервно курит в сторонке, если речь идет о двадцати подростках. Догадываюсь, что мама об этом не подумала. Если уж на то пошло, она вообще не говорила со мной о вечеринке.}

Может, ей просто хочется оставить прошлое позади и умчаться с Дирком навстречу солнцу. Хотя я — тоже часть этого прошлого, я не могу ее сильно винить.

Питер был мегавзбешен из-за пивной бочки, которую притащил Энджело. Могу сказать, что ему некомфортно, обычно он держится подальше от ситуаций, связанных с алкоголем. Поначалу он пытался удержать несовершеннолетних из нашей компании от выпивки, но на этот раз то, что он встречается с моей лучшей подругой, сработало в мою пользу. В итоге Трейси уговорила его успокоиться: она сказала, что мы просто уложим всех спать или развезем по домам. Когда пришли старые друзья Питера по хоккейной команде с

безалкогольным пивом, он устроил игру в покер в столовой и перестал пытаться держать все под контролем.

Трейси в знак солидарности с Питером не пьет вообще, но я никого и никуда развозить не буду. Я выпила пива, а теперь еще и попробовала то, что пьет Холли — думаю, это был какой-то коктейль, сделанный Стеф, которая понятия не имеет, что делает, но ей нравится играть на кухне в бармена рядом с Энджелю.

Когда входит Роберт, Холли через всю комнату стреляет в меня взглядом под названием: «Какого черта?». Я отвечаю ей своим лучшим взглядом из серии: «Извини, у меня связаны руки», на который она реагирует слегка подозрительным выражением лица. Эй, это же она научила меня, что проще извиняться потом, чем спрашивать разрешения заранее! Хотя, если честно, я считаю, что это работает гораздо лучше у тех, кто выглядит, как Холли, а не у тех, кто выглядит, как я.

Как бы то ни было, это часть «Операции по Спасению Холли» — так Роберт называет наш совместный план. Когда я узнала, что Кэл на каникулах собирается домой в Аспен, мы решили, что вечеринка — это идеальная возможность для Роберта вернуть расположение Холли. Роберт так благодарен мне за помощь. Можно подумать, что я рассказала ему секрет поступления в Джульярд с именной стипендией.

Судя по всему, я сделала для себя вывод насчет Кэла благодаря его плохому мнению о Джейми, которое обнаружилось тем вечером, когда мы ходили в «Naples». Его страсти по Рейчел тоже не добавили ему баллов в моих глазах. Итого? Думаю, Роберт заслуживает еще одного шанса с Холли, к тому же теперь мое доверие к Кэлу равняется нулю, независимо от того, как сильно он нравится Холли. Так что я официально в Команде Роберта. Просто не собираюсь рассказывать это Холли.

Роберт быстро кивает мне, а потом направляется к бочке, наливает пиво и у него завязывается общение со Стеф — точно, как мы и обсуждали. Он не мчится к Холли, и это не остается незамеченным. Одно очко в пользу Роберта.

Я иду в подвал, где тусуется большинство гостей. Анджело уже играет роль диджея, разгуливая в огромных черных меховых наушниках. Он машет мне и сдвигает наушники с ушей.

— Свитер, у меня офигенные новости. Готова?

Его взгляд кажется слегка маньячным, и он трясет головой так, словно у него до сих пор длинные волосы, от которых он избавился больше года назад. Интересно, может, я должна занервничать? Он наклоняется ко мне, как будто собирается открыть секрет века.

— На День Святого Валентина мы играем в центре на фестивале «Rat MonKey», и тот чувак из студии звукозаписи, которому я нравлюсь, сказал, что придет! — к концу предложения он забывает, что старался говорить тихо.

У меня кровь стынет в жилах. Я скоро буду впервые в жизни выступать, а у него уже выстраивается очередь людей из музыкального бизнеса, желающих на нас посмотреть через шесть недель?

Энджелю поднимает руку, чтобы «дать мне пять», а когда я отвечаю ему тем же, он отрывает меня от земли и начинает крутить вперед-назад, как маятник. Я смеюсь, хотя он сжимает меня так крепко, что я боюсь, как бы он не выдавил из меня все пиво.

— Ладно, теперь можешь меня отпустить.

Он сжимает меня чуть сильнее.

— Ты там будешь играть, как чертов профи, слышишь меня? Если я для этого должен

приходить к тебе каждый долбаный день и заставлять заниматься, так и будет!

— Ладно! Ладно! Отпусти меня! У меня морская болезнь!

— Ой, прости, Свитер, — говорит он, прекращая меня крутить, но так и не отпускает. — Знаешь, мне не терпится!

— Энджело, — говорю я.

— Точно. Извини, — он, наконец, отпускает меня.

— Мы начинаем?

— Да. Да! Давай зажигать!

Энджело достает плейлист, и мы начинаем готовиться. Я играю ритм и расппеваюсь, Энджело играет главную партию или басы, в зависимости от песни, а Стеф подпевает мне и играет на ударных. Я возбуждена и немного испугана — никогда раньше не выступала перед группой избранных, моих ближайших друзей. Я лучше выступлю перед сотней незнакомцев, чем перед двадцатью людьми, которых знаю. Не то, чтобы я уже выступала перед незнакомыми... Но, похоже, через шесть недель придется.

Готова ли я играть на фестивале?

Я хоть знаю, что это за фестиваль?

«Один концерт за раз», — говорю я сама себе.

Мы подключаем оборудование и начинаем без всяких вступлений — играем две мелодии, написанные Энджело. Народу они нравятся, но наш любимый кавер, от которого они сходят с ума — «*Sour Cherry*», несомненно, потрясающая песня, и мы на ней отжигаем. Формируется мини-слэм, когда Питер и его покерные ребята спускаются посмотреть, что происходит. Возможно, он и чувствует, что должен помешать пьяным подросткам толкаться друг с другом и подвергаться риску травм, которые, может, даже придется зашивать, но он слишком поглощен музыкой, чтобы об этом беспокоиться. Пока пою, я вижу, как Холли ведет Роберта через толпу в свободный уголок, где они начинают танцевать сами по себе — «Операция по Спасению Холли» идет по полной программе.

Но самое классное из всего этого, что Джейми стоит в задних рядах и широко улыбается. Джейми не из тех, кто так улыбается — у него вообще улыбка редко появляется. И он определенно давно мне так не улыбался, потому что не простил мне тот случай на выставке, и я выношу ему мозг, чтобы он еще раз сдал экзамены, а он говорит, что не будет. Но сейчас он совершенно точно широко улыбается. Не могу не заметить, что ситуация на несколько баллов улучшилась.

Я так энергично играю на электрогитаре Энджело, что уже прошу какую-нибудь струну порваться. Играю не лучшим образом, но никого это не волнует. Когда мы возвращаемся к припеву, я пою его снова и снова, и в итоге у нас получается пятнадцатиминутная версия трехминутной песни. Мы заканчиваем, и Энджело сразу же переходит к диджейству, а мини-слэм продолжается. Я сбрасываю свои жуткие туфли и прыгаю в толпу, кто-то протягивает мне пиво, половина которого оказывается на полу еще до того, как я поднесла его ко рту. Выпиваю его, словно я умираю от жажды, и все начинают обратный отсчет — осталось около минуты до полуночи. Джейми отводит меня в сторону.

— Привет, Рок-звезда.

Это вдруг становится моим самым любимым прозвищем.

Он наклоняется для поцелуя. Я уворачиваюсь, беру его за руку и тяну наверх, через кухню в пустую гостиную. Толкаю его к стене и целую. Он смеется надо мной, и я тоже смеюсь, а потом снова хватаю его за руку и опять тащу наверх, на этот раз — в мою комнату.

Захлопываю за ним дверь, как раз когда внизу все взрывается криками, а часы бьют полночь.

Мы с Джейми никогда не были в моей комнате в такой ситуации — с закрытой дверью, и когда мамы нет в городе. Я без колебаний снимаю блузку через голову.

— С Новым годом, Джейми.

Он снова смеется, когда я стягиваю с него камуфляжную куртку, обнимаю его за шею и целую. Вызвать смех у Джейми Форта величайшая вещь в мире.

Я начинаю отходить назад, притягивая его к себе, пока не касаюсь ногами кровати, а потом падаю на нее, таща его за собой. Чувствую запах того, что тогда пробовала из его фляжки — водки? — но не могу возмутиться, ведь сама наверняка пахну, как потная бочка с пивом. Хотя это не имеет значения. Мне ничего не хочется так сильно, как быть здесь и сейчас в лифчике, в приподнятом настроении после выступления, немного пьяной.

Мне настолько хорошо, что я решаю испытать удачу.

В физическом плане Джейми не переходит границы. Я принимаю это — я младше, чем он. Но мне уже не четырнадцать. Я готова для большего. И если это должно случиться по моей инициативе, пусть так и будет.

Мы лежим на боку, лицом друг другу, и целуемся. Медленно, надеясь, что он ничего не заметит, пока не будет слишком поздно, я просовываю руку между нами и веду ее к той части его тела, с которой я не представляю, как обращаться, что бы под этим ни подразумевалось.

С Джейми Форта никогда не заканчиваются вещи, с которыми я не знаю, что делать. Но настало время начать во всем разбираться.

Джейми ловит мою своевольную руку.

— Что ты собралась там делать?

— Хочу сделать тебе приятно. — говорю я. — Хочу научиться.

Он вздыхает, как будто я попросила его взять меня с собой в обувной магазин.

— Внизу твой брат.

Я улыбаюсь.

— Джейми, я знаю, что ты человек чести, но разве не Питер просил тебя присмотреть за мной в девятом классе, помнишь? Если бы он этого не сделал, ничего бы не было. Это его вина, что я в тебя влюбилась, — говорю я.

Я выдергиваю руку.

Он сомневается, но я делаю успехи — могу сказать это по тому, что чувствует моя рука, когда оказывается в месте назначения.

— Джейми, — шепчу я, — ты считаешь меня сексуальной?

Для меня это звучит глупо, будто я копирую какую-то девушку из какого-то фильма. Кем бы она ни была, у нее гораздо больше уверенности, чем у меня, а я лишь говорю то, что хочет сказать она. Я медленно отодвигаю руку, словно мне такие дела не впервой. Он опять меня останавливает и поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела ему в глаза.

— Говорю, как есть: мы не занимаемся сексом, — говорит он с таким осуждением, что я немного обижаюсь.

— Джейми, что происходит? Почему ты настолько... — не знаю, как сформулировать вопрос, поэтому заканчиваю, — против этих вещей?

— Потому что ты до сих пор называешь секс «этими вещами», поддразнивает он.

— Да, ладно, тебе, — говорю я, чувствуя, что краснею. — Ты же знаешь, о чем я спросила.

— Мы не будем торопиться, — говорит он.

— Да, я знаю. Мы так и делаем. Но мне это не нужно.

И тут до меня доходит, что в отношениях всегда участвуют двое, и второй человек — это не я. Наверно, немного чувствительности мне не помешает.

— Мм, а тебе? Тебе нужно не торопиться?

Он качает головой.

— Я не хочу, чтобы ты начинала так, как я, вот и все.

Прошлой весной, после того, как я наорала на Джейми, потому что его бывшая девушка сказала мне, что потеряла девственность с ним, а потом я впервые призналась ему в любви — не лучший момент выбрала — Джейми рассказал мне историю о том, как лишился невинности на вечеринке, когда они с девушкой были под кайфом.

Ей было семнадцать. А ему тринадцать.

Сначала я спросила его, законно ли это. Потом спросила, понравилось ли ему.

Он сказал, что там нечему нравиться, и от этого мой мир чуть не рухнул.

— Джейми. Мне не тринадцать, — пытаюсь вернуть руку обратно.

— Просто... Просто дай мне это сделать, — шепчу я.

Он продолжает упрямыться, но у меня в запасе есть еще один прием. Прошлой весной я узнала, что есть три слова, которые полностью разбивают оборону Джейми. Это было ошибкой — впервые их использовать, когда он установил между нами физическую дистанцию.

Я не собираюсь повторять свою ошибку.

Смотрю прямо на него и говорю:

— Я тебя люблю.

Его дыхание замирает. Он пытается прочесть что-то в моих глазах, понять, не пустые ли это слова, словно не может поверить, что его можно любить. Я провела так много времени, обдумывая идею о непонятом Джейми, с которым плохо обращались, что отказываюсь на это отвлекаться. Хотя думаю, это безумно грустно, что он не верит в мои слова. Я люблю его... и собираюсь это продемонстрировать.

Он отпускает меня и запускает руку себе в волосы. Я добилась своей цели — теперь ему трудно мыслить здраво. Целю его, не дожидаясь ответа. Я знаю, что сейчас он меня не остановит — я это чувствую. На этот раз я трогаю его по-настоящему, не убирая руку. Как же круто понимать, что я вызываю такую реакцию — он меня хочет.

Есть тысяча вещей, которые мне хочется сказать, но я не рискну рассеять эту магию. Двигаю рукой вверх-вниз по туго натянутой ткани его джинсов, пытаюсь измерить успешность своих действий по тому, как он меня целует. Через минуту он дергается под давлением моей руки и делает резкий вдох.

— Все... нормально? Так и должно быть? — спрашиваю я.

Он отвечает поцелуем настолько неистовым, что можно испугаться, если не считать того, что я за всю свою жизнь не чувствовала ничего более впечатляющего.

Свободной рукой я беру за молнию на его джинсах, но он хватается меня за запястье.

— Одна вещь за раз, — его голос звучит низко и грубо.

— Просто хочу...

— Я знаю, — говорит он. — Ты... приятные ощущения.

— А ты... от этого получится?

Он пристально смотрит на меня, в его глазах мелькают золотистые искорки.

— Ты хочешь спросить, кончу ли я?

Я внезапно чувствую себя так, будто меня выкидывают из команды, но бьюсь изо всех сил, чтобы остаться в игре — теперь я не могу сдаться. Смотрю ему в глаза. Я почти не дышу, когда ему отвечаю, а мой голос звучит, как еле слышный шепот: — да.

— Ну, так и спроси.

Никогда ни разу — в своих фантазиях о Джейми я не представляла, что он будет со мной так разговаривать. В его словах есть вызов, и я точно знаю, какой именно. Если я хочу играть на этом поле — вопреки его лучшим побуждениям — я должна доказать, что могу подкреплять слова действиями.

Довольно справедливо. Игра начинается.

Делаю глубокий вдох.

— Джейми, шепчу я, — если я продолжу так делать, ты кончишь?

Джекпот.

Он присматривается ко мне, а его рука ложится на мою, быстро и сильно дергает молнию на джинсах, а потом он лежит, практически не двигаясь. Его дыхание заходится во вздохе. И его лицо. Его красивое лицо становится диким и просветленным одновременно.

Все это, без сомнений, самое поразительно прекрасное зрелище, которое мне довелось видеть за шестнадцать лет своей жизни.

Проходит минута, а он лежит тихо — мне уже кажется, что он заснул. Но он открывает глаза и улыбается своей полуулыбкой.

— Что? — затаив дыхание, спрашиваю я.

— Ты бы видела сейчас свое лицо.

— Было потрясающе. Мы можем еще раз? — говорю я, чтобы его рассмешить.

Он обнимает меня и притягивает ближе. Мы лежим рядом около минуты, прислушиваясь к звукам вечеринки, доносящимся снизу, а потом он говорит:

— Теперь твоя очередь.

У меня все переворачивается внутри. Не думала, что все дойдет до логического завершения, чтобы он захотел ответить взаимностью — такой уж он парень. Когда его рука скользит по моему лифчику и ниже по животу, к джинсам, я понимаю, что не готова. Хотела бы я быть готова или хотя бы притвориться, что это так. Но я не могу.

— Я не могу... пока, — смущенно шепчу я.

Его рука замирает у меня на талии. Я смотрю ему в глаза и вижу — он уже знал, что я не готова, просто хотел, чтобы я вела себя повзрослому и сказала это сама.

Меня бесит, что он меня проверяет.

Я рада, что мы сделали то, что сделали. Мне очень понравилось.

Слышу непокорность в своем голосе, а он отвечает довольной улыбкой он и раньше слышал эту непокорность. Меня это раздражает — такое ощущение, что он не принимает меня всерьез.

Поэтому снова достаю свой козырь, чтобы сравнить счет.

— Я люблю тебя. Ты думаешь, это пустые слова, но это не так.

Ему становится некомфортно слышать эти слова еще раз, но он не отводит взгляд.

Люблю это прозвище так же сильно, как полчаса назад. Получить новое прозвище — идеальный способ начать новый год. Он убирает прядь волос с моего лица, нежно целует, а потом встает и надевает свою камуфляжную куртку, застегивая ее так, чтобы спрятать пятно на джинсах, которое, похоже, ничуть его не расстраивает. Он подает мне руку.

— Пошли обратно.

Ночь была так близка к идеальной, что я даже не спросила, почему он не ответил на мое признание.

Я стою напротив кухонной раковины, а по моим венам течет приятное возбуждение, причина которого не только алкоголь. Не могу поверить, что это случилось. И случилось по моей инициативе. Такое чувство, что я победила.

Наверно, я единственная девушка за всю историю, которой пришлось уговаривать своего парня с нормальной ориентацией на такие прикосновения. Хотя в чем-то он прав — я готова к одному, но не готова к другому, и мне лучше знать, в чем разница, а иначе между нами все бы пошло наперекосяк. Это последнее, чего я хочу, учитывая, что впервые за два года между нами все не идет наперекосяк.

Я наблюдаю за Робертом, который общается с какой-то компанией, стоя так близко к Холли, как только возможно. Он полностью в своем репертуаре — смешит всех, включая ее. Роберт веселится не так, как Кэл, и Холли это знает. А еще он любит ее так, как Кэл никогда не сможет, и я думаю, что она и это знает.

Ловлю взгляд Роберта и ухмыляюсь.

Потом отворачиваюсь и выглядываю в окно во двор, где Джейми с Энджело стоят на морозе, и Энджело курит сигарету. Энджело знает, что курение может погубить его голос, но по его словам, его это не волнует — ему нравятся хриплые голоса, как у Тома Уэйтса. Так же, как мне нравится не самый чистый голос Элисон Моссхарт — без нее от

«The kills» осталась бы только половина.

Может, и мне стоит начать курить.

Смотрю, как Джейми засовывает руки в карманы своей старой камуфляжной куртки, а пар от его дыхания висит в воздухе вокруг его головы, как нимб. И уже того, что было между нами, недостаточно. Я хочу больше. Больше, больше, больше.

Я не осознаю, что рядом со мной стоит Питер, пока он не заговаривает. Мы с ним мало общались после моей жалкой выходки на выставке. Я избегаю его, потому что не хочу выслушивать лекцию о вреде алкоголя, которая всегда готова сорваться у него с языка. Даже, если он прав.

— Вы здорово сыграли.

— Спасибо, Пит.

Независимо от того, как он может меня взбесить, мнение Питера всегда значит для меня больше, чем чье-либо. Если не считать того года, когда он чуть не чокнулся, он всегда был моим лучшим защитником и сторонником. Сложно переоценить его значимость в моей жизни.

— Думаю, ты реально сможешь этим заниматься, если захочешь, — говорит он. — Просто будь осторожна.

— С чем?

— Музыкальный бизнес — это дурдом. Тусовки, наркотики...

— Пит. Seriously. Я старшеклассница. Все это нормально для старших классов. Вспомни!

— Слушай, я знаю, что разговариваю, как в тот вечер, когда ты пришла домой пьяная. Я знаю, что это раздражает. Просто хочу сказать тебе одну вещь, а потом не буду поднимать эту тему, пока сама не захочешь. Ладно?

вытаскивает мясо из духовки.

— Такое чувство, что я смотрю ситком, — шепчет Питер.

— Так и есть, — ворчу я.

Мама слишком озабочена происходящим, чтобы стрельнуть в нас взглядом, призывающим успокоиться.

Я по-прежнему не самый большой поклонник мамино парня кино звезды. Он из всего делает спектакль, в отличие от моего папы, который справился бы с этой конкретной ситуацией без прыжков с дивана и разбрасывания еды, даже если бы на кухне и правда был пожар.

После праздников Дирк на несколько недель вернулся в наш городок, и Холли временно переехала в его квартиру в Нью-Хейвене. Это меблированная корпоративная квартира, поэтому там нет ни единой вещи, которую Дирк или Холли выбирали сами, и это делает ее похожей на декорации. По моим соображениям, Дирк должен был жить у нас, но с тех пор, как мама вернулась из поездки в Лос-Анджелес, между ними все странно. Интересно, думает ли она о расставании с ним?

} Девушка же может помечтать, да?

} Дело в том, что мама — последний человек, который стал бы встречаться с кинозвездой. Ей не нравится быть в центре внимания — думаю, она так и не пришла в себя после премьеры, на которую они ходили с Дирком осенью. Он ждал, что она пройдет с ним по красной дорожке, а она бурно отказывалась прямо перед камерами. В итоге это привлекло к ней еще больше внимания, чем если бы она просто послушалась и прошла по этой чертовой дорожке.

} А еще мне интересно, насколько полезен был Дирк в тяжелый период с тем видео. Если честно, даже представить себе не могу, мама не говорит со мной о нем. Может, он прекрасно себя повел, а может, оказался растерянным идиотом — Дирк полон сюрпризов во всех смыслах.

} В воздухе определенно висит напряжение, и мама пытается выдать его за беспокойство по поводу снегопада и того, что мы с Холли и Стеф собираемся завтра поехать на поезде в город в гости к Трейси и переночевать у ее тети. Мама не одобряет никого, кто путешествует в снегопад, но чтобы мне помешать, нужно нечто большее, чем снег — если поезд идет, то и я еду.

Я бы сказала, что у нас есть час до того, как мама начнет предлагать остаться дома, чтобы избежать плохих дорог. А если с Дирком и правда все сложно, скорее, даже не час, а тридцать минут.

Она сдвигается на пару сантиметров со своего кресла, когда суматоха на кухне усиливается — возможно, пытается решить: помочь им или оставить их одних, чтобы они вышли из ситуации с достоинством.

— Мам, они нас позовут, если понадобится, — говорит Питер.

Она снова садится нормально.

До нас доносится запах подгорелого мяса вместе с дымным туманом, делающим безликую мебель нечеткой.

Может, просто закажем что-нибудь вегетарианское из «Claire's»? Это рядом, добавляю я под аккомпанемент своего урчащего желудка.

— Дирк на палеодиете, — рассеянно говорит мама.

Я закатываю глаза, глядя на Питера. Она встает и идет по направлению к кухне.

— Дирк? Тебе помочь?

— Нет! Все отлично! — кричит он с фальшивым оживлением, безуспешно скрывая свое бешенство. — Сейчас Холли принесет закуски!

— А как насчет «Naples»? Пицца — это палео-еда? — спрашиваю я, прекрасно зная, что нет.

Мама не обращает на меня внимания.

— Ладно, Дирк, просто держи нас в курсе.

Мы сидим в гостиной больше десять минут, доедая последние оставшиеся, уже скукоженные сосиски в тесте, которые, если подумать, вряд ли относятся к палео-еде. Входит Холли с усталым видом и несет тарелку хуммуса и моркови. Я поднимаю брови, а она просто качает головой и снова скрывается на кухне.

Когда нас, наконец, зовут к столу, наши тарелки уже полны еды. Я вижу, в каких местах Дирк обрезал подгоревшие края мяса. Хотя стоит отдать ему должное — он спас этот ужин. Все выглядит довольно неплохо. Мы с Питером набрасываемся на еду, словно заморенные голодом. Потому что мы такие и есть.

— Итак, Роуз, — весело говорит Дирк, словно последних двадцати минут и не было, — я слышал, у тебя скоро большой концерт?}

— Концерт? — спрашиваю я, притворяясь растерянной, но точно зная, что он имеет в виду.

— Выступление, пап. Роуз, Стеф и Анджело играют на фестивале в День Святого Валентина, — объясняет Холли.

— Это большое дело! — слишком громко восклицает он. Здесь явно что-то не то. — Готова?

— Ужин очень хороший, Дирк, — говорю я, не желая обсуждать с ним или с кем-либо еще то, что я так и не практикуюсь и понятия не имею, почему, и что Энджелло, похоже, убьет меня еще до выступления.

— Да? Я так рад, — говорит он, лучезарно улыбаясь маме, которая не отводит глаз от тарелки.

Мы с Питером обмениваемся озадаченными взглядами.

Общение сегодня абсолютно неестественное: большая часть разговоров состоит из заверений Дирка с частотой раз в три минуты в том, что еда получилась вкусная, пока мы не переходим к десерту. Я в очередной раз задумываюсь, почему Кал, Трейси и Джейми не приглашены. Дирк четко охарактеризовал этот ужин, как «просто семейный», хотя технически я для него такая же «семья», как Кэл. В этот момент Дирк поднимает свой бокал, и мои нехорошие подозрения подтверждаются.

— Я бы хотел сказать тост, — мы все поднимаем бокалы для шампанского, в которые он НИИЛ газированный сидр. На следующей неделе я возвращаюсь в Лос-Анджелес, и должен признать, что не рад этому. Тяжело там жить без моей семьи. И поэтому...

Холли пристально смотрит на отца, широко открыв глаза от удивления. Мама похожа на олененка, напуганного ярким светом фар, а значит, она знает, что будет дальше. Она слегка качает головой — пытается попросить Дирка остановиться, сказать, что она не хочет, чтобы он это говорил.

— Прости, милая, я решил рискнуть, — извиняется он со своей фирменной улыбкой, за которую ему платят миллионы, а они, видимо, помогали ему выходить из всех неприятных ситуаций.

Приятно видеть, как его улыбка не действует на маму, которая зло бросает свою салфетку. Питер пинает меня под столом. Мне даже не нужно смотреть на него, чтобы понять, о чем он думает.

«Пожалуйста», — думаю я. — «Пожалуйста, не сейчас».

— Перейду сразу к делу. Мы с Кэтлин говорили о переезде всей семьи в Лос-Анджелес в июне, когда закончится школа.

Не то, чего я ожидала, но такое же плохое. А может, и хуже.

Все, включая Питера, смотрят на меня. Интересно, может они услышали мою мысль. «Каким образом этот парень вписывается в переезд моей семьи?» возможно, они смотрят на меня, потому что мне есть, что терять. Питер уже живет в Бостоне, и ему не важно, где у него будет «дом» — в Юнион или Лос-Анджелесе. Холли раньше жила в Лос-Анджелесе, и у нее полно друзей, которые ждут ее возвращения. А мама, ну, будет с Дирком. Но для меня... вся моя жизнь сейчас в Юнион, хорошо это или плохо.

Джейми — это Юнион.

Шестеренки у меня в голове перестают двигаться.

Ты серьезно просишь меня переехать перед выпускным классом?

Мне хочется, чтобы мама сказала: «Нет, конечно, нет, безумная идея». Но она просто смотрит на Дирка, подняв брови, словно говорит: «Это твое решение, дружок».

Вдруг начинает играть песня Beatles «1 At the Walrus». Это телефон Дирка, крутящийся от вибрации на сверкающем буфете, в котором слишком ярко отражается верхнее освещение. Конечно, Дирк из тех людей, который ставят телефон на звонок и вибрацию одновременно. Он поднимается, выключает звук, не глядя на экран, и возвращается за стол.

Когда он понимает, что не дождется от мамы помощи с моим вопросом, он поворачивается ко мне.

— Роуз, я знаю, что это не идеальный вариант, но да, я прошу тебя над ним подумать. Я не хочу проводить еще один год без твоей мамы. Холли или тебя.

Было бы так просто отмахнуться от его слов, как от полного бреда, но я знаю, что Дирк обо мне заботится. Не так, как о маме или Холли, но заботится.

Тем не менее, я не собираюсь идти в последний класс в Лос Анджелесе. Ни за что.

Я поворачиваюсь к маме и обращаюсь к ней настолько прямо, что на этот раз она не сможет уйти от ответа:

— Мам, ты уже планировала переезд после того, как я закончу следующий класс?

Мама отпивает немного своего напитка, чтобы выиграть время — могу поспорить, ей бы сейчас хотелось чего-нибудь покрепче яблочного сидра.

— Я рассматриваю такой вариант. В зависимости от того, как пойдут дела в следующие полтора года, многозначительно добавляет она с таким взглядом на Дирка, как будто он недавно сделал что-то, чего не должен был делать.

Допустим, рассказал ее детям об этом Плане без ее разрешения.

Я просто подумал, что после событий последних двух с половиной лет твоей маме нужна смена декораций, — говорит мне Дирк. — А может и тебе тоже?

Телефон Дирка коротко вибрирует, возможно, оповещая о получении голосового сообщения. Он благоразумно не обращает внимания.

Я поддаюсь своему побуждению повести себя предельно отвратительно:

— Под сменой декораций ты имеешь в виду, что хочешь, чтобы она уехала из своего дома, города и штата, где она вышла замуж за папу, и ты бы стер его из ее памяти.

Сначала мама становится слишком потрясенной, чтобы придти на помощь Дирку, а потом бешеной, ее щеки моментально краснеют.

— Роуз Царелли, это самый ужасный поступок, который ты когда-либо...

Дирк перебивает ее:

— Все хорошо, Кэтлин. Пожалуйста, — мягко говорит он.

Это звучит искренне, что обезоруживает нас обеих. Когда становится понятно, что она меня не придушит, он продолжает:

— Роуз, я не могу стереть из ее памяти твоего папу. И не хочу. Я знаю, что вы с мамой и братом очень сильно его любите, и с уважением к этому отношусь, — произносит он.

Должна признать, что он заработал пару очков в свою пользу, говоря о папе в настоящем времени.

— Все, чего я хочу для твоей мамы — чтобы она была такой счастливой, как только возможно, а в Юнион это нелегко из-за воспоминаний, — он поворачивается к маме. — Иногда новый старт в новом месте может помочь выздоровлению. Правильно, милая?

А я хочу, чтобы он перестал называть маму «милая».

Видимо, она тоже этого хочет, потому что не отвечает ему. Не добившись успеха с женщинами из семьи Царелли, он обращается к своей дочери:

— Холли, как ты к этому относишься?

Зависает долгая пауза, пока Холли крутит свои серебряные браслеты и нервно переводит взгляд с отца на меня и обратно.

— Я, наверно, буду не против закончить школу там, с друзьями. И мне пишет мой агент, спрашивает, когда я вернусь, — застенчиво добавляет она.

Я и не знала, что у Холли есть агент.

— А как же Роберт? — спрашиваю я.

— Ты имеешь в виду Кэла, — говорит Дирк.

Конечно, она имеет в виду Кэла, слишком быстро соглашается Холли, бросая странный взгляд в мою сторону.

Я знаю — со слов Роберта — что Холли и Роберт общаются, как друзья, с тех пор, как на новогодней тусовке началась «Операция по Спасению Холли». Но Холли не знает, что я в курсе, и что я приложила к этому руку.

— Точно, прости, Хол, — говорю я, качая головой, словно сделала глупую ошибку. — Кэл.

Дирк смотрит то на нее, то на меня, но решает пока не поднимать тему «Кэл против Роберта» есть более важные вопросы для обсуждения.

— Так что ты думаешь, Роуз? — спрашивает он, подняв брови чуть не до корней волос в надежде, что я скажу: «Да, я готова отказаться от последнего года с людьми, с которыми выросла, чтобы моя мама сидела, ждала его и изредка проводила с ним время, когда он не на съемочной площадке бездарного телесериала, или фильма, или чем там он еще занимается».

Ладно, это не совсем справедливо. Этого парня несколько раз номинировали на Оскар. Тем не менее, он занимается какой-то супер позорной фигней, а это, возможно, сводит на нет все Оскары.

Я думаю о церемонии вручения Оскара, о платьях без рукавов и ярком, палящем, 75-градусном солнце в середине февраля, когда у нас на северо-востоке термометр показывает однозначные числа. Выглядываю в окно, где стремительно летят толстые снежные хлопья.

У них хоть снег есть в этом Лос-Анджелесе?

Чертов телефон Дирка начинает пищать, как ненормальный — теперь кто-то отправляет ему множество сообщений. Мама бросает на него взгляд, и он встает, идет к буфету, на этот раз берет телефон и вообще отключает звук. Возвращая телефон на буфет, он опускает взгляд и начинает присматриваться к экрану, останавливаясь, чтобы что-то прочитать. Потом смотрит на маму с паникой в его знаменитых пронзительно голубых глазах.

— Что там? — спрашивает она. — Дирк?

А потом он становится зеленым. В прямом смысле слова.

Это мой менеджер. Моему агенту названивает репортер с одного из этих низкопробных сайтов. Она его игнорировала, пока он не упомянул о тебе.

Мама вскакивает, словно сейчас бросится куда-то со всех ног.

— Меня? Чего они от меня хотят?

— Ну, ты встречаешься с известным актером, — говорит Питер.

Это часть их работы, разве нет?

Дирк виновато поглядывает на нас с Питером. А потом делает то, чего никогда раньше при мне не делал — глубокий вдох, словно ему не хватает мужества.

— Ты прав, Питер. Такие вещи входят в их работу. Но, ребята, я прошу прощения. Эти люди, они где-то нашли видео с вашим папой, и, мм, они, конечно, знают, что ваша мама встречается со мной, поэтому... им нужно подтверждение, прежде чем они...

Он делает паузу, а потом бросает телефон на буфет. Мы все слушаем, как он стучит по полированному дереву, а потом с глухим звуком падает на ковровое покрытие. Никогда не видела Дирка таким злым, а когда он снова начинает говорить, он сам на себя не похож.

— Прежде чем они это опубликуют, — заканчивает он.

Такого я не ожидала. Не ожидали и Питер, и мама. Это уж точно пойдет в колонку «против» в моем списке под названием «отчим — знаменитость».

Мама смотрит на него с ужасом, словно человек, ради которого она была готова уехать в другой конец страны, у нее на глазах превращается в монстра.

Я подхожу к ней, беру ее за руку и говорю единственное, что смогла придумать:

— Идем, мам. Там и правда снег пошел.

Глава 11

Мы с Холли, Стеф и Трейси стоим за барьером из бархатного каната и ждем, чтобы проверить, сработают ли наши поддельные документы. Они суперуверены в этом, но они никогда раньше ими не пользовались, поэтому им неведома особая форма унижения, сопровождающая момент провала и конфискации документов.

Трейси заверила меня, что взяла мои новые документы в совсем другом месте, и они гораздо лучше первых. Я смотрю на охранника, который уже положил глаз на Стеф, и думаю, что если нас пропустят, то не из-за наших поддельных документов.

Я не была в Нью-Йорке с девятого класса, когда мама возила меня смотреть «Богему» в Мет⁴ на мой день рождения. Как бы я ни любила этот город, после событий вчерашнего вечера мне не хотелось оставлять маму и садиться сегодня утром на поезд. Но она настояла. Она хотела, чтобы нас с Холли не было дома на случай, если приедут репортеры после того, как Дирк дал подтверждение прессе. Питер утром возвращался на учебу, поэтому он подвез нас по пути до вокзала, оставив маму с Дирком и агентом Дирка, прилетевшей ночью из Лос-Анджелеса.

Когда мы уходили, Дирк репетировал свое заявление прессе, и это был полный дурдом.

Я была благодарна маме за ее желание избавить нас от всего этого, особенно после того, как услышала агента, убеждающую Цирка, что он будет отлично смотреться «рядом с детьми», когда окажется перед камерой. Мама повернулась ко мне и сказала: «Поезжай. Забудь об этом, хотя бы на выходные».

Она попросила Питера вывести нас через заднюю дверь.

В поезде мы с Холли сидели рядом и, пока Стеф спала, вытянув ноги в проход, пытались разобраться, как последние события повлияли на план с Лос-Анджелесом. Мы придумали два возможных сценария. Если Дирк сможет пройти через это с мамой, тогда мы, скорее всего, переедем; если не сможет, тогда я буду заканчивать школу в Юнион.

Мысль о том, что я проведу последний школьный год в незнакомом городе, с людьми, которых никогда раньше не видела, без Джейми просто несправедлива. Выпускной год должен быть кульминацией всего на свете, и его положено проводить с людьми, которые последние несколько лет выросли вместе с тобой.

Но с другой стороны, мне, возможно, придется переехать, чтобы провести этот год в школе, где далеко не все смотрели это видео. Я все еще надеюсь, что юристы Дирка смогут помешать этому сомнительному СМИ пустить его в прямой эфир или опубликовать, или что они там хотят с ним сделать. Но если не смогут, к понедельнику его посмотрит вся школа.

Я знаю, что Дирк в этом не виноват. Если кто и виноват, то это Габриэль Орtiz, придурок со смартфоном. Но единственное, что мешает мне сейчас возненавидеть Дирка — его дочь, сидящая рядом со мной. Все эти дела знаменитостей — такое дерьмо. Не представляю, как моя мама может подписаться на такое на всю жизнь.

Я спросила Холли о ее друзьях в Лос-Анджелесе и о школе, где я буду учиться. Она сказала, что это довольно пафосная школа исполнительских искусств, куда сложно попасть, но ее папа поможет — он пожертвовал школе кучу денег и, к тому же, сам там учился. По ее словам, там есть вокальная программа и все виды групп и ансамблей. А еще она сказала то, что взорвало мой мозг: «Знаешь, Роуз, если ты все-таки переедешь в Лос-Анджелес, Джейми может поехать с тобой».

Мне и в голову не приходила такая возможность, потому что я все время забываю, что мой парень — уже не старшеклассник, и он может вести жизнь взрослого человека.

Захочет ли Джейми ехать через всю страну ради меня? Даже спрашивать боюсь.

Мне кажется, если я скажу ему, что, возможно, перееду в Лос — Анджелес, я его потеряю. Не сразу, но постепенно он просто начнет исчезать из моей жизни. К моменту отъезда мне уже не с кем будет прощаться.

Похоже, я думаю, что он откажется.

Я пристально слежу за Джейми с тех пор, как Питер сказал, а точнее, не сказал, что переживает из-за того, что Джейми пьет. Не могу сказать, переживаю ли я. Может, я просто не хочу переживать.

Так или иначе, результат один — я ничего ему не говорю по этому поводу.

Охранник подзывает нас, махнув рукой, и мы с Трейси пропускаем вперед Холли и Стефани. Украдкой смотрю на других людей в очереди — они выглядят не на много старше нас, но одеты совсем по-другому. Даже в наряде Трейси что-то вдруг начинает казаться немного неправильным, а про свой наряд я уж вообще молчу. А молодому охраннику явно понравилась Стеф. Он смотрит на ее документы и начинает смеяться.

— Ты меня разыгрываешь, да?

А что? спрашивает Стеф, одаряя его своим лучшим сочетанием улыбки и взмаха

волосами. Охранник наклоняется к ней:

— Я должен вызвать копов. Поверь мне, Рыжая, ты этого не захочешь. Иди лучше попей какао в «Serendipity».

Он прогоняет нас, и пока мы уходим, я смотрю на людей в очереди, ожидая, что им доставит удовольствие наше маленькое унижительное шоу, но они нас даже не замечают. Никого не волнует, что нам только что отказали.

Могу поспорить — если я залезу на крышу такси и объявлю, что моя мама встречается с Дирком Тейлором, и из-за него видео с гибелью моего отца покажут в национальных новостях, никто даже не посмотрит на меня во второй раз.

Люблю Нью-Йорк.

Мы идем по улице. Мне немного некомфортно в брутальных ботинках и обтягивающем платье на молнии, которые выбрала для меня Трейси — она совершила налет на гардеробную Института Моды. Ботинки высоченные, и ходить в них опасно. Настоящие жительницы Нью-Йорка ковыляют на каблуках по снегу и льду, но, в отличие от меня, не выглядят так, словно сейчас рухнут на землю. Самое безумное в жительницах Нью-Йорка то, что они много ходят пешком, но, тем не менее, носят высокие каблуки. Трейси говорит, что это повод для гордости.

— Так, все нормально, давайте попробуем попасть в другой клуб, — как всегда оптимистично предлагает Стеф. — Рано или поздно нас куда-нибудь пустят.

— Давайте пойдем, поедим, — возражаю я.

— Но у нас всего два часа до возвращения к тете — я не хочу тратить их на стояние в очереди, — говорит Трейси.

Холли ловит мой взгляд. Меня не волнует поход в клуб, и я знаю, что и ее тоже. Трейси видит это переглядывание между нами, могу сказать, что у нее возникает странное чувство. У меня тоже возникает странное чувство.

В некотором смысле, я сейчас общаюсь с Холли лучше, чем с Трейси, но это не мой выбор, просто так получилось. Трейси уже наполовину уехала из Юнион и живет где-то между двумя мирами, она оставила меня в прошлом во всех смыслах. Разве я должна из-за этого оставаться без лучшей подруги?

— У меня идея, — говорю я. — Пойдемте в «Деликатесы Каца», возьмем кныши. Это на этой же улице. И место крутое.

Последнее предложение адресовано Трейси.

Стефани и Холли удивленно смотрят на меня, хотя по правде говоря, «Кац» — единственный ресторан в городе, название которого я знаю.

Папа обожал кныши из «Каца», поэтому каждый раз, когда мы приезжали в Нью-Йорк, мы специально заезжали туда.

— Мне жалко в такой одежде идти в какие-то «деликатесы», говорит Трейси, немного возмущенно указывая на свой наряд.

— Это не какие-то «деликатесы» — это суперизвестное место. Я видела, как там сидели парни во фраках рядом со строителями — неважно, во что ты одет. Все дело в кнышах, — говорю я, цитируя своего папу.

— Понятия не имею, что такое кныши, но я иду, — говорит Холли.

Холли всегда во всем участвует — обожаю в ней это качество.

Пока мы сворачиваем на Хьюстон-стрит, я думаю, насколько интересной может сделать жизнь в Лос-Анджелесе такая подруга, как Холли. Когда я вижу большую красную неоновую

вывеску в окне «Каца», понимаю, что в последний раз я здесь была, конечно же, с папой. При мысли об отъезде из Юнион и из моего дома меня пронзает паника. У меня такое чувство, словно папа все еще живет там — что с ним будет, если мы уедем? Как он узнает, куда мы поехали?

В субботу в девять вечера «Кац» набит под завязку: очередь к прилавку еще длиннее, чем очередь в клуб, в который мы стояли. Мне приходит в голову, что папа любил это место так же сильно, как Юнион, поэтому здесь он тоже может жить. В таком случае, мне не нужно оставаться на одном месте, чтобы он мог меня «найти». Даже не представляю, что я имею в виду.

«Просто прими это безумие и съешь — говорю себе я.

Нам дают специальные номерки, мы выбираем разные кныши, заказываем, находим место прямо в центре событий и ждем наш заказ. Мы с Холли снова переглядываемся, и она слегка кивает мне.

Я даже не успеваю ничего сказать, а Трейси уже бесится.

— Ну, ладно, что происходит? — спрашивает она.

Такой же удачный момент, как и любой другой.

— Вчера вечером на ужине у Дирка случилось нечто странное. — Интересно! — говорит Стеф. Мы с Холли ничего не говорим, и она краснеет. — Извините. Я думала, ты в другом смысле говоришь.

— Папа хочет, чтобы Роуз и ее мама переехали в Лос-Анджелес в конце учебного года, — говорит Холли.

Трейси непонимающе смотрит на меня.

— А как же выпускной класс?

— Вот именно, — говорю я. — Но я не знаю, переедем ли мы, потому что случилось еще кое-что безумное. Какой-то «репортер» посмотрел видео с папой и сообразил, что это погибший муж новой девушки Дирка Тейлора. Дирку пришлось готовить заявление для прессы, и к нам домой сегодня приехал его агент...

Я замолкаю когда Трейси хватает свой телефон и начинает листать страницы в поисках информации. Она что — то находит и поднимает взгляд на меня — у нее все написано на лице.

Вот вам и юристы Дирка, которые должны были запретить публикацию видео.

После долгой паузы, во время которой никто не знает, что сказать, Стеф спрашивает:

— Можно мне тоже в Лос-Анджелес?

Я начинаю смеяться, и Холли решает, что тоже может посмеяться.

— Поедем через всю страну — будет круто! — говорит она.

Анджело точно поедет. Он хочет познакомиться с шоубизнесом...

— Стой, стой, стой, — раздраженно перебивает Трейси. — Розы, ты же, правда, не хочешь ехать, да?

Кажется, ее расстраивает мысль о моем отъезде, мне неловко от того, что я этим наслаждаюсь.

— Нет, но я имею в виду, сейчас все по-другому. Ты уже, в какой-то мере, уехала, а Питер в колледже... Не знаю, имеет ли это значение, останусь я или нет.

— Конечно, имеет! Как же Джейми? — говорит она, хотя меня удивляет, что она об этом подумала. — Кто будет возить меня на вокзал по пятницам?

— Я ему еще не говорила, — отвечаю я.

Произнося эти слова, я вдруг задумываюсь, почему я опять никому ничего не рассказываю. Если на то пошло, речь не только о Джейми, я еще и не рассказала друзьям о переживаниях Питера из-за того, что Джейми пьет, или что я пью. Разве это не те вещи, с которых точно следует говорить?

— Я думаю, Роуз должна попросить Джейми поехать с нами, говорит Холли. — Он не ходит в школу и может делать все, что хочет, ведь так?

Ваши родители поженятся? Божечки, свадьба будет, типа, нереальная. Кто там будет? — спрашивает Стеф у Холли. — Толпа звезд?

— Холли, а как же Кэл? — Трейси пока не готова оставить эту тему.

Она поднимает одну бровь:

— А Роберт?

Холли застывает. Выходка в стиле Трейси — она видела Холли и Роберта вместе после новогодней тусовки и ждала стратегического момента, чтобы неожиданно выдать эту информацию. Сейчас момент настал — она потрясена тем, что мы ей рассказали.

— Подожди, Роберт?! — пронзительно кричит Стеф.

Я озираюсь, ожидая, что кто-нибудь прикрикнет на нас, чтобы вели себя потише, но в очередной раз никто не обращает внимания.

— Девочки, у меня ничего нет с Робертом, — гнет свою линию Холли. — Мы снова подружились. Оставили все плохое позади и иногда вместе гуляем. Вот и все.

Останавливаю себя, чтобы не написать Роберту о том, как Холли признала, что они вместе гуляют. Он бы с ума сошел от радости.

Стеф начинает засыпать Холли вопросами, и мне становится легче от того, что мы отвлеклись от ситуации с Лос-Анджелесом. Как раз когда нам приносят заказ, у меня звонит телефон — это Вики. В ресторане слишком громко, чтобы разговаривать, так что ей лучше оставить голосовое сообщение. Она звонит дважды прежде, чем оставить сообщение, и я задумываюсь — может, стоит выйти и взять трубку. Но я уверена, что это связано с видео, заявлением Дирка и Гейбом, а я не хочу про это слушать. Мама сказала мне забыть об этом дурдоме на выходные, и я так и собираюсь поступить.

Позже, после того, как проглотили наши кныши и договорились не возвращаться к теме Лос-Анджелеса, мы идем гулять по грязным и слякотным, но красивым, улицам Нью-Йорка. Мы проходим мимо очередей в клубы, отказавшись от идеи куда-нибудь попасть, а я немного отстаю от подруг, чтобы послушать сообщение Вики.

Она плачет, рассказывая, что Габриэля Ортиза посадили в камеру предварительного заключения за драку в баре с военными полицейскими, которые пришли туда расспросить его о том видео.

Мы с Вики всегда перезваниваем друг другу, независимо от времени суток. Но меня не волнует Габриэль Ортиз, и я считаю, он заслуживает тюрьмы после всего, что он сделал, не думая, как это повлияет на других людей.

Впервые с тех пор, как мама заявила, что общение с Вики не идет мне на пользу, я задумалась — а может, она права?

Я не перезваниваю Вики.

Вместо этого я останавливаюсь и поднимаю взгляд к ночному небу, полному самолетов, вертолетов и звезд. В воздухе ощущается морозный запах, и, возможно, на обратном пути снегопад будет еще сильнее. Я слышу, как мчатся такси, хрустя шинами по песку и соли, которые насыпают на дороги снегоуборочные машины. Слышу музыку — играет какая-то

группа.

Звуки музыки напоминают мне, что моя жизнь — это не только парень Гейб, или видео, о котором теперь знает вся страна, или Дирк с мамой, или отъезд из Юнион, или гибель папы. Это еще и выступление в День Святого Валентина, и Джейми, и мои друзья, которых я люблю и которые любят меня, и счастливые моменты, за которые нужно держаться.

И обещаю себе, что остаток выходных я этим и буду заниматься. Я выключаю телефон.

Глава 12

В день Святого Валентина мне никогда не везло. Я его не ненавижу в основном, потому что я очень сильно люблю шоколад, и День Святого Валентина для меня связан именно с этим. Но, думаю, справедливо будет сказать, что у меня с Днем Валентина непростые отношения. В День Святого Валентина у меня ничего не идет так, как надо.

Но в этом году все может измениться.

Мы в центре города, готовимся к фестивалю в «Rat & MonKey» — другими словами, готовимся к настоящему выступлению. Настолько настоящему, что со мной пришла мама, потому что по закону мне не разрешается находиться в баре без нее. Так же, как и Стеф — ее мама, Карли, больше похожая на старшую сестру Стеф, тоже здесь.

Мама привезла Джейми, но парень, который отвечает за звук, сказал, что ему запрещено заходить в бар, и он может только смотреть из-за сцены. Джейми считал это забавным. Анджело, моя мама и мама Стеф — единственные в нашем тесном кругу, кто может легально здесь находиться.

Если не считать Карли, которая ждет своего мужчину в баре, мы все сидим в гримерке, где тусуются группы перед выходом на сцену. Джейми сидит рядом с моей мамой, составляя ей компанию. Она немного не в себе последние несколько недель, после того, как видео попало в телешоу с новостями о звездах и стало сенсацией однодневкой. Заявление Дирка было неплохим, похоже, его агент знает, что делает, даже если она и не против использования детей для смягчения отношений с прессой. Он сделал его кратким и попросил уважать частную жизнь его «девушки и ее детей, которые все еще приходят в себя после потери любимого до глубины души человека и которые не должны заново переживать свою потерю из-за демонстрации этого видео».

Я надеялась, что он по полной отчитает Габриэля Ортиза, но он повел себя благородно, и это, возможно, было правильным ходом. Тем же вечером случился скандал с какой-то другой знаменитостью, и мы довольно быстро вылетели из новостей. А может и там есть достойные люди, которые решили оставить нас в покое. Как бы то ни было, мы с мамой УПТИ в добровольную изоляцию от новостей — она даже отказалась от доставки местной газеты — и это помогло. В течение нескольких дней народ в школе вел себя странно, а учителя «понимающе» мне улыбались, но я просто не обращала на все это внимания.

Снова украдкой смотрю на маму и Джейми — мне нравится, что он о ней заботится — а потом выхожу из гримерки, чтобы посмотреть из-за сцены на публику. С потолка свисают неровные черные сердца на толстой серебристой проволоке, которой несколько раз обмотаны их серединки. Публика выглядит довольно симпатично, но мне интересно, захотят ли они смотреть на группу с шестнадцатилетней солисткой.

Наверно, это не имеет значения, мы же играем на разогреве, а никто не хочет смотреть на группу на разогреве, если в ней нет твоих знакомых. Сегодня играют еще три группы, и у всех полноценные концерты, а у нас всего три песни. По идее, Анджело должен был взбеситься, но сегодня его это не волнует из-за парня из студии звукозаписи. Этот парень

видел группу Энджело на гастролях в прошлом году и посчитал песни Энджело неплохими. Гастроли прошли на редкость отстойно, так бывает, когда солист подписывает контракт со звукозаписывающей компанией и уходит в другую группу. Я не виню солиста, слишком хорошая возможность, чтобы ее упускать, но в присутствии Энджело даже его имя нельзя произносить.

Поэтому сегодня важный вечер для Энджело. Парень из студии звукозаписи хочет посмотреть на группу и на песни — он думает, что мог бы раскрутить Энджело, как автора песен. Энджело лучше бы подписал контракт на всю группу, но согласится на все, чего сможет добиться.

В примерке он выводит меня из себя:

— Свитер, почему ты в джинсах без дырок? И какого хрена происходит с твоими синими волосами? Вся краска смылась и, блин... Я думал, ты ярче их покрасишь для сегодняшнего! Эй, а ты репетировала проигрыш...

— Энджело, зайка, говорит Стеф, отводя меня к зеркалу, подальше от его недовольного бормотания. — Я добавлю Розы еще подводки, ладно? А ты оставь ее в покое, не нужно бесить твою звезду перед выступлением.

Энджело с подозрением меня разглядывает, словно может прочитать в моих глазах, как я последние месяцы практиковалась, если не учитывать репетиции. Я вдруг понимаю, что если провалюсь сама, это будет и его провал тоже.

Стеф усаживает меня и наклоняется надо мной с черной подводкой.

Извини. У него крыша едет. Он думает, что мы, типа, подпишем сегодня контракт и поедем на гастроли с Джеком Уайтом или типа того, — Стеф смотрит на Джейми, сидящего с мамой на диване, и шепчет, — ты ему еще не сказала?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я качаю головой, пытаюсь убедить себя, что и говорить нечего, ведь мама еще не приняла решение. Они с Дирком остаются вместе, но она притормозила план с Лос-Анджелесом. Я не могу избавиться от ощущения, что отъезд из Юнион перед выпускным классом испортит мне жизнь, а как насчет ее жизни? Что важнее: мне провести последний школьный год здесь, или ей свалить из Юнион и быть с мужчиной, которого она...

Нет. Пока не могу это сказать.

— Стеф, моя прическа! — кричит Энджело через всю комнату, разглядывая себя в зеркало.

Насколько я могу судить, его прическа выглядит точно так же, как и всегда.

— Я не могу быть в двух местах одновременно, сладкий. Ты как хочешь: чтобы я сначала закончила с Розы или подошла к тебе?

— С ней. Сначала закончи с ней. Ее внешний вид намного важнее, — говорит он, словно напоминает сам себе.

Я решаю не обращать внимания на то, что он говорит обо мне в третьем лице, как будто я не сижу в полутора метрах от него.

Когда я познакомилась с Энджело, у него была привычка каждый день ходить в школу в футболках с рок-группами (и не стирать их), а его волосы были супердлинными и заметно грязными. Сейчас все изменилось.

— Ооо, а вдруг мы сегодня подпишем контракт, и даже не закончим школу, потому что уедем на гастроли! Круто бы было! — говорит Стеф.

Она заканчивает подводить мне глаза и делает последний штрих рисуя черные стрелки

гораздо более длинные, чем я когда-либо себе рисовала.

— Мама ни за что не позволит мне бросить школу. Ни единого чертова шанса, — говорю я ей.

— Она может, если мы будем, типа, как новые «Paramore» или кто-то вроде того.

— Стеф! Меньше болтай, больше рисуй, или что ты там делаешь. Сделай ей волосы пышнее, — говорит он и изображает этот процесс, махая руками вокруг своей головы.

— Ты в курсе, что я здесь сижу, да? — огрызаюсь я.

Энджелло, все еще размахивающий руками, выглядит смущенным.

— Сладкий? — Стеф ждет, чтобы он перестал кривляться.

— Оставь. Розы. В покое.

Он послушно кивает и отворачивается к зеркалу, снова изучать свою прическу. Она закрывает черную подводку, берет карандаш с блестками и добавляет блестки поверх черных стрелок.

Может, блестки компенсируют мою слабую игру на гитаре.

Стеф наклоняется надо мной так низко, что я могу разглядеть поры у нее на коже — точнее, то, что на ее коже, похоже, нет пор. Я пытаюсь не цепляться за тот факт, что у нее идеальный типаж амазонки, и, возможно, настанет час, когда она станет моделью.

Средним девушкам с подругами выше среднего приходится приучаться не сравнивать себя с ними. }

Открывается дверь гримерки и заглядывает парень, отвечающий за звук. }

— Анджело, ребята, ваша очередь. Готовы? }

Анджелло в панике смотрит на Стеф. Стеф быстро заканчивает со мной и мчится к нему. Она хватается за лак для волос, который ему не нужен, и «фиксирует» его прическу, подмигивая при этом мне. }

Джейми и мама проходят за нами в крохотное пространство за сценой, где пол подозрительно липкий. Мама желает мне ни пуха ни пера, Джейми подмигивает, а потом мы с Анджело и Стеф внезапно оказываемся перед зрителями. Я успела только мельком взглянуть на них прежде, чем включились прожекторы, и я стала видеть только на полтора метра перед собой. Но теперь зрители кажутся мне чудовищными, словно хотят сожрать нас, крича друг на друга и глотая свои напитки. Я несколько раз моргаю, пытаюсь привыкнуть к ослепительно белому свету. Парень, отвечающий за звук, объявляет нас в громкоговоритель, и после обратного отсчета Анджело мы начинаем. Я не должна ничего говорить публике, пока мы не закончим — у нас всего три песни, чтобы произвести впечатление. }

Сейчас что-то идет не так. Со сцены на меня смотрят мониторы, но я не слышу в них себя — только бас-гитару Энджелло и свою гитару. Почему-то от ударных Стеф меня бросает в дрожь. Вся моя энергия уходит на старания поддерживать ритм, и я лажаю на гитарных партиях больше раз, чем могу сосчитать. Я даже не двигаюсь на сцене как обычно, потому что из-за танцев еще труднее слушать, что я делаю. Я знаю, что смотрюсь скучно — Энджелло выставляет вперед подбородок каждый раз, когда я на него смотрю, как бы говоря мне шевелить задницей, но я, в основном, стою неподвижно. Между второй и третьей песней он кричит звуковому парню за сценой, чтобы он включил меня на мониторах — мне надо было раньше об этом думать — но насколько я могу сказать, ничего не меняется. }

Мы в середине нашей последней песни, когда я совсем теряюсь. Энджелло называет несколько аккордов, чтобы привести меня в чувство, и я вижу смертельный ужас в его глазах. Потом я понимаю, что вижу еще и публику — прожекторы больше меня не слепят. Я

смущенно оглядываюсь и вижу Стеф, которая поет во весь голос и играет на ударных, как профи. Человек, управляющий освещением, убрал свет с солистки и перевел его на бэк-вокалистку, потому что она реально выступает, в отличие от потерянной солистки. Стеф ловит мой взгляд и хмурит брови в недоумении — она понятия не имеет, что происходит. Я снова поворачиваюсь к микрофону.}

Все расплывается, и вот мы уже в гримерке, а я понимаю, что забыла сказать свои слова в конце выступления. Люди из других групп ждут чтобы поздравить нас, но я знаю, что Энджелло хочет схватить }меня за горло и придушить. Вместо этого он берет меня за плечи и говорит, с трудом стараясь сохранять спокойствие: — Какого хрена, Свитер?}

}Мама в другом конце комнаты вздрагивает.}

}— Энджелло, — говорит Джейми.}

}Энджелло смотрит на Джейми, который движением головы указывает на маму, стоящую рядом с ним. Энджелло краснеет.}

}— Извините, миссис Це, — говорит он, а потом поворачивается ко мне. — Но какого Х?}

}— Я себя не слышала! — звучит так, словно я защищаюсь, но это правда — я не слышала себя.}

}— Ну, блин, зато я уверен, что меня слышала. Почему ты не шевелилась? И ты забыла аккорды на проигрыше, ты хоть занималась? Ты обещала, что будешь заниматься!}

}— Я все время занималась, — лгу я. — Но если я не слышу себя, я не могу держать ритм. А если я не держу ритм, как я должна играть и делать все остальное?}

}— Если ты не слышишь себя, ты должна еще больше танцевать!}

}Ты должна скрыть эту фиготень!}

}— Откуда мне это знать, Энджелло? Это мое второе выступление!}

}Энджелло злится так, что начинает брызгать слюной и махать руками.}

}— Как... ты... если бы ты занималась, Свитер, как я тебя просил...

Джейми в ту же секунду оказывается рядом с нами.

— Полегче, чувак.

Энджелло уже готов начать выяснять отношения с Джейми, когда в комнату входит парень из студии звукозаписи. Он высокий, с идеально растрепанными волосами, одет в пиджак, винтажную футболку и темные джинсы без единой складки. Энджелло неожиданно расплывается в улыбке.

— Чувак, спасибо, что пришел. Рад тебя видеть, чувак.

— Да, чувак, да. Звук здесь отстойный, как всегда в таких местах, — он оглядывает комнату, будто боится к чему-нибудь прикоснуться. Мне нравятся твои песни, чувак. Ты хороший автор. Привет, я Дэн, говорит он Стеф и тянется через меня, чтобы пожать ей руку, а его взгляд скользит по всей длине ее стройного тела.

Я смотрю на Энджелло — замечает ли он, но после комплимента от этого парня он просто вне себя от радости и не понимает, что происходит.

— Хорошая работа на ударных.

— Спасибо, — по-деловому говорит Стеф. — Это Роза, — добавляет она.

Дэн не жмет мне руку, едва кивая мне, а потом поворачивается к Энджелло. Меня тошнит, я могу целый сценарий написать о том, что происходит. Думаю, и Энджелло тоже.

Я чувствую на себе взгляд Джейми, но не могу сейчас посмотреть на него, даже если мне за это заплатят.

— Так, слушай, чувак, я думаю, нам стоит вместе поработать. И мы сможем достать денег на демо-запись, если вы кое-что поменяете.

Энджело бледнеет. В прошлый раз он проходил через это в позиции проигравшего.

— Поменяем, — осторожно повторяет он.

Дэн поворачивается ко мне:

— Слушай, кис, тебе сколько лет? Пятнадцать? Шестнадцать?

— В мае будет семнадцать, — отвечаю я.

— Да ты еще молодая. Все у тебя сложится отлично. Могу сказать, что петь ты умеешь, но ты не гитаристка. Этот проект не для тебя.

На сцене начинается выступление следующей группы, их музыка грохочет из мониторов в примерке. Дэн раздраженно на них смотрит, а потом тянется к мониторам и выключает их.

— Розы — моя солистка, — настаивает Энджело. — Мы можем взять другого гитариста.

Взгляд Дэна устремляется к Стеф, охватывая ее всю, от рыжих волос до длинных ног — у меня такое ощущение, что стоит сказать ее маме. Его улыбка становится практически хищной, когда он говорит:

— Чувак, твой счастливый билет — ваша местная «Florence + TheMachine».

— Но... но... — запинается Стеф.

— У нее есть свой образ. Она поет и играет на ударных. Она привлечет к вам намного больше внимания, чем эта, больше внимания, чем вы сможете выдержать.

Он говорит так, будто мы — собственность Энджело, и он может поступать с нами, как пожелает.

Мне не хочется сдаваться, но, судя по моему сегодняшнему выступлению, этот тупой парень прав. Из Стеф получится артистка лучше, чем из меня. Она яркая и харизматичная. Людям хочется на нее смотреть.

Мне тут нечего делать.

Я чувствую теплую и знакомую руку Джейми в своей, его голос напоминает мне, что я все еще существую, хоть тупица меня и не замечает.

— Идем.

Мама подает мое пальто Джейми, и говорит мне: «Увидимся дома», а потом Джейми уводит меня от всего этого. Мы выходим на стоянку через заднюю дверь. Февральский ветер бьет мне в лицо — ледяной, обжигающий — и наполняет мои легкие истинным духом Дня Святого Валентина. Джейми набрасывает пальто мне на плечи и как обычно открывает мне дверь машины. А потом мы просто уезжаем.

Глава 13

— Ты в порядке?

Мы в машине Джейми, едем на поле для гольфа. Луна светит так ярко, что можно разглядеть примятую траву на поле. В последний раз мы с Джейми были здесь в День Святого Валентина два года назад, и тогда все было покрыто снегом. На этот раз просто чертовски холодно.

Не отвечаю ему. Я одновременно и понимаю и не понимаю, что сегодня произошло. Я провалилась, и меня выгнали. Я это заслужила. Изю всех сил стараюсь не заплакать. Хочу реагировать стойко, как профессионал.

У меня в миллионный раз звонит телефон. Мне даже не нужно смотреть, кто звонит — это Энджело. Я игнорирую его звонки.

— Не хочешь с ним поговорить? — спрашивает Джейми.

— Не о чем говорить. Он злится на меня за то, чего я не могу контролировать. Я не слышала себя, а если ты себя не слышишь, ты косячишь. То же самое, как подпевать радио с затычками в ушах. Это невозможно.

Все, что я говорю — правда, но я упускаю один очень важный факт: я не готовилась. Просто не готовилась. И до сих пор не понимаю, почему.

— Это не твоя вина.

— Этот как-там-его так не думает.

Кого волнует, что думает этот придурок? — презрительно говорит Джейми.

— Ты не можешь решить за меня, — наконец отзывается он.

Его враждебность направлена на меня, словно я сделала что-то не так. У меня не то настроение, чтобы это терпеть — только не сегодня, не после событий последних недель.

— Тогда сдавай экзамены и сам решай свои проблемы, — говорю я.

Я уже готова добавить, что не люблю поражения сильнее, чем он, когда он открывает фляжку и пьет. При том, что он должен отвезти меня домой. При том, что он обещал не подвергать меня опасности.

Мне потребовалось много времени, чтобы признать, что у моего брата проблемы. Неужели я делаю ту же ошибку с Джейми? И если в моей жизни целых два человека — два человека, которых я люблю — с зависимостями, говорит ли это что-то обо мне?

— Джейми, убери эту штуку.

Он выигрывает время, делая глоток, потом закрывает фляжку, бросает ее в бардачок и слишком громко хлопает его дверцей.

— Ты говорил, что не будешь пить, когда едешь со мной.

— Да, прости, — говорит он. — Я не подумал.

— Ты пьешь и садишься за руль, да... когда меня нет рядом.

Чувствую, что злю его.

— Пару плотков после смены, — отвечает он таким тоном, будто говорит «нет, я не пью за рулем».

— Той ночью, когда я ждала у твоего дома, ты выпил больше, чем пару.

— С тех пор больше ни разу.

— А как это вино на выставке?

Он поворачивается ко мне.

— Ты мне будешь выговаривать за ту выставку?

В его голосе есть какой-то надрыв, который мне не нравится, и я вижу, что могу все испортить. Убираю обвинительную интонацию.

— Я просто за тебя переживаю. Когда ты сказал, что я буду делать со своей жизнью что захочу, это звучало так, как будто у тебя в жизни такого не будет. Провал на одном дурацком тесте — еще не приговор. Снова походи на спецкурс Кэмбера, а потом опять сдай тест. Научиться сдавать тесты — это... Джейми бьет кулаком по рулю.

— Заткнись, Роуз!

Я вижу облачка от нашего дыхания в машине. Здесь тихо, шумит только ветер и ветка, задевающая мою дверь.

Когда шок проходит, я обнаруживаю, что я в бешенстве. Хочется стучать кулаками по приборной панели, пинаться, визжать и разнести к черту всю машину, потому что я знаю — ему будет от этого больно. Но я так не делаю. Просто говорю:

— Не говори мне заткнуться. Никогда.

Через секунду он включает обогрев.

Еще через секунду он тянется к моей руке.

Я отстраняюсь. Раньше я никогда не чувствовала себя беззащитной рядом с Джейми, но сейчас чувствую. Я могу обвинить во всем алкоголь, но я знаю, что алкоголь не заставляет людей действовать против своей воли. Он просто дает им разрешение делать то, чего они обычно боятся или стыдятся.

Назовешь меня слабаком, если я еще раз не сдам? — он пытается поддразнить меня, но после такого я не реагирую.

— Когда я верю в тебя, — начинаю я, стараясь говорить спокойно, — ты меня затыкаешь. Снова и снова.

Он запускает руку в волосы, а потом я вижу, как он бросает взгляд на бардачок.

— Ого. Так это я довожу тебя до алкоголизма, да?

Иногда, он смотрит на меня, и выражение его лица становится мягче. — Шучу. Извини, что сказал «заткнись». Иди сюда.

Я прислоняюсь к нему и позволяю себя обнять, хотя мне этого не хочется. Во-первых, он извинился за слово «заткнись», а не за то, что прекратил разговор об экзаменах. Во-вторых, позволив себя обнять, я ушла от разговора о том, почему при мысли о будущем ему хочется выпить.

Я принимаю решение — пора рассказать ему про Лос-Анджелес. Возможно, я была права, думая, как это на него повлияет, может именно такой выход ему и нужен. Лос-Анджелес поможет нам обоим выбраться из дыры неудач, куда мы провалились.

— Помнишь, пару недель назад я была у Дирка, когда началась вся эта фигня с видео? — я делаю глубокий вдох. — Он сказал, что хочет, чтобы мы переехали в Лос-Анджелес в конце года.

Джейми не говорит и не двигается. Я даю ему много времени, чтобы что-нибудь сказать. Он молчит. Я продолжаю:

— Не знаю, что решит мама, особенно теперь, когда она поняла, что близость к Дирку значит открытость ее личной жизни. Отстойно будет начинать все с нуля в последнем классе. Но когда я серьезно об этом задумываюсь, я понимаю, что в Юнион есть только одно, без чего я не смогу жить.

Я жду, что он не даст мне договорить, но снова — тишина.

— Ты... хочешь знать, что это? спрашиваю я, слегка поворачиваясь, чтобы видеть его лицо.

Он, наконец, смотрит на меня с непонятым выражением лица. Я сжимаю его ладонь, лежащую на моем плече.

— Это ты, Джейми. Ты — единственное в Юнион, без чего я не смогу жить. Поэтому я никуда не поеду, если ты тоже не поедешь.

Он не говорит ничего из того, что бы сказала я, будь на его месте, и неважно, насколько жалко это бы выглядело. Меня накрывает разочарование. Неужели я серьезно думала, что он будет умолять меня остаться? Скажет, что не может без меня жить? Что с ума сходит от любви?

Если я так думала, значит, у меня уже крыша поехала. Джейми — не из тех парней, которые бурно выражают свои чувства.

Но в какой-то момент я вижу золотистый проблеск в его глазах. Вижу, что он думает о

том, чтобы собрать вещи, уехать на другой конец страны и начать все заново в большом городе, где люди не знают его, как парня, которого выгнали из школы перед самым выпуском. Мое сердце бьется где-то в горле.

Потом этот блеск больших возможностей исчезает.

Примерно через минуту он целует меня в лоб и не убирает губы, говоря:

— Круто, что ты хочешь, чтобы я поехал.

Я пытаюсь уцепиться за этот блеск в его глазах и слегка усмехаюсь, хотя мне приходится бороться с собой, чтобы все ему не высказать.

— А я слышала: «Удачи в Лос-Анджелесе, Роуз. Приятно было пообщаться».

— Ты знаешь, что я этого не говорил.

— Ты именно это и сказал. Я не поеду, если ты не...

— Роуз...

— Ты — лучшее, что со мной когда-либо случилось.

Он просто качает головой, как делает всегда, когда считает, что я говорю бред. Я разочарованно вздыхаю, когда он крепко обнимает меня.

— Я не сказал «нет», — говорит он.

Но он и не сказал «да».

Он начинает целовать меня в шею, а я уже слишком измотана, чтобы обвинять его в отвлекающих маневрах. Джейми всегда знал, как меня нужно целовать, чтобы увести от темы разговора, и даже после того, как я поняла его тактику, она продолжает действовать.

Он делает довольно долгую паузу, а затем говорит:

— Я хочу тебя потрогать, Роуз.

Единственная причина, по которой я уверена, что правильно его поняла — каждый нерв моего тела дрожит. Он сказал, что хочет чего-то от меня — не припомню, чтобы он раньше так поступал. Только из-за этого, впервые в жизни часть меня, которая хочет его прикосновений, пересиливает ту часть, которая нервничает. Я немного откидываюсь назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Хорошо, — говорю я, не отводя взгляд.

Он дергает ручник и выходит из машины, оставляя ее заведенной. Понятия не имею, что он делает. Он обходит машину, открывает мою дверь и протягивает мне руку.

Я вылезаю из машины на зимний мороз.

— Где мы...?

Он прижимается ко мне и целует, держа мое лицо обеими руками. Он такой теплый по сравнению с воздухом — он всегда такой теплый-теплый. Затем он тянется через меня, чтобы открыть заднюю дверь.

Если бы я так не нервничала, я бы сказала, что мы как в фильмах 1950-х годов, где все целуются на задних сиденьях.

Но я вся на нервах, поэтому не говорю ни слова.

Я залезаю на заднее сиденье и двигаюсь, чтобы ему хватило места. Это забавно — никогда раньше не сидела на заднем сиденье у Джейми. Как будто вообще другая машина. Он садится рядом со мной, наклоняется и закидывает мои ноги себе на колени. Начинает меня разувать.

Он снимает с меня ботинки, бросает их и откидывается к двери, глядя на меня и желая понять, что я буду делать. Люблю, когда он так делает, когда рассматривает меня. Хотя он пытается увидеть меня насквозь, но не открывается сам. Иногда я могу догадаться, что

творится у него в голове, но не сегодня. Сегодня луна, светящая сквозь ветви деревьев, отбрасывает на его лицо странные серебристые тени, и я совсем не могу понять его выражение.

— Роуз, ты уверена? — спрашивает он. Я киваю.

— Тогданими джинсы.

У меня начинают бегать мурашки по коже, когда я понимаю, что он будет смотреть, как я это делаю. Можно ли сексуально снять джинсы на заднем сиденье автомобиля? Я расстегиваю молнию и стягиваю их с себя со всей грациозностью, на которую способна. Они падают на пол, а я сворачиваюсь калачиком, прижав ноги к груди и обняв их руками. Я более чем смущаюсь от того, что я почти голая ниже пояса, а Джейми все еще одет.

Даже боюсь посмотреть, какое у меня сегодня белье. — Холодно? — спрашивает он с другого конца машины.

Кажется, что он очень далеко.

— Немного, — говорю я.

Он медленно тянется ко мне, ведя руками по моим голеним, и тянет мои ноги к себе, заставляя меня выпрямиться. Потом он ложится, накрывая мое тело своим.

— Так лучше? — спрашивает он.

Его губы прямо над моими, тепло от его полностью одетого тела совсем рядом, а его рука проскальзывает под мою шею. Он целует меня, не дожидаясь ответа, и не успеваю я передумать, как кончики его пальцев оказываются на внутренней стороне моего бедра.

Не могу не задуматься, почему он захотел этого именно сейчас. Он чувствует вину из-за выпивки? Ему нехорошо после того, как он меня заткнул? Он расстроен из — за Лос — Анджелеса, но не знает, как это сказать?

Его пальцы двигаются выше, и моя последняя мысль по поводу его мотивов... может, он просто хочет меня потрогать, как он и сказал.

Его горячая рука уже там, где начинаются трусики. Он просовывает палец под резинку и тянет. Они чуть сползают, и он как всегда останавливается посмотреть, хорошо ли мне от происходящего.

— Все нормально, — шепчу я не своим голосом.

Почему-то мой голос звучит взрослее.

Он садится так, что оказывается надо мной, снимает мои трусики обеими руками, стягивает их через ноги и смотрит мне прямо в глаза.

Когда они совсем сняты, он разглядывает ту часть моего тела, которую никогда раньше не видел. Я жду, что он ляжет рядом, снова прижмет меня к себе, но нет. Он остается на своем месте и рассматривает меня. Его руки возвращаются на мои бедра, а затем он начинает меня ласкать. Вперед-назад, медленно, нежно. Поразительно, как быстро мне хочется еще. Я немного раздвигаю ноги, даже не осознавая, что делаю, а потом думаю, правильно ли это.

Я не знаю, что делаю. Но все нормально — он же знает.

Я смотрю ему в глаза, когда он начинает ласкать меня внутри. Он нежен, но у меня нет ощущения, что он обращается со мной, как с хрупкой вещью — он обращается со мной, как со своей девушкой, как с той, кого он хочет. Пытаюсь сообразить, должна ли я двигаться, но единственное, в чем я уверена — мне хорошо.

Он ложится рядом со мной, наблюдая за моим лицом. Он ласкает меня так смело, так уверенно — прямая противоположность моим ощущениям. Еще в прошлом году в День

Святого Валентина, когда я впервые увидела, как он танцует, когда он схватил меня, и мне пришлось танцевать с ним — я поняла, что мне с ним будет хорошо.

Интересно, должна ли я что-то сделать, чтобы это... подействовало? Или может, я должна что-то сделать для него? Я хочу перестать переживать из-за того, что будет дальше, но с подобными переживаниями я живу всю свою жизнь, поэтому перестать довольно сложно. Особенно сейчас.

— Джейми, как я... я не знаю, что... — я не могу сформулировать ни что спросить, ни как спросить.

— Тебе нравится то, что я делаю?

— Угу, — только и могу я произнести.

— Тогда ничего больше не нужно, Роуз.

Как только он это говорит, все переживания о том, все ли я делаю правильно, и нормально ли я выгляжу, и побрила ли я ноги, и подходящее ли на мне белье улечиваются, и я просто получаю удовольствие от этих прикосновений. От его прикосновений.

На мгновение все становится идеально.

А потом, хоть у меня такое и первый раз, я начинаю хотеть большего, как после того, как я ласкала его. Больше близости, больше его, говорящего, чего он хочет; больших ощущений, что я его завожу; больше-больше-больше...

И вдруг все становится суперинтенсивным. И это слишком.

Я останавливаю его, но не потому что мне неприятно. Мне нужно, чтобы мир вокруг замер на минуту, нужно вернуться к себе, отделиться от него, от его прекрасных рук. Мы лежим рядом, я прислушиваюсь к своему дыханию и к его тоже.

Он наблюдает за мной со своей полуулыбкой.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к его лицу. И какое значение имеет весь этот День Святого Валентина? Парень из студии, группа, сообщения от Энджелло, переезд в Лос-Анджелес...

Есть только мы с Джейми, вместе, все ближе и ближе.

Каким-то образом сегодня я превратилась из несчастнейшей девушки в Юнион в счастливейшую девушку в мире.

ВЕСНА

Глава 14

— Если хочешь написать классную песню, покопайся в том, чего не хочешь чувствовать.

У Карлоса татуированы все руки от запястий до плеч и сколько пирсинга, что я не могу сосчитать. Думаю, он подводит глаза, а может, у него просто такой вид. У него длинные, блестящие, темные волосы и почти черные глаза. Он мой преподаватель по созданию песен, и за две минут занятия я уже поняла, что это самая классная вещь в моей жизни.

Я ничего не знаю о написании песен — ничего, в прямом смысле слова. Но я вижу смысл во всем, что он мне говорит.

Наверно, я все же не такой уж лох, как сказал парень из звукозаписывающей студии.

Хотя, если мысленно вернуться в тот момент, он не сказал, что я лох. Он даже сказал, что я умею петь.

Через несколько дней после Дня Святого Валентина я, наконец, взяла свой телефон и позвонила Энджелло. Он встретился с парнем из студии и подписал контракт, но не на демо-запись со Стеф. Я чуть не упала, когда он это сказал. По его словам, он сказал парню, что у Стеф неподходящее звучание для его песен — у нее голос для мюзиклов, который отлично

подходит для бэк-вокалистки, но не для солистки. Парень ему не верил, пока они со Стеф не сыграли для него.

Стеф вполне могла сделать свое исполнение чуть более мюзикловым, чем обычно, из преданности мне и из-за того, что посчитала парня скользким типом.

Мы с Энджело извинились друг перед другом и решили, что не будем вместе играть в группе — просто у нас не лучшая совместимость. Я не смогла ответить ему, почему ни разу не занималась — из-за этого мне не по себе — зато Энджело рассказал мне о мастер-классах Карлоса.

— Не сдавайся, Свитер. Не позволяй какому-то парню из студии выбить тебя из колеи. Сходи к Карлосу.

Так я и сделала.

В последнее время я много думаю о том, чтобы писать песни, стихи, музыку. Кэмбер недавно дал нам тему творческого проекта — нужно взять интервью у человека, который «крайне негативно» на тебя влиял, а потом написать, чему тебя научил разговор с ним. Интересно, можно ли сделать это в песенной форме?

Как копать в том, чего не хочешь чувствовать? — продолжает Карлос. — Подумайте, о чем вы не хотите говорить. У вас две минуты, чтобы придумать три темы. Потом зачитаете свои списки вслух.

Девочка из нашей группы ахает.

— Да, здесь не спрячешься. Но что случилось в Вегасе, останется в Вегасе. За пределами этих четырех стен никаких разговоров о том, что мы здесь скажем или напишем. Так что будьте искренни, открыты и правдивы. Это мои правила для создания песен, и мои правила для нашего мастер-класса. Ладно. Поехали.

У меня уходит тридцать секунд, чтобы придумать три вещи, о которых я не хочу говорить. Не уверена, хорошо ли это, зато у меня есть время разглядеть трех других уегшков, пока они пишут.

Мы все сидим кружком, а паши гитары прислонены к доске, на которой краской нарисован нотный стан. У парня рядом со мной такой вид, будто он вышел из научной лаборатории: застегнутая на все пуговицы рубашка, брюки цвета хаки и очки ботаника, пока рано говорить, оделся он так ради прикола или нет. Девочка напротив меня тщательно скопировала образ Тейлор Свифт, вплоть до красной помады. А парень рядом с ней похож па Лени Кравица с обложки его альбома времен, когда он еще не сыграл Цинну: потрясающие пышные волосы, джинсы, белая льняная рубашка, которая еле держится на теле, как у Ленни Кравица, и темные очки.

Не знаю, на кого похожа я или тот «ботанический» парень, но это нормально. Разберемся.

Тейлор изо всех сил старается не смотреть на Ленты, обдумывая три темы, на которые она не хочет говорить.

Может, ее влюбленность в него должна быть первой в списке.

Карлос говорит, что время истекло.

— Кто готов? — спрашивает он.

Поднимаю руку.

— Синие волосы. Давай. Стой, стой, стой, извини, я не должен звать тебя «Синие волосы». Как тебя зовут?

— Роуз.

— Роуз. Синие волосы, синие глаза. Все ясно. Читай свой список. Три темы, на которые ты не хочешь говорить.

Ныряю в океан полной открытости.

— Моего папу убили в Ираке. Меня выгнал из группы парень из студии звукозаписи. И я переживаю, что мой парень... слишком много пьет.

— Угу, — говорит Карлос, качая головой. — Скажи то, что ты сначала хотела сказать. Не поправляй себя, по крайней мере, пока. Скажи последнюю фразу еще раз.

Так странно произносить это вслух, особенно учитывая, что я не знаю, права ли я.

— Я переживаю, что мой парень — алкоголик... знак вопроса?

— Вот оно. Со знаком вопроса стало интереснее. Продолжим работать с этим. Кто следующий?

Отсутствие реакции на первые два пункта в списке придает мне сил.

Больше желающих нет, поэтому Карлос указывает на «ботанического» парня:

— Ты. Что у тебя? Стой, — опять говорит он. — Имя?

— Итан.

— Итан. Очки. Да. Давай.

— Мм, ну, у меня всего одна тема.

— Ладно, возьмем ее. Начинай.

— Мой отчим.

Мы ждем подробностей. Но их нет.

— Я вернусь к тебе, Итан. Нужно больше деталей. Ты, — говорит он, указывая на другую девочку в группе.

Она приходит ему на помощь:

— Мара.

— Мара, — повторяет он. — Красная помада. Не приходи ко мне с другой помадой, а то мне будет хреново. Что у тебя?

— Поступление в колледж, конец света, и бесконечность.

— Ладно, — медленно кивает он. — К тебе мы тоже вернемся. Клифтон.

Нас всех удивляет, что он уже знаком с Ленни Кравицем, возможно, мы даже немного завидуем.

— Я крут, чувак, я могу говорить обо всем. Ты же знаешь.

— Обо всем? — говорит Карлос. — А я знаю одну тему, на которую ты не хочешь говорить, — Карлос смотрит на нас. — Клифтон учится в этой школе, в музыкальном классе. Он пришел на мой мастер-класс, потому что он местный козел отпущения.

Он поворачивается ко Клифтону и ждет реакции.

— Я тебе скажу, чувак, это не такое уж большое дело. Моей популярности мешает тот факт, что я гей.

Разочарование Мары практически ощутимо.

— И как это на тебя влияет? — спрашивает Карлос.

Клифтон смотрит на Карлоса поверх очков.

— Мне хочется стать еще геевиднее.

Все хохочут, а Клифтон улыбается, скрещивая руки на груди.

Карлос поворачивается к Итану.

— А теперь — конкретнее.

Меня восхищает, как Карлос это делает. Я думала, занятие будет похоже на

психотерапию, но нет. Карлос не расспрашивает нас о вещах, которые мы знали, не говорит, что ему не все равно, и даже не извиняется за то, что нам приходится проходить через это. Он просто пытается помочь нам увидеть, как наша индивидуальная реакция на переживания может стать источником вдохновения.

— Итан, ты можешь говорить так же конкретно, как Клифтон?

Моему отчиму мешает сам факт моего существования, говорит Итан, но Карлос ждет большего. — И из-за этого я ненавижу свою мать.

— Потому что...

Итан начинает немного нервничать. Он ерзает на стуле, как будто хочет встать.

— Потому что она вышла замуж за парня, который ненавидит ее сына...

— И почему тебя это бесит?

Уши Итана становятся ярко-красными.

— Ну, потому что я появился раньше!

— Бац! — Карлос поднимает ладонь, чтобы дать Итану «пять», и слегка измученный Итан ему отвечает. — Вот оно. Хорошо.

Он поворачивается к Маре.

— Ладно, Мара, давай сосредоточимся на одной из твоих тем. Конец света и бесконечность — не твои личные темы, но я могу понять, что они вызывают у тебя чувства, которых ты не хочешь. А что с поступлением в колледж?

— Не думаю, что смогу куда-нибудь поступить.

— Почему это? — спрашивает он.

— Все думают, что я неудачница.

— Приходится признать, что, наверно, так и есть, — говорит она.

Он показывает на нее.

— Вот — чувство, которое ты не хочешь ощущать.

Пока я оглядываю наш круг и вижу на лицах различные степени ужаса, Карлос поворачивается в мою сторону.

— Синенькая, вернемся к тебе на секундочку. Твой парень пьет, но что именно вызывает у тебя чувство, которого ты не хочешь?

Казалось бы, простой вопрос, но на самом деле, нет. В конце концов, я придумываю ответ:

— Безднадежность.

— По поводу чего?

— Его будущего.

— Еще чего-нибудь?

Есть что-то еще, но я не могу до него докопаться.

— Вернись к себе, как это влияет на тебя? — подсказывает Карлос.

— Моего будущего, — тут же вырывается у меня.

— Хорошо. Суть создания песен — это перенос своего опыта, который делает тебя тобой, в музыку. А теперь перерыв на пять минут.

Когда мы вернемся, вам нужно будет написать одну строчку вашей первой песни.

Мы все отодвигаем стулья и встаем. Даже не верится, что прошел целый час. Думаю, Энджело был прав — мне кажется, мастер-класс поможет мне вернуть уверенность в себя. Я еще не спела ни единого звука, но мне уже лучше.

Хоть мы только что и делились личными переживаниями, мы с моими

одноклассниками стесняемся друг друга. Выходя в коридор, мы не разговариваем.

— О, какие люди и без охраны!

Я поднимаю взгляд и вижу Конрада Деладдо, моего прошлогоднего заклятого друга номер один. Конрад — младший брат Регины, бывшей девушки Джейми. Да уж, у нас с Деладдо долгая история отношений. А у Конрада и Регины долгая история отношений с Джейми, причем у каждого своя, и начинается она с того, что они оба в него влюбились. В «Юнион Хай» Конрад был несчастен (спасибо его гомофобным товарищам по плавательной команде!), пока не открыл для себя актерство. Летом он перевелся в школу искусств.

Он хорошо выглядит, стал выше, улыбка кажется искренней, и хотя его приветствие смахивало на оскорбление, я думаю, что на этот раз он не имел в виду ничего плохого. К нам подходит Клифтон.

— Привет, — говорит он Конраду.

А потом взрывает мне мозг — целует его.

У Конрада есть парень. И не просто парень, а Ленни Кравиц с нашего мастер-класса.

— Только не говори, что Роуз Царелли занимается у Карлоса, говорит Конрад.

— Ты про Синенькую? — он улыбается мне. — А вы что, знакомы?

— Мы познакомились в Юнион. Она увела парня у моей сестры.

— 00, а по тебе и не скажешь, — говорит мне Клифтон.

— Все было не так. Просто Конрад любит нагнетать драматизм.

— Да, это уж точно, — Клифтон достает из кармана пачку сигарет и подносит одну ко рту. — Выйду на минутку. Скоро вернусь.

— Не жди, что я тебя поцелую, когда покуришь, — кричит ему вслед Конрад.

— Делай что хочешь, — посмеивается Клифтон, а мы смотрим, как он уходит.

— Ого, этот парень...

Конрад ухмыляется.

— Так что ты здесь делаешь? «Юнион Хай» тебя совсем достала? Мне знакомо это чувство.

Я качаю головой.

— Услышала об этих занятиях и захотела попробовать.

Пожалуй, не стоит рассказывать Конраду всю историю. Хоть он и мило себя ведет, мои инстинкты не советуют давать ему повод придраться. Никогда не знаешь, чего ждать от Деладдо.

— Слышал, ты часто видишься с Джейми. Ну, прямо часто-часто.

— От кого ты это слышал? — спрашиваю я, хотя в этом нет необходимости.

— От моей любимой стервы-сестры. Она говорит, что Джейми превращается в алкоголика.

Мое первое побуждение — заступиться за Джейми, все отрицая.

— Не то чтобы у нас в семье кто-то удивился. Мы несколько лет любовались пьяными психозами его папы.

Точно. Деладдо и Форта живут по соседству, поэтому нет смысла что-либо отрицать.

— Джейми пьет в баре и едет домой за рулем, — признаюсь я, хотя чувствую себя предательницей.

Говорить это Конраду и полной комнате незнакомцев — совсем разные вещи.

— У него есть фляжка...

— Вижу, у тебя до сих пор твой комплекс спасителя.

Чувствую, что краснею. Как я могла забыть, как хорошо Деладдо умеют находить твои слабые места?

— Джейми сам разберется. Он никому не позволит что-то делать за него. Мы с сестрой столько раз пытались спасти его от этого саморазрушительного дерьма, но... ну, сама знаешь. Ты видела, как он ушел от копов после драки и знаешь, что было дальше.

— Он злился на меня... это была моя вина, — говорю я.

— Ой, да ладно тебе. Он точно знает, что делает — ты его просто оправдываешь. Джейми делает только то, что хочет Джейми.

И снова мне хочется сказать Конраду, что он не прав. Но я не могу.

Время. Возвращаемся, кричит Карлос, идя рядом с Клифтоном, который обнимает Конрада за плечи и выдыхает сигаретный дым в лицо Конраду.

Конрад устраивает целый спектакль, уворачиваясь и убегая от Клифтона.

— Какой ты гадкий. Позвони потом, — говорит Конрад.

Пару секунд он разглядывает меня от макушки до пяток, а потом уходит.

— Знаешь что? Роуз, тебе неплохо в рокерском прикиде, — кричит он, обернувшись.

У меня кружится голова, и причин для этого не сосчитать.

Прямо перед тем, как войти в класс Карлоса, у меня звонит телефон. Это Вики. Вдобавок ко всем моим ощущениям меня накрывает волна раскаяния — я так и не перезвонила ей после того, как она прислала сообщение ПРО Габриэля Ортиза. когда я была в Нью-Йорке. Выходные были безумными, и мне было проще проигнорировать Вики и решить, что она — часть моих проблем, чем поддержать ее.

— Привет, — пристыжено отвечаю я.

— Розалита? Это ты?

— Это я. Вик, мне, правда, стыдно...

Она перебивает меня, не давая закончить извиняться.

— Зай, помнишь, я тебе говорила, что Гейба арестовала военная полиция, а он разгромил бар и пытался всех избить? — она говорит так, словно пытается собраться с мыслями, и я начинаю нервничать.

— Мм, я думала, ты сказала, что он...

— Прошлой ночью он пытался покончить с собой. Он сейчас в больнице для ветеранов.

Только когда Вики начинает плакать, я понимаю, насколько для нее важен Гейб. Ну, конечно, он для нее важен, ведь он единственная ниточка, соединяющая с Тревисом, которая у нее осталась. Мне нужно было добрее отнестись к ее желанию присматривать за ним. Мне нужно было ко всему отнестись добрее.

— Ой, Вик, мне так жаль.

— За день до этого я его навещала и наорала на него, не знаю, что на меня нашло. Я знала, что ему нехорошо, но все равно пришла и наорала.

— Вик, тебе можно злиться. Я тоже злюсь.

— Мне нельзя злиться таким образом, — хлопает носом она. — Я тебе скажу, что это поступок, недостойный хорошей христианки — срывать злобу на бедном мальчике, который любил моего Тревиса, как брата, и лишился рассудка на войне.

— Может, если бы мы узнали, зачем он это сделал, нам стало бы легче, — говорю я.

Как только эти слова срываются с моих губ, у меня появляется идея — безумная, но идея.

Синие Волосы, — зовет Карлос, стоя в дверях. Пора встретиться с музыкой.

— Мм, ладно... сейчас, — говорю я Карлосу. — Вик, у меня сейчас урок, мне пора — извини. Но я тебе потом перезвоню. Хочу кое-что спросить про Гейба, ладно?

Когда я возвращаюсь в класс, остальные ученики пялятся в чистые листы бумаги, зачеркивают написанное и начинают заново. Но мне везет, первая строчка рождается в ту же секунду, когда я беру Ручку.

«Он независим, как ни старайся,
Разобьет тебе сердце — сама разбирайся...»

Глава 15

Я смотрю в окно на ровную, пыльную, знаменитую Трассу 66. Мы с мамой в Западном Техасе, в машине Вики, которая направляется из крошечного городка, где она живет, в город под названием Амарилло, где в специальной больнице для ветеранов лежит Габриэль Орtiz.

Мама планировала во время весенних каникул проехаться со мной по колледжам в Бостоне. Когда я спросила ее, сможем ли мы сначала съездить к Вики в Техас, чтобы я пообщалась с Габриэлем Орtizом для творческого проекта Кэмбера, она неожиданно быстро согласилась. Честно говоря, я вообще не ожидала, что она согласится. Но она сказала, что поговорит с лечащим врачом Гейба и узнает, как она отнесется к этой идее.

Мама изложила наши необычные обстоятельства врачу, которая затем захотела пообщаться со мной. Я рассказала ей о проекте, заменив интервью с «человеком, который отрицательно на меня повлиял» на «человека, который глубоко на меня повлиял». Я подумала, что это увеличит мои шансы на согласие доктора. Она ответила, что обсудит это с Гейбом.

На следующий день мы получили от нее письмо, в котором она попросила выслать список вопросов для согласования. Она также передала нам сообщение от Гейба, который сказал, что хотел бы встретиться со мной, потому что «Ал был отличным парнем».

Такого я не мама тоже. После всего этого дурдома с видео, мне кажется, мы обе решили, что Гейб — ужасный человек. Ни одна из нас даже не потрудилась поинтересоваться, насколько близко он был знаком с папой и как к нему относился.

Она купила нам билеты тем же вечером.

Когда Вики встречала нас в аэропорту в Амарилло, я сразу же узнала ее и ее пышную прическу — уверена, в честь моего приезда она сделала начес на пару сантиметров пышнее, чем обычно. Я начала махать ей, и как только она меня увидела, она залилась слезами.

— Слезы радости, девчонки, это слезы радости, — закричала она через зону выдачи багажа, — Наконец-то мы встретились, я аж дрожу от волнения!

Она обмахивает лицо руками, бросается к нам и обнимает нас двоих сразу. Я совсем не удивлена, что Вики любительница обнимашек.

— Ой, Кэтлин, какая ж ты хорошенькая, как торт на ужин, бурно восторгается она, вцепляясь в нас надолго.

Мы переночевали в ее маленьком домике, она приготовила нам нечто под названием «зажаренный в кляре стейк со сливочным соусом» и пирог с орехами пекан на десерт. Не думаю, что мама ела что-нибудь жареное после моего рождения, но она сказала Вики, что раньше любила такое — мне кажется, не соврала. Вики настаивала, чтобы мы с мамой легли спать в ее спальне, от чего мама пришла в ужас. Но потом Вики рассказала нам о тexasской гостеприимности и о том, как мы ее оскорбим, если не согласимся, и мама, наконец, сдалась.

Вики показала нам фотографии Тревиса и рассказала историю — как он с Гейбом

дотемна играл во дворе с пластмассовыми солдатиками, а потом они утащили из дома фонарики, чтобы играть в темноте. Прошло уже почти три года, а Вики до сих пор иногда говорит о Тревисе в настоящем времени, ловит себя на этом и переходит на прошедшее.

Сегодня мы проснулись и сразу же поехали в госпиталь в Амарилло, чтобы встретиться с Гейбом с утра пораньше.

— Смотрите в окно, девчонки, — говорит Вики с водительского места, — Это Ранчо Кадиллак. Вы про такое слышали на своем севере? Кто-то сделал его в 70-е. Вы должны понаделать там фото и отправить твоему парню, Розалита. Могу поспорить, ему понравится.

За окном я вижу ряд настоящих кадиллаков, выкрашенных в безумные цвета. Их носы закопаны в землю, а сами они стоят вертикально — похоже на Стоунхендж из автомобилей. Я делаю фото и отправляю Джейми с подписью: «Привет из дальних стран. Скучаю по тебе».

Хочется сказать больше, но не говорю.

Я жду ответа от Джейми — поедет ли он с нами в Бостон на несколько дней посмотреть Школу при Музее. Я сказала маме, что хочу, чтобы он поехал, потому что это может ему помочь передумать насчет экзаменов. Ей понравилась идея, и я позвала его с нами. Он сказал, что подумает.

Мы подъезжаем к Амарилло, и дорожное движение становится интенсивнее. Чувствуется, что мы снова в городе, а не посреди плоской засушливой равнины на Трассе 66. Такая местность по-своему красива — это грустная красота, но всё же красота. Я слышала, как многие говорят о Великих Равнинах в центре страны, что там не на что смотреть. Но я не согласна. Поразительное зрелище — смотреть на бесконечную землю, пока она не сольется с небом, и ты уже перестаешь понимать, что ты видишь. Это абсолютно открытое пространство, полное возможностей или опасностей, или и того, и другого сразу. Возникает ощущение, будто я могу вдохнуть столько воздуха, сколько захочу.

Равнина, в конце концов, переходит в здания, и мы приезжаем в больницу. У нее большая и оживленная территория — здесь много пожилых мужчин в бейсбольных кепках с приколотыми на булавки нашивками, сообщающие, к какому роду войск они относятся. За нами в очереди в регистратуру стоит серьезный мускулистый парень в футболке морского пехотинца, с протезами ноги и руки. Стараюсь не смотреть на него, но ничего не могу с собой поделать. И дело не в его протезах, а в его глазах. Его лицо и тело выглядят молодо — он не больше, чем на три-четыре года, старше меня — но его глаза мертвы. Он слишком многое видел.

Я думаю, именно это отличает людей, побывавших на войне, ото всех остальных, и именно из-за этого им так трудно снова вернуться к нормальной жизни. Интересно, каким бы стал папа, если бы вернулся — ему бы тоже было тяжело, хоть он и не был солдатом, и ему не приходилось делать ничего ужасного?

Регистратор подзывает нас. Вики вытаскивает нас из очереди, делает вид, что ищет что-то в сумочке, и уступает очередь морскому пехотинцу.

Когда мы показываем документы и записываемся в список посетителей, регистратор отправляет нас в корпус для душевнобольных, и Вики ведет нас туда. На пути мы видим много людей с протезами и женщину с ужасными шрамами на лице возможно от огня. Она рассматривает мое лицо без шрамов, не глядя мне в глаза, а потом отворачивается.

Доктор Гейба ждет нас в холле корпуса для душевнобольных.

— Привет, Вики, — говорит она.

Вики обнимает доктора, кажется, ее это настораживает, но она терпит.

— Доктор Корнинг, это Кэтлин Царелли и ее дочь Роуз. Вы все общались по телефону, так ведь?

— Мы общались, — говорит доктор Корнинг. — Гейб ждет нас в переговорной. Я сказала ему, что вы зайдете всего на пару минут. Роуз, ты вносила какие-нибудь изменения в вопросы, которые мне высылала?

— Нет, — говорю я, начиная немного нервничать. — Но у меня вопрос. Что, если он что-то скажет, и я захочу задать еще вопрос — это разрешается?

— Конечно, — говорит доктор. — Если я посчитаю, что вопрос сложный, я просто попрошу тебя двигаться дальше. Как тебе такой вариант?

Ее перебивает мама:

— Что вы понимаете под сложным вопросом?

— Все, что может его взволновать, я хочу избежать такого. Но буду честна с вами, он не может дождаться вашего прихода. Думаю, возможность извиниться перед вами будет для него очень полезна. Я только сейчас понимаю, что не продумала этот момент.

Смотрю на людей, ждущих приема, у всех такой же взгляд, как у парня, который стоял за нами в очереди в регистратуру. Не хочу, чтобы Гейб передо мной извинялся. То, что он сделал, теперь не кажется таким ужасным. Вся злость на него, которую я так долго чувствовала, почему-то превратилась в сожаление. Сожаление о том, что он теперь лежит в отделении для душевнобольных ветеранской больницы после попытки суицида и беспокоится по поводу моих чувств.

Смотрю на маму, которая читает мои эмоции, как открытую книгу. Она сжимает мою руку.

— Просто придерживайся своих вопросов, и все будет отлично.

Мы входим в переговорную — вот и он. Он не похож на монстра, плохого человека или того, кто хочет причинять боль другим. Он похож на парня немногим старше меня, с темными кругами под глазами, огромный накачанный больничным санитар стоит рядом. Точно не знаю, кого защищает санитар — нас или Гейба. Возможно, всех сразу.

На его запястьях нет бинтов, что заставляет меня задуматься, каким способом он пытался убить себя. А потом я задумываюсь, почему вообще хочу это знать.

При виде Вики у Гейба загораются глаза. Он встает, чтобы обнять ее — он просто огромный, примерно 180 сантиметров ростом, и с гигантскими мускулами. Санитар — ребенок по сравнению с ним. Вики практически не видно под его руками.

— Как сегодня себя чувствуешь, Гейби?

Его мощная грудь приглушает ее голос.

— Нормально, мэм, спасибо, — мягко говорит он.

Его слова звучат ненатурально, как будто его недавно научили так говорить, и он повторяет заученное.

— Всегда рад вас видеть.

— Хочу познакомить тебя с моими друзьями. Это Кэтлин и Роуз Царелли, семья Альфонсо.

Пристальный взгляд Гейба переключается на нас, и его глаза мгновенно наполняются слезами. Я делаю шаг назад, борясь с желанием спрятаться за маминой спиной и пугаясь неприкрытой боли, которая исходит от него. Это слишком... Слишком мне знакомо.

Доктор Корнинг тут же берет все в свои руки.

— Гейб? Все поймут, если ты не захочешь сегодня говорить.

— Нет, мэм, я в порядке, мэм, — успокаивает он доктора.

Он неуклюже подходит к нам и жмет руку маме.

— Приятно познакомиться, мэм, и с вами тоже, мисс, — говорит он мягким голосом, совсем не сочетающимся с его внешним видом.

— Он был офигенным парнем... простите за бедность речи... и мне очень жаль, что он погиб. Не знаю, почему Бог забрал такого человека... с семьей, такого умного и все такое... и оставил меня, — он трясет головой, будто пытается от чего-то избавиться. — Извините. У меня пара лампочек в голове перегорела, и я просто говорю всякую хрень... извините... которая приходит на ум.

— Мы понимаем, — говорит мама, все еще сжимая его руку.

Могу сказать, что ее растрогал этот огромный, похожий на плюшевого мишку, сломленный человек, который говорит такие хорошие слова о моем отце. Ей всегда хотелось защитить меня от воспоминаний незнакомцев о папе, но на самом деле, просто потрясающе слышать, как незнакомый нам человек рассказывает о нем — это возвращает его к нам.

Мы очень рады с тобой познакомиться, Габриэль, — мама искренне ему улыбается и гладит его руку, прежде чем отпустить, мы можем начинать? — спрашивает она у доктора Корнинг.

Доктор Корнинг в последний раз вопросительно смотрит на Габриэля, и он кивает. Мы все садимся за стол, за исключением охранника, который так и стоит рядом с Габриэлем. Похоже, мы должны притвориться, что не замечаем его.

— Давайте, мисс. Я готов к вашим вопросам, — говорит Гейб, скрещивает руки и опускает взгляд, словно готовится к наказанию.

Я смотрю на свой лист бумаги, и слова начинают расплываться. Зачем я это делаю? Мои боль и скорбь реальны, но они — лишь крошечная часть войны. Человек, сидящий напротив меня, был там, он был в грузовике, который взорвался, и видел своими глазами такое, о чем никогда не сможет говорить. И я явилась требовать ответов о видео, которое он выложил в интернете?

Какого черта я о себе возомнила?

Я смотрю в его большие карие глаза такие серьезные и дружелюбные.

— Я прошу прощения, надеюсь, я не потратила ничье время, но я не собираюсь задавать эти вопросы. Вы... Вы не заслужили, чтобы вас допрашивали.

Гейб смотрит на Вики и на доктора, а потом переводит взгляд на меня.

Ну, это хороший поступок и все такое, но у меня есть объяснение для того, что я сделал, и я как бы хочу рассказать, если вы не возражаете.

— Вы не должны ничего...

Мама перебивает:

— Роуз, пусть Габриэль скажет то, что он хочет сказать.

Гейб бросает взгляд на доктора Корнинг, которая смотрит на меня.

Я киваю.

— Да. Извините.

Гейб ерзает на стуле, на котором едва помещается, пытаюсь устроиться поудобнее.

— Я тогда был как бы не в своем уме, но не знал об этом. Я снимал на видео все — я вроде как помешался, так они это называли. Когда я приехал домой, мне снились эти видео, играли у меня в голове каждую чертову ночь... извините... и мне нужно было их остановить.

Я выложил их в интернете, потому что подумал, что это может помочь, ну, знаете, отправить их во внешний мир и все такое.

Он наклоняется вперед, откидывается назад и снова наклоняется вперед. Я слушаю так внимательно, что почти не дышу.

— Я хочу сказать вам и вашей маме, что я совсем не подумал о вас и теперь жалею об этом. Очень-очень жалею. Не знаю, как эти люди из телевизора узнали о видео, и не знаю, где они нашли мое имя, но я, блин, уверен... извините... что я им его не отправлял. В любом случае надеюсь, что вы сможете меня простить, и что, когда я отсюда выйду, я отплачу и вам, и мисс Вики.

Мы с мамой слишком ошеломлены, чтобы отвечать. К счастью, Вики перехватывает инициативу:

— Конечно, мы прощаем тебя, милый, и ты не должен делать ни единой вещи, чтобы нам отплатить — только приходи в себя и выбирайся из этого места. Без обид, доктор Корнинг.

— Я тоже хочу именно этого, — кивает доктор.

— В те дни я грустил, или злился, или что-то среднее. Не знаю, зачем я разгромил бар и подрался с теми ребятами. Мой док по

мозгам говорит, что иногда я принимаю плохие решения, потому что чувствую, что всегда должен грустить или злиться, и все из-за этого.

— Я знаю это чувство, — говорю я. — Это отстойно.

Все, включая охранника, смотрят на меня.

Гейб ухмыляется.

— Вы правы, мисс. Это совершенно точно отстойно.

Доктор Корнинг смотрит на часы.

— Еще что-то хочешь сказать, Гейб?

Гейб встает и берет меня за руку. Думаю, он собирался пожать ее, но он просто ее держит.

— Ваш папа был хорошим человеком и смешным тоже — всех смешил. И он по-настоящему гордился вами и вашим братом. Он показывал ваши фото всем, кому не лень. Говорил, что вы оба очень умные. И что вы далеко пойдете. Очень далеко.

Не могу ответить — боюсь заплакать, а это может плохо повлиять на Гейба. Я киваю и изо всех сил выдавливаю улыбку. Чувствую, что мама рядом со мной тоже старается сдержаться. Вики снова приходит на помощь.

— Спасибо, что поговорил с нами, Габриэль, — говорит Вики.

Вернусь к тебе завтра, хорошо, коть?

Гейб прощается, а охранник и доктор Корнинг выводят его из комнаты.

— Получила, что нужно для твоего проекта, Розалита? — тихо спрашивает Вики, когда они уходят.

Я наклоняюсь, опускаю голову на стол и плачу за всех нас.

Вечером дома у Вики, когда мама ложится спать, Вики делает мне прическу в своей гостиной. Она ждала этого с того момента, когда впервые отправила мне картинку с пышной техасской прической, а я сказала, что из моих волос такое не сделать. Она тогда ответила, что сделает мне укладку за долю секунды.

Свет в комнате выключен, горят только несколько гирлянд в виде пластиковых

перчиков халапеньо, которые Тревис однажды повесил на Рождество. Из кухни доносятся звуки радио: женщина объясняет, как готовить идеально прожаренную окру.

— Гейб оказался не таким, как ты думала, да? — спрашивает она, расчесывая мои волосы и готовя их к олд-скульному начесу.

— Вообще не таким, — отвечаю я.

— Мальчик сделал тебе больно. Тревис любил его, как брата.

Я сбилась со счета, сколько раз она мне это говорила, объясняя, почему для нее так важно помогать Гейбу. Мне хочется спросить о его попытке суицида, но я этого не делаю.

Думаю, нам и так достаточно } печали для одного дня.

}— Как твое пение, зай?

} Нормально, — говорю я. — Хожу на занятия по написанию песен, и думаю, как написать свою собственную. С группой ничего не вышло, поэтому сейчас я пою для себя.

} Думаю, Вики чувствует, что мне не хочется ничего объяснять. Она просто кивает, проводя расческой по волосам и поднимая флакон с чем-то под названием «Клейкий спрей. Фиксируй что угодно». Может, стоит зажать нос и рот?

} Знаешь, Розалита, ты как-то подозрительно молчишь про своего парня.

} — Джейми? Он хороший. Правда, хороший, — я сама слышу, что стараюсь говорить как можно позитивнее. — Я думаю, он может поехать со мной и мамой в наше турне по колледжам.

} Вики не попадает на эту удочку. Она выливает мне на волосы пол флакона липучки, а потом спрашивает:

} — Ты спишь с этим мальчиком?

} Я смеюсь.

} — Вот, значит, как ты обращаешься с клиентками в салоне?

} Она ставит флакон, берет прядь волос и начинает начесывать.

} — Ой, нет, милая. Будь ты в моем кресле в салоне, я бы уже знала ответ на этот вопрос.

— Ты смешная, Вик, — я надеюсь, что отвлеку ее, но она просто ждет ответа.

Наконец, я говорю:

— Нет, я с ним не сплю.

— Но хочешь.

Я хочу, она права. Я думаю об этом со Дня Святого Валентина. Не могу ничего с собой поделаться — мне интересно, как это будет.

— Ну, если бы я не хотела с ним спать, тогда мне бы вообще не стоило с ним встречаться, так ведь? — говорю я.

— Так что тебе мешает?

— Мы просто не... пока не готовы.

— Зай, ты себя имеешь в виду? Потому что я догадываюсь, что не его. Покажи мне парня, который не хочет секса, а я тебе покажу чили с фасолью и помидорами.

— Постой... в чили же добавляют фасоль и помидоры.

— Но не здесь, здесь не добавляют! Лучше запомни сейчас — тебя выгонят из штата, если такое скажешь, — ворчит она. — Так ты мне говоришь, что этот твой Джейми не хочет секса?

Я думаю о том, как целомудренно Джейми старается вести себя после Дня Валентина.

— Думаю, он хочет, чтобы все было правильно.

— Ну, это хороший знак! Он, наверно, джентльмен. Мне этот мальчик уже нравится.

Я делаю паузу буквально на долю секунды прежде, чем сказать:

— Он тебе понравится.

Вики не оставляет это без внимания:

— Хмммм. Продолжай.

Решаю, что если уж я могу говорить об этом с Конрадом, то с

Вики и давно.

— Он слишком много пьет.

Она внезапно прекращает начесывать мне волосы.

— Слишком много что, сладкая?

— Ну, он носит с собой фляжку. Иногда.

Вики кладет расческу, ставит флакон и обходит кресло, чтобы присесть передо мной.

— Нет, милая. Угу. Ты поняла меня? Не спи с ним, потому что твое сердце просто пойдет на поводу у тела, и где ты в итоге окажешься? В отношениях с алкоголиком, вот где. Послушай девушку, которая там была, вернулась, и привезла с собой только одну футболку. Ты не хочешь такой жизни.

После долгого молчания я спрашиваю:

— А что было написано на футболке?

— «Нельзя отрицать правду, увидев ее» большими блестящими буквами.

Вики хихикает, встает, гладит меня по плечу и возвращается к работе над моими волосами. Я смеюсь вместе с ней, радуясь, что она больше не видит мое лицо.

Глава 16

Уже почти полночь, когда я выскальзываю из номера отеля, который делю с мамой, принявшей снотворное, надевшей маску для сна и беруши. Спускаюсь на цыпочках в холл, в глубине души ожидая, что завоюет какая-нибудь сирена, и меня прогонят. Я психую, и вся на нервах, но по большому счету, я готова. Я хотела принадлежать Джейми во всех смыслах еще до того, как разобралась в своих чувствах к нему, и сегодня это наконец случится. Мне везет — он согласился поехать с нами в Бостон. Почему бы счастливой полосе не продолжиться?

Вики бы не одобрила.

В его комнате работает телевизор — интересно, что он смотрит? Странно, что я не знаю, какие передачи Джейми смотрит поздно ночью. Нужно ли знать такое о человеке, с которым собираешься лишиться девственности?

Но с другой стороны, если не считать того раза, когда я была не в себе, а он присматривал за мной, мы никогда не ночевали вместе.

Я просовываю руку под блузку и поправляю бретельки симпатичного, но до смешного колючего кружевного бюстгальтера, который помогли мне выбрать Трейси и Холли. Трусики из этого комплекта тоже довольно колючие, но здесь проблема может быть в том, что я немного перестаралась с эпиляцией. Стучу в дверь Джейми. Долго никакого ответа. А потом щелкают замки, и он появляется в дверях в джинсах и без рубашки.

Не то чтобы я ни разу не видела моего парня без рубашки, но сейчас все по-другому. Он без рубашки в дверях номера отеля, и у меня очень особенные планы, в которые входит потеря девственности. К тому же, он настолько красивый, что у меня замирает сердце, и он выглядит как... мужчина.

Я смущаюсь.

Напоминаю себе, что мне скоро семнадцать. Завтра. Я могу с этим справиться.

— Привет, — говорит он, умудряясь одним словом выразить все свои подозрения.

Привет, отвечаю я со всей невинностью, на которую способна.

С трудом удерживаю себя, чтобы не прикоснуться к гладкой коже на его груди, к мускулам на руках. Когда я училась в средней школе и ходила на хоккейные матчи Питера, я все время тайком наблюдала за Джейми — я до сих пор точно не знаю, хорошо ли мой брат играет в хоккей. Я всегда представляла, как выглядит Джейми после игры в раздевалке, как он стягивает кофту через голову, снимает защиту, потный после игры, с влажными волосами...

В те времена мое воображение на этом останавливалось.

Но не сейчас.

Прислоняюсь к дверному косяку.

— Можно войти на секунду? Мне нужно с тобой поговорить.

Он не двигается.

— Роуз, у тебя такой вид, как будто что-то случилось.

Против моей воли мой взгляд скользит по его груди к его животу. Я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Он похож на произведение искусства.

— У тебя тоже.

Он отвечает одной из своих особенных улыбок, от которой меня бросает в дрожь.

— Иди в свою комнату, — говорит он, хотя, к моему удовольствию, он явно доволен и немного польщен.

Как только он начинает закрывать дверь, я проскальзываю мимо него и в целях своей безопасности бегу к окну. Чем дальше я пройду, тем меньше у него будет возможностей меня выгнать. За окном горят огни бостонских небоскребов, если я буду действовать правильно, все получится романтично и просто идеально.

Я не поворачиваюсь, пока он не закрывает дверь. Он стоит перед ней со скрещенными на груди руками.

— Завтра мой день рождения, — начинаю я, воспроизводя первую строчку сценария, который мысленно составила в самолете из Техаса.

Вики полночи пыталась убедить меня не спать с Джейми, но меня это не остановило. Как только я вышла из ее дома, я начала думать, как это сделать.

— Угу, — говорит он, словно хорошо понимает, что происходит.

— Ты же еще не подарил мне подарок, да? Потому что я знаю, чего я хочу, — говорю я.

Внезапно мои слова кажутся мне супер пошлыми, но я продолжаю — других вариантов нет.

— Хочешь узнать, что это?

— Не знаю. А должен? — спрашивает он.

Он говорит немного раздраженно из-за того, что ему приходится подыгрывать мне, но он заинтригован. Возможно, даже слишком. И, возможно, слегка возбужден.

Я пришла к нему, и он это знает. И пусть даже он по неким причинам считает, что я должна максимально сохранять свою невинность, какой-то части его нравится мой настрой.

У меня снова появляется ощущение власти, той власти, которую я почувствовала, когда впервые к нему прикоснулась. Я оставляю безопасное место у окна, подхожу к нему и кладу руку ему на сердце. Чувствую, как оно бьется под моими пальцами.

— Это ты. На мой день рождения я хочу тебя.

— Я у тебя и так есть, — говорит он, держа руки скрещенными, хотя я к нему прикасаюсь.

— В каком-то смысле ты у меня есть, — отвечаю я. — Но не во всех смыслах.

В какой-то момент он догадывается, что я имею в виду, и обдумывает мое предложение, мы ускоряем ход вещей и сразу идем к торжественному финалу.

— Мы еще не — начинает отвечать он.

Я глажу его плечи, обнимаю за шею, встаю на цыпочки и затыкаю ему рот поцелуем. Сначала этот поцелуй милый и целомудренный, но потом...

В его дыхании нет запаха алкоголя. Я понимаю, что настояла бы на своем независимо от того, пил он или нет, и я бы была явно не первой девушкой, потерявшей невинность с пьяным парнем. Но я рада, что получится не так. Потому что я хочу, чтобы у нас было по-другому.

Я беру его руки и кладу его ладони себе на бедра, а он прижимает меня сильнее и целует меня так, как я целовала его. Похоже, все это не так сложно, как я думала.

Отхожу от него, снимаю блузку через голову и вылезая из джинсов, к счастью, не запутавшись в них. Я планировала сделать этот момент максимально сексуальным, но мне в очередной раз помешала стеснительность. Я стою в кружевном белье перед парнем, у меня никогда такого раньше не было. Но самое главное, что это не просто парень — это Джейми Форта, о котором я мечтала с тех пор, как впервые увидела его четыре года назад. Поэтому все, на что я способна, стоять и надеяться, что он посчитает меня сексуальной, и мне не придется делать что-то еще. Что бы это ни было.

Я вижу, как взгляд его золотисто-коричневых глаз скользит по мне от макушки до пяток, и это так не похоже на то, как смотрят на меня остальные. Чувствую себя красивой. Никогда не чувствовала себя красивой, но сейчас чувствую.

Когда его глаза снова встречаются с моими, я вижу в них желание.

А еще вижу, какая борьба идет у него в голове.

— Джейми, мне завтра исполнится семнадцать. Перестань думать обо мне, как об испуганной девятикласснице.

— Сейчас я уж точно так о тебе не думаю, — с улыбкой говорит он.

— Хорошо. Потому что я готова.

Моя уверенность ослабевает, когда он опять скрещивает руки.

— Роуз, мы не можем...

Перебиваю его:

— Мы можем.

Я наклоняюсь, лезу в карман своих джинсов и достаю презерватив.

Он слегка усмехается и опускает взгляд.

— Подготовилась, да?

— Я не буду ломаться. У меня не будет шока. Я хочу этого. Ты же тоже этого хочешь?

Он запускает руку в волосы. И не смотрит на меня.

— Разве нет? — спрашиваю я, начиная чувствовать себя совсем неуверенно.

Может, у меня совсем крышу снесло? Может, я все это время жила иллюзиями?

— О, Господи. Ты не хочешь.

Мне вдруг кажется, что я голая. Поднимаю с пола джинсы и блузку и иду в ванную, чтобы одеться. Джейми ловит меня за руку и останавливает.

— Ты же знаешь, что хочу, — говорит он, а его голос отзывается в моей груди.

Его рука скользит по моей, и наши пальцы переплетаются.

Я бросаю свою одежду и поворачиваюсь к нему.

— Ты меня любишь? — спрашиваю я.

Он закрывает глаза, как будто этот вопрос причиняет ему боль. Он все еще не может произнести заветные слова, но сейчас это даже хорошо. Я могу на этом сыграть.

— Если не можешь сказать, докажи, — я делаю глубокий вдох, готовясь произнести последнюю строчку моего сценария, завершающее шоу и закрывающую сделку. Займись со мной любовью.

Я планировала, что это прозвучит как требование, но получилось похоже, скорее, на просьбу.

На пару секунд мы оба замираем и пристально смотрим друг на друга, а мои слова висят в воздухе. А потом он медленно прижимает меня к себе. Он берет мое лицо в свои руки и целует меня так нежно, что сначала я даже не чувствую. Он ведет меня к кровати, и мы ложимся вместе. Такое что у меня сейчас сердце выпрыгнет из груди. Его сильные и теплые руки прижимают меня и скользят по моему телу, умудряясь быть во всех местах одновременно. Словно ему наконец-то дали разрешение или освободили от ответственности, и он делает со мной все, что ему так долго хотелось.

Я рада, что мы долго этого ждали, теперь такое чувство, словно это было неизбежно.

У меня перехватывает дыхание, когда он снимает с меня кружевное белье. Так приятно избавиться от него мне в нем непривычно. Он смотрит на мое тело, но я не стесняюсь. Возможно, потому что Джейми ничуть не стыдится и не смущается — его такие вещи никогда не смущали. А может, все дело в том, что я с человеком, который предназначен мне судьбой.

Закрываю глаза. Концентрируюсь на движениях его рук и губ, когда вспоминаю, что он еще одет.

Я протягиваю руку и пытаюсь расстегнуть его джинсы. Это непросто — руки трясутся. Он делает это за меня, снимая джинсы вместе с трусами. Теперь мы оба обнажены. Мне хочется посмотреть на него. Я почему-то сначала не решаюсь, но затем смотрю. И думаю только то, что это тело моего любимого, тело моего любимого...

Пару минут мы лежим, смотрим друг на друга, и ничего не делаем. Думаю, мы оба удивлены, что, наконец, дошли до этого, хотя причины нашего удивления могут быть и разными. Он рассматривает мое лицо, ожидая разрешения, которого он всегда ждет, а потом смотрит на меня еще раз, чтобы убедиться.

Я разрешаю.

Не было ни единого момента, когда бы я испугалась, или заволновалась, или расстроилась. Ни когда он спросил, готова ли я; ни когда он надевал презерватив для моей защиты; ни когда я почувствовала на себе всю массу его тела. Я доверяю ему полностью — и свое тело, и свое сердце.

Когда момент настает, когда я лишаюсь, девственности с человеком, которого так сильно люблю, я смотрю в его глаза. Как же поразительно видеть, что он так же уязвим, так же открыт, как и я. В некотором роде — не могу до конца понять, в каком — для него это тоже нечто новое.

Вот теперь я знаю, без всяких сомнений, что Джейми Форта меня любит.

Это написано на его прекрасном лице.

Глава 17

Когда Джейми, наконец, появляется на праздничном ужине в ресторане отеля, опоздав на час, в нем трудно разглядеть человека, с которым я была прошлой ночью.

Запах перегара от него чувствуется через весь зал.

Моя первая мысль поражает своей ясностью, хотя даже не знаю, с чего я это взяла. Думаю, то, что происходило между нами ночью, было совсем не началом. Это было концом.

Мысли начинают путаться...

Он бы этого не сделал. Или сделал? Я могу сохранить все в тайне, знаю, что могу. Мама с братом еще его не заметили. Должен быть способ удержать его, чтобы он все не разрушил, не показал всем, что происходит у него внутри... не продемонстрировал, что я сделала.

Получается, совсем не я была не готова ко всему этому. Это был он.

Я хотела провести всю ночь с ним, в его постели. Я и так долго тянула время, но в итоге мы оделись, и он проводил меня в холл. Он держал меня за руку, мы оба были босиком. Он спросил, все ли хорошо, а у меня не было слов, чтобы выразить, насколько все хорошо. Он поцеловал меня у двери и дождался, пока я зайду. Я так тихо, как только могла, пробралась к своей кровати и лежала без сна, пока не взошло солнце моего семнадцатого дня рождения.

День был идеальным. Мы были в Гарварде, Бостонском

Университете и Тафтсе, по которому нас провел брат. Потом поехали в школу при Музее изящных искусств. Мы пошли на экскурсию по кампусу, где останавливались во всех студенческих студиях, чтобы посмотреть, над чем они работают. Я задавала столько вопросов — все решили, что я хочу здесь учиться. Я все время говорила, что не я хочу, а Джейми. А он на все вопросы, которые ему задавали, отвечал односложно. Студенты, судя по всему, привыкли к людям, которые не особо любят слова, и никто не был против такого общения.

Я весь день просто летала в паре сантиметров над землей. Поэтому-то я и не поняла, что все пошло не так.

Когда Джейми видит нас за столиком, он, пошатываясь, идет к нам. Я начинаю подниматься, но меня опережает Питер. Он накрывает мою руку своей и говорит:

— Пусть он сядет. Так будет проще.

Не знаю, что именно будет проще, но делаю, как сказал Питер.

Мама поднимает взгляд только тогда, когда Джейми подходит к нашему столу и встает, держась за спинку предназначенного для него стула.

От него несет перегаром. У меня нет слов.

Мне стыдно — стыдно, что он пьяный стоит перед моей семьей, и стыдно, что я позволила этому случиться. Несколько месяцев я либо закрывала на все глаза, либо сама участвовала в том, что привело к этому моменту. Из своего опыта с Питером я знаю, что проблему должен решать сам Джейми, но мне нужно было сделать что-то или сказать. Я не должна была отмахиваться, отмахиваться и еще раз отмахиваться от всех нежелательных моментов.

— Джейми, ты в порядке? — спрашивает мама.

Пока она говорит, ее голос превращается в «психотерапевтический». Меня всегда возмущал этот голос, иногда я даже ненавидела его, но сейчас мне легче от того, что я его слышу.

Я в беспомощном состоянии.

Джейми не замечает маму и пристально смотрит на меня. Питер все-таки решает встать.

— Я — не ты, — ужасно тихим голосом говорит Джейми.

— Что... что это значит? — запинаясь я.

— Джейми, давай выйдем, — говорит Питер.

— Я не буду пересдавать экзамены. Я не пойду в колледж. Я не пойду в школу искусств.

Вся эта фигня закончится сейчас же.

Весь ресторан не сводит с нас глаз, и дело не в громкости голоса Джейми, он говорит так тихо, что я подаюсь вперед, чтобы его слышать. Все дело в атмосфере. Атмосфера вокруг нас изменилась.

Теперь встает и мама, я одна остаюсь сидеть. Не уверена, что ноги сейчас меня удержат.

— Давай выйдем и поговорим об этом, — говорит мама.

Джейми практически рычит:

— Никуда я не пойду.

— Полегче, — предупреждая говорит Питер, вставая между Джейми и мамой.

— Я с ним выйду, — говорю я, хотя даже не встала.

— Нет, не выйдешь, — говорит Питер.

Он хватается Джейми за руку, а Джейми с легкостью сбрасывает его руку, но не сразу. Теперь мы привлекаем внимание официантов и администратора, которые уже на пути к нашему столику.

— Какие-то проблемы? — спрашивает у мамы администратор.

— Наш друг немного перепил, я его выведу, — отвечает за нее Питер.

Думаю, это хорошая идея, администратор окидывает взглядом Джейми, явно замечая, что его камуфляжная куртка и массивные ботинки не подходят для ресторана в нашем модном отеле.

— Пит, давай я. Ладно? Все будет нормально, — говорю я, хотя не уверена, что так и будет. — Мне нужно с ним поговорить.

Я берусь за сто и с трудом поднимаюсь. Иду к выходу из ресторана, а Джейми за мной. Мама с Питером идут за Джейми. Они остаются в холле, но я вижу, как они наблюдают за нами через большое окно, выходящее на улицу.

Когда мы с Джейми спускаемся по ступенькам крыльца отеля, я спрашиваю единственное, что пришло мне в голову:

— Почему?

Его пылающий взгляд приковывает меня к месту — в нем не осталось и следа от того, что было в его глазах прошлой ночью.

— Ты меня выставила идиотом в этой школе.

Я не выставляла его идиотом. Разве я это сделала?

Стараюсь настоять на своем:

— Джейми, ты когда-нибудь туда поступишь. Думаешь, талант есть у каждого? У большинства его нет. Но у тебя есть. Он делает несколько шагов ко мне.

— Ты знаешь, что я не вписываюсь в такие места.

Я поднимаюсь на одну ступеньку, чтобы сохранить дистанцию между нами и казаться выше.

— Я не... Мне без разницы, поступишь ты туда или нет. Я просто...

— Ты хочешь, чтобы на моем месте был какой-то другой хренов парень.

Меня чуть не убивают его слова. Приходится перевести дух, чтобы придумать ответ.

— Ты знаешь, как долго я ждала, чтобы быть с тобой? Я просто пытаюсь показать тебе, что ты можешь уехать из Юнион... что ты должен уехать.

— Мне не нужен твой выбор. Я — не ты.

Моя злость перечеркивает всю симпатию, которую я к нему чувствую.

— Знаешь что? Ты прав. Ты — не я, ты сильнее, и у тебя обычно больше мужества, чем у меня. Но сейчас? Ты трус.

Джейми резко отворачивается от меня и бьет кулаком первое, что он видит — кирпичную колонну на крыльце. Что-то хрустит, и я ахаю, как будто это я только что сломала руку. Но это не имеет значения — сейчас он не чувствует ничего, кроме ярости.

Регина однажды сказала, что я считаю себя слишком хорошей для Юнион и слишком хорошей для Джейми, и, в конце концов, я просто оставлю его в прошлом. Она была права? Я пытаюсь наставить Джейми на путь истинный, потому что не хочу оставлять его в прошлом?

Или история повторяется — в очередной раз Джейми разбивает мне сердце, уходя по той или иной причине?

Возможно, оба варианта отчасти правильны. Джейми не может быть со мной, потому что не может вынести мою любовь к нему и желание самого лучшего для него. Он не может вынести мою веру в него — это слишком на него давит.

Он не думает, что может быть человеком, которого я в нем вижу, или просто не хочет им быть. Как бы то ни было, результат один.

Я смотрю, как Джейми растворяется в темноте парка на другой стороне улицы.

Все, чего мне сейчас хочется, свернуться клубочком в кровати. Мы только вернулись домой, я измотана, растеряна, и практически в бреду после двух бессонных ночей подряд. Но я сказала Холли, что пойду с ней сегодня на тусовку к Кэлу. По непонятной причине ей очень важно туда пойти.

Пока мы едем в центр города, я рассказываю ей о бостонской катастрофе.

— Постой, — говорит она, пытаясь все это осмыслить. — Ты его там бросила?

Не обращаю внимания на свой желудок, завязывающийся в узел.

— А что мне еще было делать, Хол? Он написал, чтобы я уехала. И как сказала мама, он взрослый человек. Хотя я считаю, что с этим можно поспорить.

Сегодня утром после почти бессонной и тревожной ночи, Джейми прислал мне сообщение, чтобы мы ехали домой без него, так как он поедет на поезде. Он не написал ни где провел ночь, ни где ему осмотрели руку.

Маме было непросто уговорить меня поехать без него, но в итоге я согласилась. По дороге домой в машине творилась просто жуть. Мама спрашивала про пьянство Джейми, а я рассказывала, что с ним происходит. Она подтвердила то, что я уже знала, но отказывалась принять — он болен и нуждается в помощи. И пока я думала, что помогаю, пытаюсь показать ему его будущее, я лишь нажимала на целую кучу кнопочек, которые вполне можно назвать «саморазрушением».

Иногда не так уж плохо, когда твоя мама — профессиональный психотерапевт.

— Как дела с Кэлом и Робертом? — спрашиваю я, отчаянно желая сменить тему.

Пока мы стоим на светофоре, Холли несколько секунд обдумывает ответ. Судя по всему, у нее тоже есть новости.

— Мм, сложно сказать... Но мы гуляли с Робертом на каникулах, когда папа был здесь. И мы целовались.

Роберт должен с ума сходить от радости.

— Так ты встречаешься с обоими? Она опускает голову на руль.

— Это ненадолго. Мне поэтому и нужно сегодня увидеться с Кэлом.

Машина позади нас сигналит — горит зеленый. Холли жмет на газ.

Даже мне немного приятно знать, что «Операция по Спасению Холли» работает.

Я слегка улыбаюсь, смотря в окно, мой город постепенно удаляется, уступая место Нью-Хейвену. Когда я была младше, Нью Хейвен казался мне недостижимой страной возможностей. А теперь он кажется мне частью места, где я живу. Может, дело в том, что мне семнадцать — почему-то я чувствую себя намного взрослее, чем в шестнадцать.

Наверно, потеря девственности сыграла в этом свою роль.

Я отчаянно стараюсь отделить события этой ночи от событий прошлой не хочу, чтобы пьяный Джейми затмевал трезвого Джейми.

Сейчас они для меня, как два разных человека.

Когда мы приезжаем, нам приходится проходить в общежитие через задний вход, чтобы у нас не спросили документы. Тусовка неслабая — заняты комната отдыха, холл и несколько комнат.

Кэл замечает Холли в тот же миг, когда мы заходим, и направляется прямо к нам. Он загорел — только что вернулся с весенних каникул, которые проводил с компанией друзей, и впервые видит ее после недели отсутствия. Он обнимает ее, отрывает от земли и кружит. Когда он ставит ее на землю, она берет его за руку и уводит от толпы в уголок, чтобы поговорить.

Надеюсь, мы долго здесь не пробудем, и я наконец-то лягу спать.

Примерно через полминуты я слышу голос Кэла на фоне музыки. Они с Холли спорят. Не слышу, что именно он говорит, но понимаю, что он в бешенстве — должно быть, она рассказала ему о поцелуе с Робертом. Я вижу, что она держится спокойно, объясняет ему ситуацию, но он просто помешался от злости и не слушает. На них начинают обращать внимание окружающие. Друзьям Кэла все это кажется забавным.

Достаю телефон, набираю Роберта и оставляю ему голосовое сообщение: «Мы в центре, на тусовке у Кала, и наконец-то все случилось. Буду держать тебя в курсе, куда мы поедем — не думаю, что долго здесь пробудем».

Кэл в прямом смысле слова устраивает истерику, а Холли становится только спокойнее. Толпа растет, и всем безумно смешно, потому что Кэл делает из этого настоящий спектакль. Интересно, они смеются над ним или над самим фактом, что он так расстроился из-за бросившей его девушки-старшеклассницы? Надеюсь, оба варианта верны.

Я дам им еще минуту, а потом уведу ее отсюда. Прислоняюсь к стене и оглядываюсь вокруг, довольная своей незаметностью. Хоть мне и кажется, что семнадцать очень далеко от шестнадцати, все эти люди определенно старше меня.

В одном из дверных проемов стоит девушка и разговаривает с кем-то в комнате. Когда она перебрасывает свои блестящие волосы через плечо, я понимаю, что это Рейчел. Не видела ее с тех пор, как меня на нее вырвало на выставке. Тем вечером я вела себя не самым элегантным образом. Но если подумать, это мало чем отличалось от поведения Джейми другим вечером.

Себе на заметку: возможно, Питер был прав возможно, алкоголь не помогает мне показать свои лучшие стороны.

Думаю, пора извиниться. Мне же это ничего не стоит. Я подхожу к ней и трогаю ее за плечо. Она оборачивается и пару секунд не может меня узнать. А потом ее лицо расплывается в неприятной улыбке, она отходит от двери, и мне открывается прекрасный вид на человека, с которым она общается.

Джейми.

— Джейми, ты мне не сказал, что она придет, — говорит она с интонацией, прекрасно сочетающейся с ее фальшивой улыбкой.

— Я и сам не знал, — говорит Джейми, не сводя с меня глаз.

— Это Роуз, да? — спрашивает его Рейчел.

Ооо, да, она хороша — я уже забыла, как хороша. Пытается вызвать у меня чувство, что я недостаточно интересна, чтобы меня помнить. И это работает.

С момента знакомства с Рейчел у меня было ощущение притворства. Она притворялась, что хорошо ко мне относится, что я ей нравлюсь, что ее интерес к Джейми — это ничего не значащий флирт без какого-либо реального основания, потому что она бы никогда... И, конечно, все это означает, что мое присутствие в ее жизни ей совсем не угрожает.

Но, похоже, она решила, что больше нет смысла притворяться. И я не удивлюсь, если это как-то связано с моим выступлением на ее выставке пару месяцев назад.

Игры закончились. Ну что ж, справедливо.

Она поворачивается к Джейми, берет его здоровую руку и сжимает ее, говоря:

— Даю вам две минуты на разговор.

Она уходит, не оглядываясь, и оставляет меня в раздумьях: что же сказал ей Джейми, что у нее создается впечатление, будто нам нужно поговорить?

Я смотрю на его другую руку. Она неаккуратно замотана эластичным бинтом с криво наклепленным пластырем — видимо, он сам это сделал.

— Ты нормально добрался из Бостона?

— Как видишь.

— Спасибо, что сообщил.

Тишину между нами заполняет шум вечеринки.

— Ты хочешь мне что-нибудь сказать по поводу нее?

— Например? — спрашивает он.

Качаю головой. Это больше всего меня бесит в Джейми, бесит, несмотря на всю веру в него.

— Давай не будем притворяться, что ты понятия не имеешь, о чем я спрашиваю, чтобы мне не пришлось объяснять. Просто скажи, что происходит.

— Она пригласила меня на эту тусовку.

— Когда? — спрашиваю я.

— Сегодня.

— Значит, сегодня ты говорил с ней об этой тусовке, но не потрудился сказать мне, где ты и как ты? После того, как заставил меня бросить тебя в другом городе, потому что тебя бесит, когда я пытаюсь тебя поддержать?

Джейми смотрит на меня самым жестким из своих взглядов.

— Так вот что это было?

Мы никогда не найдем общий язык, никогда. Сейчас я это вижу. Возможно, мы оба правы, и оба неправы — истина, как всегда, кроется где-то посередине.

— Может, ты этого не понимаешь, потому что тебя раньше никто не поддерживал, но да. Вот что это было.

На вечеринке становится таклюдно, что нас начинают толкать со всех сторон, но я решаю не откладывать этот разговор.

— Если тебя так сильно бесит все, что я делаю, зачем ты тогда спал со мной той ночью?

Через несколько секунд он отвечает:

— Я парень, Роуз.

Это удар под дых.

Я знаю, что он не это имел в виду. Уверена, как ни в чем другом. Стараюсь уцепиться за эту уверенность просто, чтобы отвлечься от его отвратительных слов.

— Я знаю, что ты делаешь.

Он молча выдерживает мой пристальный взгляд.

— Я вижу твое будущее, в котором нет подачи напитков этим людям и жизни с твоим отцом, и тебя это пугает. Тебе проще потерять меня сейчас и покончить с этим. Вести себя так, будто та ночь ничего для тебя не значит, намного проще, чем дать мне понять, что значит.

Возвращается Рейчел посмотреть, как там Джейми. Боковым зрением я вижу, что она стоит неподалеку и ждет, когда ее заметят. Ни один из нас не смотрит в ее сторону.

}— Продолжай в том же духе, — говорю я. — Уходи. Но даже если ты пойдешь домой с ней... даже, если ты переспишь с ней, если уже не переспал... я от тебя не отстану.

} Уходит не он. Ухожу я. Я даже не утруждаю себя взглядом на Рейчел — с ней и так все ясно. Пока ищу Холли, я без конца мысленно прокручиваю диалог с Джейми. Вскоре меня уже чуть не трясет от злости. В конце концов, после часа проталкивания через толпу, я нахожу Холли, и я в бешенстве.

} Кэл до сих пор держит ее в углу. И у него такой вид, словно он готов еще к нескольким раундам.

} Ну и я не хуже.

}— Холли! Пошли отсюда.

}— Мы еще не закончили, — рявкает на меня Кэл.

}— Вы закончили? — спрашиваю я Холли. — Отлично. Идем, говорю я, не дожидаясь ответа.

}— Подожди минутку... — начинает Кэл.

} Набрасываюсь на него:

}— Сколько раз она еще должна сказать, что не хочет с тобой быть?! — кричу я, — Иди, ищи Рейчел. Может, с ней тебе сегодня повезет.

} У Кэла челюсть падает, когда я беру Холли за руку и веду к задней двери, через которую мы вошли.

}— Роуз... ой! — она выдергивает руку. — Что происходит? У тебя все нормально?

— Прости, Холли, я просто...

Не знаю даже, с чего начать. Мы спускаемся по лестнице, и у меня звонит телефон — перезванивает Роберт.

— Мы уезжаем, — говорю я, отвечая на звонок.

Рози? Это... вы должны... — его голос заглушают сирены, завывающие на фоне, а затем какие-то суматошные голоса.

— Ты где? — я зажимаю ладонью другое ухо, как будто это поможет мне лучше слышать.

— Вы на той вечеринке?

— Мы уходим оттуда.

— Я недалеко, — говорит он. — Ехал в центр, а тут авария, очень серьезная.

— Блин, Роберт, ты в порядке?

Холли встревожено смотрит на меня:

— Роуз, что происходит?

— Это не я... со мной все нормально, — говорит Роберт, крича в трубку, так как сирены воют громче. — Розы, я остановился, потому что думаю... что это машина Джейми. }

Глава 18

Палата в реанимации — это спокойное и большую часть времени тихое место, если не считать пиканья и жужжания. Плакающие звуки не похожи друг на друга, и это странно, потому что они исходят от одинаковых аппаратов, стоящих во всех палатах. Есть еще одна разновидность аппарата — такие стоят только в некоторых палатах, они гудят и свистят, как виолончели на фоне пищащего многоголосия. Отдаленным хором звучат голоса медсестер, их громкость и интонация то взлетают вверх, то падают вниз, периодически они выходят на передний план этой музыки. Их быстрые и легкие шаги в коридоре играют роль ударных.

Анализ реанимационной симфонии успокаивает меня, пока я сижу без сна у кровати Джейми и жду, когда он очнется. Я держу его за руку. Она тата холодная, как будто не его.

Восходит солнце — я просидела здесь всю ночь. Мама заходит и выходит, приносит мне поесть и попить, пытается уговорить меня с ней прогуляться, обсуждает что-то с медсестрами и врачами, словно она мама Джейми. Я не покидаю свое место рядом с Джейми, пока не попросят медсестры, а они делают это довольно часто, потому что посетителям не положено постоянно находиться с пациентами реанимации они слишком больны или травмированы, чтобы принимать гостей, которые истощают их силы и могут занести инфекцию. тому же, медсестрам нужна уединенная обстановка, чтобы регулировать аппараты или ухаживать за пациентами.

Но не все медсестры уверены, что критическим больным не нужны посетители. Здесь есть большой и высокий медбрат по имени Джордж. Сейчас его смена, и мне вообще можно не выходить из палаты. Он все время говорит мне, что я должна разговаривать с Джейми, что Джейми может меня слышать, и это поможет ему понять, что я рядом.

Но мне нелегко сказать что-нибудь Джейми.

В какой-то момент приходил папа Джейми, но заявили копы, увели его куда-то поговорить, и он не вернулся. Он почти со мной не разговаривал — теперь я понимаю, от кого Джейми достался такой стиль общения — но мне кажется, увидев мои заплаканные глаза, он довольно быстро сообразил, что я люблю его сына.

Красивое лицо Джейми полностью разбито, покрыто ранами, швами и синяками. У него сломан нос и синяки под обоими глазами. На месте эластичного бинта теперь гипс, закрывающий всю руку; одна его нога тоже в гипсе до самого бедра. Его прооперировали, и теперь он напичкан спицами, которые удерживают переломанные кости, чтобы они правильно срастались.

Все говорят, что Джейми повезло. Похоже, они удивлены, что он вообще выжил.

Но это еще не самое плохое, самое ужасное для меня — это уродливая пластиковая трубка, выходящая у него изо рта и подключенная к одной из жужжащих и свистящих машин. Она дышит за него с тех пор, как его привезли из операционной. Когда он проснется, ее уберут, если все будет нормально.

Я хочу, чтобы он сейчас проснулся и увидел рядом меня, как я присматриваю за ним так же, как он за мной, когда я спала после одного из худших моментов в своей жизни.

Не знаю, пил ли Джейми прошлой ночью. Копы, заявившиеся в реанимацию, наводят на мысли, что пил, но с другой стороны, они могли быть просто друзьями его папы, которые

пришли его навестить. На вечеринке у Джейми не было в руках напитков, но когда у тебя всегда при себе алкоголь, тебе не нужно дешевое разливное пиво. Пытаюсь вспомнить, когда у Джейми последний раз была с собой фляжка — догадываюсь, что в Бостоне, хоть я ее и не видела.

В аварии не было других машин, и он единственный пострадавший. Его машина вылетела с дороги, пробила ограждение и врезалась в стену. Ремень не был пристегнут, а подушек безопасности в таких старых машинах не бывает — доктор сказал, что он еще легко отделался переломами руки, ноги и грудины, коллапсом легкого и серьезным сотрясением мозга. Его крутило внутри автомобиля, как белье в стиральной машинке.

Входит мама с двумя одноразовыми кофейными стаканчиками, я чувствую запах горячего шоколада от одного из них. Сейчас май, но из-за кондиционеров в больнице холодно, как на Северном полюсе, поэтому мы пьем много горячего, грея замерзшие руки о стаканчики. К тому же, кофеин помогает не спать.

Она протягивает мне стаканчик и садится на край свободного стула рядом со мной.

— Милая, врач сказал, что они точно не знают, когда он очнется. И какое-то время он не сможет разговаривать после этой трубки в горле, — она заправляет прядь волос мне за ухо. — Может, мы пойдем, а ты потом позвонишь Джорджу и узнаешь, как он?

— Мам, мне нужно быть здесь, когда он проснется.

Тебе нужно поспать и поесть чего-нибудь не из автомата. Джейми бы хотел, чтобы ты себя берегла.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, что у него есть к тебе чувства. Я это вижу, — говорит она.

Думаю, что и я вижу, если уж на то пошло.

— Что там случилось? Ты что-нибудь узнала?

Она вздыхает.

— Они взяли анализ — проверить, был ли у него алкоголь в организме, но не говорят о результатах. Сейчас идет полицейское расследование, потому что на Джейми уже есть досье.

Ее глаза наполняются печалью — печалью обо мне — и у меня текут слезы, которые я сдерживала с того момента, когда мы с Холли сели в ее машину после звонка Роберта.

Сначала я надеялась, что Джейми не был пьян во время аварии, потому что тогда у него не будет проблем из-за вождения в пьяном виде. Но чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю: у Джейми, если он не был пьян, гораздо более серьезные проблемы, чем мы можем представить. Что могло заставить его так свернуть с дороги и врезаться в ограждение? Других машин не было. Льда и снега уже несколько недель нет на дорогах. Даже дождь не шел.

Если он не был пьян, он сделал это специально.

Солнце уже почти на горизонте, а его оранжевые лучи светят через окна и падают на пол.

— Если бы я так сильно не давила на него, этого бы не случилось.

Мама обнимает меня.

— Роуз, пожалуйста. Ты с самого начала знала, что Джейми — сложный мальчик, которого нелегко понять. Думаю, отчасти поэтому он тебе и нравится. Но он уже много лет был предоставлен сам себе, причем в очень тяжелых ситуациях. И ты тут ни при чем. Я уверена, что ты, как яркая вспышка в его жизни.

— Ты знаешь о нем больше, чем я.

Она улыбается.

— Послушай меня и поверь, мне тоже приходилось невероятно трудно, когда я старалась его разговорить. А сейчас ты, наверно, главный мировой эксперт по Джейми. Что бы с ним ни случилось, это произошло не из-за тебя, а из-за него. Если ему не понравилась твоя идея поехать с ним в Бостон, ему не надо было ехать. Он достаточно взрослый, чтобы сказать «нет», если он не хочет что-то делать. И достаточно взрослый, чтобы знать, как важно общение для настоящих отношений.

— Но откуда ему это знать? — спрашиваю я. — Ты только что сказала, какая сложная у него была жизнь.

— Единственное, что я знаю о Джейми, что он разбирается в людях. Он видит, что творится вокруг. В определенный момент ты начинаешь оставлять позади свое прошлое и свое воспитание и просто становишься тем, кем решил. Я тебе гарантирую, в один прекрасный день он скажет тебе, что это не твоя вина, — она встает и потягивается, расправляя плечи, затекшие после ночи в больнице. — Давай, поехали домой. Тебе завтра в школу...

Я недоверчиво смотрю на нее.

— Я не могу идти в школу, пока Джейми здесь.

— Роуз, ты должна написать годовую контрольную для Кэмбера, ты должна вернуться на курсы по созданию песен...

Я начинаю протестовать, но она качает головой, не терпя возражений.

— Нет. Хватит цепляться за Джейми. Это и так тянется слишком долго, пора все менять и начать прямо сейчас.

Такое ощущение, что она говорит на иностранном языке.

— О чем ты говоришь?

Она смотрит на Джейми на больничной кровати и смягчает тон:

— Просто говорю, что если хочешь, чтобы Джейми управлял своим будущим, ты сама должна управлять своим. Подавай ему хороший пример. Нам всем нужно двигаться дальше по жизни.

Как только она это говорит, я понимаю, что она приняла решение — мы переезжаем в Лос-Анджелес.

И понимаю, что на нее повлияла авария Джейми. Из-за нее она решила, что нам действительно нужно убираться отсюда — точнее, не нам, а мне. По ее мнению, меня не оказалось в машине по чистой случайности.

Я поднимаю на нее взгляд, и меня тошнит от избытка горячего шоколада и крекеров из автомата.

— Мы едем в Лос-Анджелес, да?

Она удивлена, что я выудила эту информацию из ее короткой речи. Могу сказать, что она не собиралась поднимать эту тему здесь и заставлять меня обсуждать переезд из Юнион, когда мой парень лежит под наркозом в реанимации.

— Давай поговорим в машине, — говорит она. — Джейми нужно отдохнуть.

— Я не хочу родить.

Смотрю на Джейми и мысленно умоляю его открыть глаза, чтобы я могла остаться с ним и спросить, что, по его мнению, я должна делать. Но это бесполезно.

Я сама по себе.

Поддаюсь маминым просьбам и встаю, чтобы уйти. Когда я поворачиваюсь к двери, я вижу в коридоре Трейси, Холли, Роберта, Стеф и Анджело. Джордж загораживает дверь, объясняя, что в палате у Джейми могут быть только два посетителя одновременно, даже если Анджело — «брат Джейми от другой матери».

Мне придется оставить своих друзей в прошлом — всех, кроме Холли. Я знаю Трейси почти всю свою жизнь, а Роберта — с шестого класса. Стеф и Анджело были моими товарищами по группе — они для меня, как семья. Все они для меня, как семья.

Все, что я знаю о жизни, это потери, и перемены, и новые } начинания, снова и снова и снова, даже если не уверен, что у тебя получится. Ты вынужден идти дальше и резать по живому, оставляя любимых людей в прошлом — как живых, так и мертвых.

} Я опять поворачиваюсь к Джейми, наклоняюсь и целую его в единственное здоровое место на щеке.

} Аппарат продолжает дышать за него

ЛЕТО

Глава 19

— О, чувак, смотри, тут твоя маленькая милашка-коротышка. Давай, поживей.

Я привыкла, что Коулман так приветствует меня своим громогласным голосом, заставляющим всех оторваться от своих дел и посмотреть в мою сторону.

Машу рукой, входя в зал для лечебной физкультуры, а в ответ звучит хор голосов:

— Привет, Роуз.

Такое ощущение, будто я здесь всех знаю, хотя Джейми лежит в этом реабилитационном центре всего неделю. В углу сидит Мэри Маргарет со своим мужем Солом, перенесшим инсульт, сегодня он заново учится держать вилку. Сара передвигается взад-вперед, держась за брусья — она учится ходить. Глен в инвалидном кресле занимается в искусственной кухне, тренируясь открывать дверцы шкафов, не задевая свои ноги.

Для Джейми они уже, как семья. Особенно, Коулман специалист по ЛФК.

В первый раз, когда я пришла, Коулман представил меня всему залу как «коротышку Джейми», и Джейми по-настоящему засмеялся, от души. Коулман смешит Джейми, как никто другой. Не знаю, как ему удалось настолько быстро проникнуть в круг избранных Джейми, если бы он мне так не нравился, я бы даже ревновала. Но он делает для Джейми все, что только может, и Джейми становится лучше, а это важнее всего.

У Джейми загорелись глаза, а может, из них просто ушел весь мрак. Когда я впервые это заметила, меня это смутило — не понимаю, как близость к смерти могла положительно повлиять на Джейми. Но авария многое изменила в его жизни, и эти перемены были нужны. Как ни странно, отец навещает его каждый день, а Джейми теперь вынужден заботиться о себе, чтобы вернуть свое тело в норму.

Он хорошо выглядит — выглядит счастливым даже сейчас, когда он весь вспотевший, мучается от боли и работает над собой серьезнее, чем когда-либо в своей жизни. Счастье очень идет Джейми, оно делает его еще привлекательнее, если такое возможно. Но больно признавать, что я ни разу его таким не видела раньше. Это заставляет задуматься о том, что я ему дала за все время нашего общения. И вообще, давала ли я или только брала?

— Все хорошо, Джейми, давай, ты можешь лучше. Давай вверх. Выше. Ты же не сдашься, когда рядом стоит твоя девушка, так?

Коулман подмигивает мне из-за головы Джейми. Этот гигант играл в футбол в команде Университета Луизианы, и когда он помогает Джейми встать с инвалидного кресла, создается

впечатление, будто он поднимает пакет с продуктами.

Джейми поднимает из-за головы руку с маленькой гантелькой. Она весит примерно полкило, но ему так тяжело, словно в ней килограммов двадцать. Его серая футболка вся пропиталась потом и прилипла к спинке инвалидного кресла. У него до сих пор большой гипс на ноге, но на руке уже мягкая повязка, и Коулман заставляет его работать над верхней частью тела почти каждый день, а иногда — два раза в день.

Джейми пробудет здесь еще две недели, а потом, наконец, сможет поехать домой. Но для нас это ничего не изменит, к тому времени я уже уеду.

Мы с мамой улетаем в Лос-Анджелес завтра утром.

Это последний шанс уговорить его переехать, когда ему станет лучше — сегодня я последний раз пришла в реабилитационный центр, и неизвестно, сколько еще я его не увижу.

— Чувак, если ты не поднимешь руку выше, я тебя заставлю делать все подходы сначала, и ты пропустишь ужин, а я знаю, как ты любишь нашу резиновую лазанью, ты же не хочешь остаться без нее. Выше. Давай, давай. Не позорься перед своей девушкой. Она же здесь.

Всегда, когда я рядом, Коулман использует меня, как средство мотивации для Джейми. Сначала меня это смущало, казалось, что Коулман при помощи меня смеется над Джейми, но когда я начала внимательно за ним наблюдать, поняла, что Коулман знает свое дело и умеет мотивировать пациентов. В первый же день он отвел меня в сторону и объяснил, что в случае с Джейми, ему полезно знать, что любящие его люди присматривают за ним и переживают за него. Он сказал, чтобы я болталась здесь как можно дольше, хоть Джейми и никогда не признается, что ему нравится, когда я наблюдаю за его занятиями.

— Как думаешь, Роуз? Джейми сейчас такой горячий, да?

Коулман хлопает Джейми по здоровому плечу, несмотря на то, что Джейми все еще старается поднять гантельку над головой. Пристальный взгляд Коулмана переключается на меня, давая понять, что он ждет ответа на вопрос.

— Он выглядит потрясающе, — говорю я.

Рука Джейми дотягивается до Коулмана, и Коулман издает вопль, на который поворачиваются все головы. Даже пожилые люди со слуховыми аппаратами хотят посмотреть, что за шум. Когда все понимают, что Джейми добился какого-то результата, они аплодируют. У меня появляются слезы на глазах, из-за чего я чувствую себя полной дурой.

— Я же говорил, чувак. Просто продолжай в том же духе. Неплохо сработал, неплохо. Да, Роуз? Это было очень хорошо. Мы мигом вернем этого парня в форму, — Коулман поднимает руку и дает Джейми «пять». — Вечером отдохни. Если думаешь, что сегодня было тяжело, на завтра я приготовил неслабые пытки.

Коулман еще раз подмигивает мне и начинает собирать грузы и веревки, которыми они пользовались на занятии.

Я беру чистое полотенце из стопки на столе и протягиваю Джейми.

— Я не просто так это сказала. Ты потрясающе выглядишь.

Джейми улыбается мне.

— Коулман тебе платит.

— Не думаю, что Коулман вообще кому-то за что-то платит. Люди просто слушаются его.

— Ты заметила, да? — он вытирает пот с лица и смотрит на свою футболку.

— Хочешь, отвезу тебя в палату переодеться?

— Спасибо.

Я встаю позади него и берусь за ручки кресла. За последние несколько недель я делала это много раз — и здесь, и в больнице — но мне все еще некомфортно, ведь это большая ответственность. Я осторожно качу Джейми по коридору. Все, мимо кого мы проезжаем, здороваются с ним, и он здоровается в ответ.

Когда мы приезжаем в его палату, я ставлю кресло боком рядом с кроватью, блокирую колеса и помогаю ему встать, как мне показывал Коулман. Когда он выбирается из кресла, он поднимает здоровую руку, и я медленно поднимаю его футболку и снимаю ее через голову и эту руку, а потом стягиваю через другую руку, чтобы ему не пришлось ее поднимать. Мне до сих пор тяжело смотреть на раны и корки на его теле, которые медленно превращаются в ярко-лиловые шрамы.

Проверяю их, чтобы убедиться, что ничего не воспалилось, хотя медсестры и так делают это по несколько раз в день. Беру у него из рук полотенце и мягко промокаю его грудь, спину и шею. Пока я это делаю, мы оба молчим — теперь это наш особый ритуал. Кладу мокрую футболку в мешок для грязного белья, который принес его папа — сегодня вечером он его заберет — и беру из комода чистую рубашку. Помогая ему одеться, я сижу рядом с ним на кровати и понимаю, что он немного клонится набок. Он совсем вымотался.

— Хочешь лечь?

Он кивает. Я помогаю ему, укладываю ногу в гипсе в нужное положение, потом снова сажусь рядом и беру его за здоровую руку.

Это наш последний, тихий и спокойный момент перед тем, как мы встретимся с неизбежным.

Он начинает прощаться, говоря грубым голосом:

— Мне повезло.

Киваю, и хотя я говорила себе, что не заплачу, у меня текут слезы. Он протягивает руку и вытирает их с моих щек. Такой знакомый жест, что я почти смеюсь — Джейми всегда вытирает мне слезы.

— Уже? — подшучивает он.

— Мы завтра улетаем, — говорю я, хотя он и так это знает. — Кто теперь будет тебе помогать снимать потные майки?

— А ты хороимую систему придумала. Научи кого-нибудь, пока не уехала.

Знаю, что должна засмеяться, но не могу.

— Меня здесь не будет, чтобы тебе помочь, — произношу я, снова говоря очевидные вещи.

Он разглядывает мое лицо, как будто пытается запомнить.

— Ты всегда помогала мне, Роуз. Но ты не можешь делать это за меня.

— Заниматься физкультурой?

— И физкультурой, и не пить...

А я думала, заговорим ли мы сегодня о его алкоголизме. Мы первый раз поднимаем эту тему после моего дня рождения, хотя анализы показали, что в ту ночь, когда произошла авария, уровень алкоголя в крови Джейми зашкаливал. Когда я узнала, мне не хотелось об этом говорить. Все, чего я хотела, это: чтобы он очнулся после операции, потом начал нормально есть, потом встал с кровати, потом начал восстанавливаться, а потом вышел из больницы и вернулся к своей жизни. Или начал новую жизнь со мной.

Просто невозможно требовать от него большего, вдобавок ко всему этому.

— А ты... ты хочешь бросить пить? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это звучало как можно спокойнее.

Он кивает.

— Коулман собирается отвести меня на собрание.

У меня столько вопросов, но я не знаю, какие из них будут уместны. Несмотря на то, что после аварии я вижу с ним каждый день, мы с Джейми в каком-то подвешенном состоянии. Я прикасаюсь к нему все время, когда помогаю, но мы даже не целовались. И мы не обсуждали то, что было между нами в отеле, хотя это постоянно крутится у меня в голове.

В той ночи я бы ничего не поменяла. Ничего.

— Спрашивай, — говорит он, видя мой вопросительный взгляд.

Я не хочу, не хочу знать правду. Но думаю, что уже знаю.

— Ты когда-нибудь пил, когда вез меня на машине?

Он кивает.

— Значит, ты мне врал.

Он опять кивает, глядя мне в глаза.

— Много раз.

Слезы текут сильнее. Не могу их остановить, хотя знаю, что ему от них только хуже. Но может, это нормально, может, ему лучше видеть, что происходит с тем, кто его любит.

Со мной.

— Прости за все, Роуз, — он запускает руку в волосы и с усилием сглатывает. — Я знаю, что ты желала мне только добра.

Пожалуйста, слышу я свой шепот, пожалуйста, не извиняйся за то, что было в отеле. Я бы так нее поступила, если бы думала, что ты пожалеешь об этом.

Он прижимает меня к себе. За пару секунд я устраиваюсь рядом с ним так, чтобы не сделать ему больно, положив голову ему на грудь. Он крепко обнимает меня здоровой рукой.

— Я сейчас жалею обо всем, кроме этого.

Слушаю размеренное биение его сердца, набираясь смелости в последний раз изложить свои доводы.

— Джейми, здесь не лучшее место для тебя. Переезжай в Лос-Анджелес. Я приеду за тобой, когда будешь готов, и ты сможешь начать там все с чистого листа со мной. Пожалуйста.

В долгой тишине, которая следует за моей мольбой, я понимаю, что моя просьба лишена смысла. Есть разница между бегством от чего-то и новым стартом в новом месте. Ты можешь начинать что-то новое, только когда разобрался с тем, от чего хотел убежать.

Я, наконец, оставила позади бомбу, разрушившую мою жизнь. А Джейми только начал справляться со своими проблемами.

— Мне будет лучше здесь. Одному. А ты должна ехать, Рок Звезда.

Может, мне кажется, но такое чувство, что он уже не так крепко меня обнимает.

Тяжелее всего признавать, что одной любви недостаточно — это противоречит всему, на чем я выросла, всем сказочным историям. В реальном мире два человека могут безумно любить друг друга, но обстоятельства должны быть на их стороне, чтобы у них все сложилось. А у нас обстоятельства уж точно не на нашей стороне.

Я думала, моя любовь к нему изменит его будущее. Но он был прав, когда обвинял меня в том, что я пытаюсь превратить его в другого человека, которым он мог бы стать. У этого

человека нет ничего общего с тем, кто он есть на самом деле. И он так старался защитить меня и кое-кого еще, что совсем забыл о себе.

Это ошибки людей, неопытных в отношениях. Впрочем, мы и есть неопытные в отношениях. Так что не буду судить нас строго.

— Роуз, — говорит он.

От тона его голоса я вытираю остатки слез со щек и сажусь. Он все еще держит мою руку, так знакомо поглаживая ладонь своим большим пальцем, и говорит:

— Я люблю тебя. И всегда буду любить.

По правде говоря, я ждала этих слов три года. Даже больше, если считать времена, когда я училась в средней школе, наблюдала за Джейми на льду и представляла, как когда-нибудь узнаю, что значит быть его девушкой. Этот момент не похож на грандиозную любовную сцену с игрой симфонического оркестра и лепестками роз, падающими на нас с небес. Я просто улыбаюсь и отвечаю:

— Я знаю, — потому что так и есть. И он смеется, а это лучше всех симфонических оркестров и лепестков роз вместе взятых.

Когда я, наконец, выхожу из его палаты, уже почти стемнело. Нелегко уходить, зная, что не приду на помощь, когда он будет учиться проживать день без алкоголя, потом еще день, и еще. И так ужасно осознавать, что он — больше не моя опора, не тот человек, к которому я бегу, когда у меня что-то не так. Но может быть, к тому моменту, когда мы снова будем рядом, мы оба научимся справляться со своими проблемами самостоятельно.

Я готова попрощаться с Юнион, готова попрощаться с болью изза смерти отца. Я не готова попрощаться с Джейми, но думаю, что так и должно быть. Мысль о том, что мы примем друг друга, когда встретимся снова, делает расставание почти нормальным.

Некоторым приходится ждать великой любви всю жизнь. Некоторые находят ее слишком рано и не знают, что с ней делать. Не знаю, как лучше, но знаю, что когда бы вы ее ни нашли, боритесь за нее, и у вас будет второй, третий и четвертый шансы ее добиться. И возможно (только возможно!), именно поэтому ваша любовь станет самой сильной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Приложение

1 **Фестонные ножницы** имеют зигзагообразную форму, используются, чтобы сделать зубчатые края вдоль ткани и по швам и не дать ткани осыпаться, а также для распарывания мелких швов.

2 **Всуе** — наречие (книж. устар.). Напрасно

3 **Палеотическая диета (палео диета, диета каменного века, диета охотников — собирателей)** — современный подход к питанию, состоящий в основном из растений и животных, и основанный на предположительном древнем питании людей во время палеолита — исторического периода продолжительностью в 2,5 миллиона лет, закончившегося 10 тысяч лет назад.

4 **Метропблитен-опера** (англ. Metropolitan Opera) — музыкальный театр в линкольн-центре в Нью-Йорке, США. Сокращенно его часто называют мэт (англ. me). театр принадлежит к самым известным и престижным оперным сценам мира.

5 **Кныш** — характерный для белорусской кухни пирожок с запеченным внутри (или уложенным на поверхности, между приподнятыми краями) творогом или другой начинкой: вареньем, или пассированным луком со шкварками.

6 лечебная физическая культура (ЛФК) — метод лечения, состоящий в применении физических упражнений и естественных факторов природы к больному человеку с лечебно-профилактическими целями